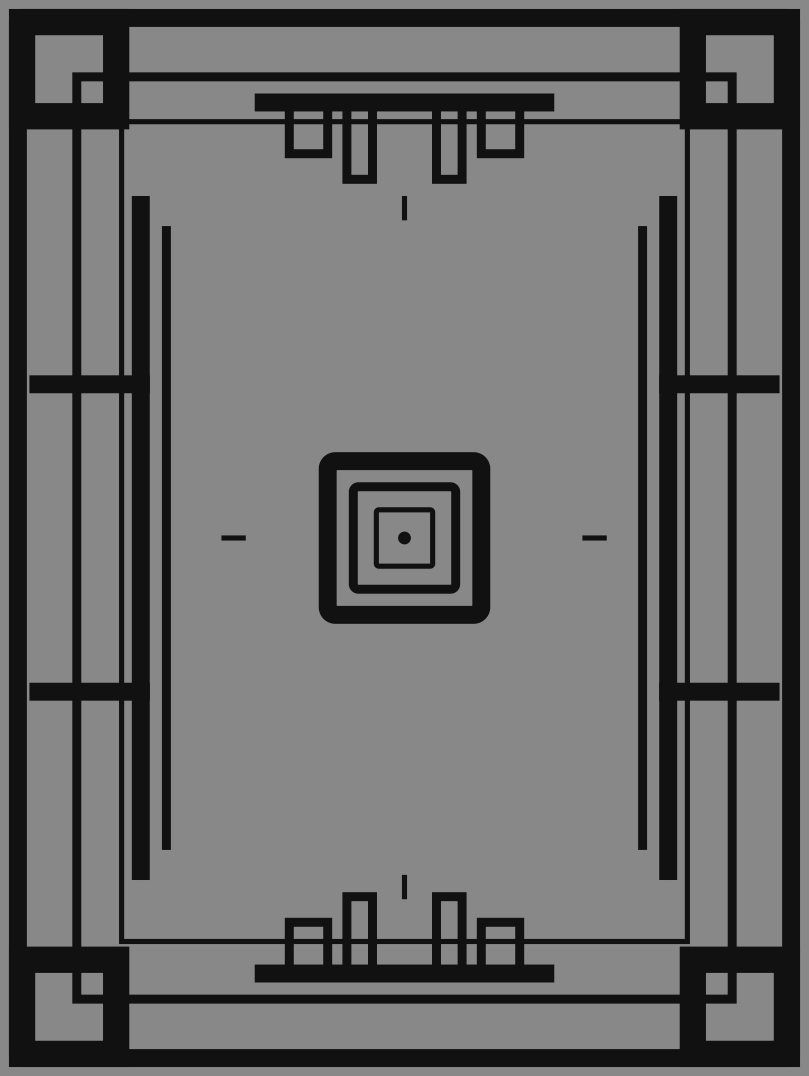

Мир Нуль-А
Альфред Ван Вогт

Аннотация
Альфред Ван Вогт
Мир Нуль-А
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35

Аннотация

...Но трудно было даже представить себе, что в величайшем городе на Земле, городе Машины, на целый месяц перестанут действовать любые законы, кроме тех, которые заново создадут сами люди, чтобы защитить себя от всяких неожиданностей...

Альфред Ван Вогт

Мир Нуль-А
1

Здравый смысл не всегда помогает принимать рациональные решения в критических ситуациях. Главной задачей изучаемой нами науки является воспитание человека, находящегося в полной гармонии с природой; создание определенного типа мышления, готового мгновенно реагировать на любую неожиданность.

Б.Р.

На протяжении Игр живущие в отеле должны, как обычно, объединиться в группы защиты согласно занимаемому этажу…

Сидя в одном из номеров, Госсейн мрачно смотрел в угловое полукруглое окно. Стоял ясный, погожий день, и с тридцатого этажа город, специально выстроенный для Машины, был виден ему как на ладони. Слева внизу сверкала иссиня-черная река, и послеполуденный ветерок ерошил воду, поднимая легкую рябь. К северу, на фоне ярко-голубого неба, резко выделялись темные пики невысоких гор.

Между горами и рекой, в периферии его зрения, толпились по широким улицам частные виллы, с ярко выкрашенными крышами, сверкающими на фоне пальм и других тропических деревьев; гостиницы, разбросанные там и тут; отдельные здания, назначение которых трудно было определить с первого взгляда.

Машина высилась в центре ровной площади на вершине горы, сверкающей серебряной стрелой, уходящей на пять миль в небо. Изумительные сады и роскошный особняк президента неподалеку частично скрывали деревья, но Госсейн почти не обратил на них внимания. Перед его взором находилась Машина, и она заслоняла собой все остальное.

Вид ее притягивал, как магнитом. Несмотря на плохое настроение какое-то волнующее чувство невольно захлестнуло Госсейна. Наконец-то ему удалось стать участником Игр, способных обеспечить его будущее даже в случае небольшой удачи и дающих возможность отправиться на Венеру, если он окажется в числе тех избранных, которые завоюют высшие награды.

Много лет мечтал он об этом, но возможность представилась лишь после ее смерти. «За все приходится платить», — мрачно подумал Госсейн.

Как ни ждал он этого дня, ему и в голову прийти не могло, что ее не будет рядом. С самого начала строили они планы о том, как рука об руку пройдут сквозь тяжелое испытание и начнут жить по-другому. Теперь он остался совсем один, и ему не нужны были ни богатство, ни слава. Загадочная и далекая Венера обещала забвение, и лишь поэтому он так стремился туда. На Земле все казалось деловым и практичным, а ему хотелось душевного покоя, новых духовных ценностей, хотя он был абсолютно нерелигиозным человеком.

Его мысли прервал стук в дверь. В коридоре стоял мальчик, который при виде Госсейна тут же произнес:

— Меня послали, сэр, передать вам, что все уже собрались в зале.

Госсейн посмотрел на него непонимающим взглядом.

— Ну и что?

— Сэр, они обсуждают способы защиты людей на этом этаже в течение Игр.

— О! — воскликнул Госсейн.

Он поразился своей забывчивости. Сообщение, прозвучавшее давно из всех громкоговорителей отеля, заинтересовало его.

Но трудно было даже представить себе, что в

величайшем городе на Земле, городе Машины, на целый месяц перестанут действовать любые законы, кроме тех, которые заново создадут сами люди, чтобы защитить себя от всяких неожиданностей.

— Меня просили передать, — вновь сказал мальчик, — что опоздавшие лишаются защиты на время Игр.

— Уже иду, — улыбнулся Госсейн. — Скажи им, что я — человек новый и просто забыл. И спасибо тебе.

Он протянул посыльному мелкую монету, вернулся в комнату, зашторил пластиковые окна, переключил видеофон на автоматическую запись и, тщательно заперев за собой дверь, пошел по коридору.

В большом просторном зале гостиницы он первым делом заметил своего знакомого, Нордегга, владельца магазина в том городе, где жил сам. Госсейн кивнул головой и улыбнулся. Мужчина с любопытством посмотрел на него, но не улыбнулся в ответ и не поздоровался. На какое-то мгновение это показалось Госсейну странным, но он тут же забыл об инциденте, так как на него были обращены взоры всех присутствующих.

Дружелюбные взгляды ярких глаз, дружеские,

чуть настороженные лица — такое сложилось у Госсейна первое впечатление. Он подавил улыбку. Они присматривались друг к другу, подсчитывали шансы товарищей на предстоящих Играх. Пожилой человек, сидящий за столом у входа, сделал ему знак подойти, и Госсейн, не мешкая, направился в его сторону.

— Я должен вас зарегистрировать, — сказал старик. — Кто вы такой?

— Госсейн, — ответил Госсейн. — Гилберт Госсейн, проживающий в Кресс-Вилледж, Флорида, возраст — тридцать четыре года, рост — шесть футов один дюйм, вес — сто восемьдесят пять фунтов, особых примет не имеется.

Старик улыбнулся, и глаза его лукаво блеснули.

— Ну-ну, — сказал он. — Если внешность не обманчива, думаю, вы далеко пойдете. — Он помолчал, потом добавил: — Кстати, вы ничего не сказали о семейном положении.

Госсейн вздрогнул, подумав о своей умершей жене.

— Я холост, — тихо ответил он.

— Что ж, мистер Госсейн, по-моему, вы неглупый молодой человек. Хочу пожелать вам успеха и надеюсь. Игры покажут, что вы достойны Ве-

неры.

— Спасибо, — сказал Госсейн.

Отходя от стола, он заметил, что Нордегг быстро подошел к старику и склонился над регистрационной книгой. Некоторое время они о чем-то горячо спорили, но вскоре распорядитель, невысокого роста улыбающийся человек, вышел на середину зала, поднял руку вверх, и все разговоры затихли.

— Леди и джентльмены, — объявил он. — Я считаю, пора начинать. У лиц заинтересованных было достаточно времени, чтобы присоединиться к нам. А следовательно, как только закончатся отводы, я предлагаю запереть двери и начать обсуждение.

— Для тех, — продолжал он, — кто участвует в Играх первый раз и не знает, что такое отвод, я объясню подробно. Все вы, естественно, должны будете повторить перед детектором *лжи* те данные о себе, согласно которым проводилась регистрация. Но прежде, если у вас возникли сомнения относительно друг друга, говорите прямо. Каждый из вас обладает правом дать отвод любому из присутствующих. Не стесняйтесь высказать малейшее подозрение, даже не имея никаких доказательств. Однако не забывайте,

что группа встречается каждую неделю, и отвод можно дать на любом из последующих собраний. Итак, есть у кого-нибудь отводы?

— Да, — раздался громкий голос. — Я даю отвод человеку, который называет себя Гилберт Госсейн.

— А? — сказал Госсейн. Он резко повернулся и изумленно уставился на Нордегга.

Более пожилой мужчина окинул его твердым взглядом и обратился к распорядителю.

— Когда Госсейн вошел, — продолжал Нордегг, — он кивнул мне как знакомому, и я, естественно, решил посмотреть в книге регистрации его имя, думая, что вспомню, где мы встречались. К своему изумлению, я обнаружил, что он дал адрес в Кресс-Вилледж, Флорида, то есть там, где я живу. Леди и джентльмены, Кресс-Вилледж — маленький, но знаменитый городок, с населением всего в триста человек. Я владелец одного из трех магазинов, и знаю абсолютно всех не только в городе, но и окрестностях. Ни в Кросс-Вилледж, ни в его пригородах, человек по имени Гилберт Госсейн не проживает.

Шок, который Госсейн испытывал во время речи Нордегга, прошел почти сразу же, и осталось лишь ощущение, что над ним издеваются

каким-то непонятным образом.

— По-моему, все это очень глупо, мистер Нордегг, — сказал он и, помолчав, добавил: — Ведь вас так зовут?

— Верно, — Нордегг кивнул. — Хотя я не понимаю, откуда вы могли узнать мое имя.

— Ваш магазин в Кресс-Вилледж, — продолжал настаивать Госсейн, — находится в конце ряда из девяти домов, на перекрестке четырех дорог.

— Нет никакого сомнения, — заявил Нордегг, — что вы тщательно изучили мой городок, либо лично, либо по фотографиям.

Госсейн подавил в себе раздражение, вызванное находчивыми ответами лавочника.

— Примерно в миле к западу от вашего магазина стоит небольшой, причудливой формы, домик, — сказал он.

— «Домик»! — фыркнул Нордегг. — Известный всему миру загородный дом семьи Харди!

— Девичья фамилия моей покойной жены была Харди, — сказал Госсейн. — Она умерла месяц тому назад. Патриция Харди. Может, теперь вы вспомните?

Он увидел толпу людей, напряженно ожидающих ответа, услышал, как Нордегг иронически рассмеялся.

— Что еще могу сказать, леди и джентльмены, судите сами. Он говорит, что Патриция Харди — его жена. Думаю, что все мы дышали бы о таком событии, как ее свадьба. Что же касается «покойной» Патриции Харди, или Патриции Госсейн, — тут он улыбнулся, — могу вас заверить, что видел се не далее как вчера утром, и она очень живо гарцевала на белом арабском скакуне.

Это уже не походило на издевательство. У Патриции не было даже лошади, тем более арабского скакуна. Жили они небогато, целый день работали на своей маленькой фруктовой ферме, а вечером упорно занимались, готовясь к Играм. Да и Кресс-Вилледж отнюдь не славился тем, что в нем находился загородный дом семьи Харди — ведь они были ничем не выдающимися людьми. Что все это могло значить?

Мысли мелькнули и пропали в его мозгу. Необычайно отчетливо он увидел, как окончить этот нелепый спор.

— Я могу лишь предложить, — сказал он, — повторить все, что говорил, перед детектором лжи. Уверен, что он тут же подтвердит мою правоту.

Но детектор лжи ответил:

— Нет, вы не Гилберт Госсейн и никогда не жили в Кресс-Вилледж. Вы… — Голос замолк.

Электронные трубы аппарата неуверенно замигали.

— Ну же, — не вытерпел распорядитель. — Кто он?

Ответ последовал после долгой паузы.

— Мозг этого человека не содержит нужной информации. Он не знает своего настоящего имени. В нем чувствуется какая-то сила, но в данных обстоятельствах определить, кто он такой, не представляется возможным.

— И в данных обстоятельствах, — решительным тоном, не терпящим возражений, заявил распорядитель, — я могу лишь посоветовать вам как можно скорее обратиться к психиатру, мистер Госсейн. Естественно, здесь вы не останетесь.

Минутой позже Госсейн шел по коридору. Он ничего не видел вокруг, не помнил, как добрался до комнаты и набрал нужный номер. Прошло две минуты, прежде чем его соединили с Кресс-Вилледж. На экране появилась молодая женщина с довольно суровым выражением лица, но приятной наружности.

— Я — мисс Тричерз, секретарь мисс Патриции Харди во Флориде. О чем вы хотели поговорить с мисс Харди?

В первую секунду самое существование такой

особы, как мисс Тричерз, ошеломило его. Но Госсейн быстро оправился от изумления.

— По личному вопросу, — твердо сказал он. — И мне необходимо поговорить с ней с глазу на глаз. Это очень важно. Пожалуйста, соедините меня как можно скорее.

Видимо, он говорил достаточно авторитетным тоном, потому что молодая женщина, секунду поколебавшись, ответила:

— Я не вправе выдавать подобной информации, но мисс Харди сейчас находится во дворце Машины. Попробуйте позвонить туда.

— Она здесь, в городе! — невольно вырвалось у Госсейна.

Он не помнил, как повесил трубку, но внезапно женское лицо исчезло с экрана. Видеофон отключился. Он остался наедине с одной-единственной мыслью, сверлившей мозг: «Патриция жива!»

Впрочем, ничего удивительного. Мозг, натренированный, способный воспринимать любую ситуацию реального мира, сразу же отметил, что детектор лжи не мог ошибиться. Сидя перед потухшим экраном, Госсейн почувствовал, что впал в какую-то прострацию. У него не возникло желания ни звонить во дворец, ни разговаривать со своей женой, ни видеть се. Конечно, это

придется сделать завтра, но следующий день тоже казался удаленным далеко-далеко в пространстве-времени. Как сквозь сон, услышал он громкий стук в дверь и, встряхнувшись, встал с кресла. В коридоре стоял четыре человека, и один из них тут же произнес:

— Я — менеджер. Извините, но вам придется покинуть нашу гостиницу. Багаж можете оставить внизу. В течение месяца, пока не действуют законы, мы не можем позволить себе сдавать номера людям, на которых пало хоть малейшее подозрение.

Через двадцать минут Госсейн очутился на пустынной улице. Наступил вечер.

2

За всю историю человечества учение гениального… Аристотеля… привлекло, пожалуй, наибольшее количество последователей… Наша трагедия заключалась в том, что биолог Аристотель продолжил дело философа-математика Платона и, сформулировав все изначальные определения, предсказал дальнейшее их развитие… объединили в одну систему, на которую кощунством считалось посягнуть более чем две тысячи лет… В связи с этим имя его используется при обозначении двух крайне важных Аристотелевых доктрин, и, соответственно, множество современных наук, необходимых для человечества, получило название не-Аристотелевых…

А.К.

Пока еще окончательно не стемнело, он мог не бояться. Хулиганы, мародеры, карманники прятались по углам в ожидании наступления ночи. В глаза ему бросилась вывеска, которая периодически загоралась и гасла:

КОМНАТЫ ДЛЯ ЛИШЕННЫХ ЗАЩИТЫ

ночь — 20 долларов

Госсейн остановился в раздумье. Ему очень хотелось иметь крышу над головой, но, во-первых, денег хватило бы только на несколько дней, а во-вторых, — слишком уж мрачные истории ходили о подобного рода ночлежках. Предпочтительней рискнуть и провести ночь на свежем воздухе.

Он пошел дальше. Темнота сгущалась, один за другим зажигались автоматические фонари. Город Машины сверкал и переливался. Улица, по которой он шел, тянулась на многие мили, и фонари, как часовые, стояли по обе стороны, уходя вдаль и сливаясь в одно слепящее пятно на горизонте. Внезапно его охватило отчаяние.

Совершенно очевидно, он страдал определенного рода амнезией, и теперь необходимо проанализировать происшедшее во всех его аспектах. Только таким образом удастся избавится от ненужных эмоций, а, следовательно, и от своего теперешнего состояния. Госсейн пытался представить себя с точки зрения нуль-А концепций, как нечто целое: тело, мозг; амнезия — в этот самый день и час, в этом самом месте.

Тысячи часов тренировок не пропали даром. Ведь за ними стоял не-Аристотелев способ самого широкого охвата действительности, уникальное достижение людей двадцатого века, которое че-

рез четыреста лет стало динамичной философией человеческой расы. «Карта — не территория… Слово — не сама вещь…» Уверенность в том, что он был женат, не давала оснований считать это фактом. Галлюцинациям, которые подсознание передавало нервной системе, следовало противопоставить здравый смысл.

Как всегда, он почувствовал облегчение. Все сомнения и страхи ушли, как вода в решето. Ложная печаль, ложная потому, что кто-то специально смутил ею его мозг, — исчезла. Он был свободен.

Продолжая идти вперед, Госсейн настороженно глядел по сторонам, на сгущавшиеся перед дверями домов тени. У перекрестков он был особо внимателен, все время держа руку на рукоятке пистолета. Но несмотря на все предосторожности, он так и не увидел девушки, выбежавшей с боковой улицы и столкнувшейся с ним, так что оба они чуть не упали.

Неожиданное происшествие не помешало Госсейну принять меры предосторожности. Левой рукой он крепко обхватил девушку за плечи, правой выхватил пистолет, одновременно стараясь удержаться на ногах и сохранить равновесие. Потом он выпрямился и, не давая ей опомниться, потащил за собой к проему дверей, подальше от

света. Уже у самого входа она попыталась вырваться из его объятий и застонала. Не выпуская пистолета, Госсейн поднял правую руку и зажал ей рот.

— Шшш! — прошептал он. — Я не причиню вам вреда.

Она тут же перестала сопротивляться. И замолчала. Он опустил руку, и, задыхаясь, она произнесла:

— За мной гнались. Двое. Наверное, увидели вас и убежали.

Госсейн задумался. Любое событие, совершающееся в пространстве-времени, зависит от множества неизвестных и непредвиденных факторов. Молодая женщина, отличная от всех других молодых женщин Вселенной, в ужасе выбежала из боковой улицы. Этот ужас мог быть реальным или наигранным. Мозг Госсейна откинул вариант, ничем ему не грозящий, и принялся исследовать вероятность того, что ее появление — ловушка. Он представил себе, как группа из нескольких человек, не решающихся на открытый грабеж, ждет его за углом, чтобы получить свою долю добычи в лишившимся охраны порядка городе. Он думал о девушку лишь с чувством холодного подозрения. Ведь если она была такой

беззащитной, как она очутилась одна на улице ночью?

— Я лишена защиты, — сказала она хриплым голосом в ответ на его прямой вопрос. — Неделю назад меня уволили, потому что я отказалась принимать ухаживания босса. И с деньгами туго. Мне нечем даже заплатить за квартиру, и сегодня утром хозяйка выгнала меня из комнаты.

Госсейн промолчал. Ее объяснение выглядело настолько жалким и смехотворным, что ему стало неловко. Но через секунду его уверенность поколебалась. Ведь с ним самим произошла куда более неправдоподобная история. Прежде чем принять за основу ту вероятность, что она все-таки говорит правду, и действовать соответственно, он все же спросил:

— Разве вам некуда пойти?

— Нет, — сказала она.

Значит, теперь ему придется нести за нее ответственность на протяжении всех Игр. Она не сопротивлялась, когда он взял ее за руку и, осторожно обогнув угол дома, вывел на дорогу.

— Мы пойдем по центральной белой линии, — сказал он. — Так лучше видны перекрестки. — Опасность грозила им повсюду, но он решил не пугать се понапрасну. — Послушайте, — оза-

боченно продолжал он, — вы можете меня не бояться. Я тоже попал в переделку, но я — человек честный. Давайте считать, что оба мы находимся в затруднительном положении, и самая главная задача сейчас — найти место для ночлега.

Девушка издала какой-то звук. Госсейну показалось, что она еле сдерживается, чтобы не рассмеяться, но когда он резко повернулся, голова ее была опущена, так что он ни в чем не может быть уверен. Через мгновение она посмотрела на него, и только сейчас ему впервые представилась возможность внимательно изучить ее лицо. Она была молодой и загорелой, с чуть впалыми щеками и большими черными глазами. Следы не совсем умело наложенной косметики только портили ее красоту. Непохоже, что в последнее время ей приходилось над чем-нибудь смеяться. Подозрения Госсейна развеялись, и он вновь осознал всю тяжесть ответственности, которая легла на его плечи, — ведь он теперь стал единственным защитником молодой девушки, о которой абсолютно ничего не знал.

Они подошли к заброшенной неосвещенной стоянке автомобилей, и Госсейн остановился, задумавшись. Вокруг рос редкий кустарник — идеальное убежище честному человеку и его

молодой спутнице, если только пробраться туда незаметно, по боковой аллее, ведущей между двумя зданиями.

Примерно через десять минут им удалось обнаружить небольшую полянку, покрытую травой и окруженную со всех сторон колючим кустарником.

— Мы будем спать здесь, — прошептал Госсейн.

Девушка тут же опустилась на землю. И вновь ее бессловесная покорность натолкнула Госсейна на размышления. Нахмурившись, он прилег на траву.

Ночь стояла безлунная, и прошло много времени, прежде чем Госсейн смог различить ее туманную фигуру в отраженном свете далекого уличного фонаря. Она сидела футах в пяти от него, даже не шелохнувшись, не поменяв позы, — девушка, которая являлась для Госсейна фактором таким же неизвестным, как и он сам. Его мысли прервал тихий и мягкий голос.

— Меня зовут Тереза Кларк. А вас?

«Действительно, как же меня зовут?» — подумал Госсейн, но не успел ответить, так как она вновь заговорила:

— Вы собираетесь принять участие в Играх?

— Да, — сказал Госсейн, мгновение поколебавшись. Ведь это ему следовало расспрашивать ее, а не наоборот. — А вы?

— Не говорите глупостей. — В голосе девушки прозвучала горечь. — Я даже не знаю, что такое нуль-А.

Госсейн промолчал. Он почувствовал себя неловко при виде такого самоуничижения. И внезапно характер Терезы Кларк прояснился: больное воображение и эгоизм, в результате которых она всегда будет довольна собой. Со стороны шоссе послышался шум мотора, и это избавило Госсейна от необходимости продолжать разговор. Вслед за первой машиной с бешеной скоростью промчались еще несколько. Заскрипели тормоза, взвизгнули шины на повороте. И вновь наступила тишина. Но далекий шум большого города, на который он раньше не обращал внимания, казалось, окружал его со всех сторон.

Приятный говорок девушки заглушал шум, но в ее голосе прозвучала такая жалость к самой себе, что ему стало неприятно.

— И вообще, для чего нужны Игры? Я еще понимаю тех, кто остается на Земле. Отхватывают приличную работенку, неплохо устраиваются. Но ведь каждый год тысячи людей получают право

отправиться на Венеру. Что они там делают?

Госсейн не счел нужным вдаваться в объяснения.

— Лично я, — ответил он, — вполне удовлетворюсь местом президента.

Девушка рассмеялась.

— Вам придется изрядно попотеть, — сказала она, — чтобы занять пост Харди.

Госсейн резко выпрямился и сел.

— Кого?!

— Майкла Харди, президента Земли.

Госсейн медленно прилег на траву. Теперь понятно, что имели в виду Нордегг да и все остальные в гостинице. Неудивительно, что его рассказ показался им бредом сумасшедшего. Президент Харди, летняя резиденция в Кресс-Вилледж — информация, заложенная в его мозгу, была ложной от начала до конца.

Но кому это понадобилось? Харди?

— Вы не могли бы помочь мне, — прервала его размышления Тереза Кларк, — выиграть хоть какую-нибудь, самую пустяковую работу?

— Что-что? — Госсейн уставился на нее сквозь темноту. Изумление его быстро прошло, уступив место чувству жалости. — Вряд ли, — ответил он. — Чтобы принять участие в Играх, требуются

обширные знании и умение, которые даются лишь долгими тренировками. И лишь единицы, способные на полную отдачу всех своих умственных и душевных сил, выдерживают испытания последних пятнадцати дней.

— Меня не интересуют последние пятнадцать дней. Говорят, уже через неделю можно неплохо устроиться. Верно?

— Самая низкооплачиваемая работа, если вы, конечно, собираетесь получить ее как участница Игр, приносит десять тысяч в год. Насколько я понимаю, конкурентов более чем достаточно.

— Я способная, — заявила Тереза Кларк. — И у меня безысходное положение. Значит, я смогу.

Госсейн сильно в этом сомневался, но ему вновь стало жалко ее.

— Если хотите, — сказал он, — я попытаюсь вкратце рассказать, что к чему.

Он замолчал, и она быстро проговорила:

— Да, да, пожалуйста.

Госсейн вздохнул. Он понимал, насколько бессмысленно пытаться объяснить ей что-нибудь, но делать было нечего.

— Человеческий мозг, — нехотя начал он, — в грубом приближении можно разделить на две основные части: кору и таламус. Кора является

центром распознавания, таламус — центром эмоциональных реакций нервной системы… Кстати, вы были в институте Семантики?

— О, как там красиво, — заявила Тереза Кларк. — И сколько драгоценных камней, серебра, золота.

Госсейн прикусил губу.

— Я говорю о другом. На одной из стен изображен рассказ в картинках. Видели?

— Не помню. — Она казалось, поняла, что он остался ею недоволен. — Но зато я видела бородача — как там его? — в общем, директора.

— Лавуазье? — Госсейн нахмурился. — Мне казалось, он погиб несколько лет назад в автомобильной катастрофе. Когда это было?

— В прошлом году. Он сидел в кресле на колесах.

Госсейн задумался. На какое-то мгновение он решил, что память вновь отказала ему. Однако странно. Зачем неизвестному, экспериментировавшему с его мозгом, скрывать, что почти легендарный Лавуазье все еще жив? После некоторых колебаний он продолжал:

— Кора головного мозга, как и таламус, потенциально обладают необычайными возможностями, которые необходимо правильно реализовать. Са-

мым главным является координация их действий, ведущая впоследствии к полной интеграции, и если этого не происходит — личность человека нельзя считать полноценной. С другой стороны, как только интеграция осуществлена, нервная система в состоянии выдержать практически любой шок.

Госсейн умолк, вспомнив о событиях минувшего дня.

— Что с вами? — быстро спросила девушка.

— Ничего, — проворчал он. — Продолжим разговор утром.

Внезапно он почувствовал, как сильно устал. Но прежде чем сон навалился на него, на память почему-то пришли слова детектора лжи: «В нем чувствуется какая-то необычайная сила».

Когда он проснулся, солнце сияло на небе. Терезы Кларк и след простыл.

Госсейн убедился в этом, тщательно обыскав все кусты. Затем он вышел на шоссе и посмотрел по сторонам.

Улица была забита движущимся транспортом, по тротуару весело спешили ярко разодетые мужчины и женщины. Казалось, сам воздух звенел шумом моторов, звуками голосов, ревом машин. Волнующее зрелище. Внезапно Госсейн понял,

что теперь он совершенно свободен, а отсутствие девушки только доказывало, что ее появление отнюдь не очередной этап какого-то фантастического плана, в результате которого его для начала полностью лишили памяти. Он почувствовал облегчение при мысли о том, что ему не придется больше о ней заботиться.

Знакомое лицо мелькнуло в человеческой толпе, скользившей мимо. Тереза Кларк, с двумя коричневыми пакетами в руках, окликнула его.

— А вот и завтрак, — сказала она. — Я решила, что лучше позавтракать на травке с муравьями, чем в битком набитом ресторане.

Они молча принялись за еду. Госсейн заметил, что упаковка была магазинной, на вынос. Витаминизированный апельсиновый сок, каша со сметаной в отдельной пластиковой упаковке, тосты с горячими почками, кофе со сливками.

Примерно долларов пять, прикинул он. Не слишком ли роскошно для парочки, которой тридцать дней придется ограничивать себя во всем, лишь бы дотянуть до окончания Игр? И кроме того, девушка, у которой имелось в кармане пять долларов, спокойно могла заплатить хозяйке еще за одну ночь. Более того, она, видимо, неплохо зарабатывала, если не нуждаясь

купила такой завтрак. Чуть нахмурившись, он неожиданно спросил:

— Кстати, как зовут вашего босса?

— Что? — Тереза Кларк закончила жевать тост с почками и теперь рылась в сумочке. Услышав вопрос, она вздрогнула и недоуменно посмотрела на него. Затем лицо ее прояснилось. — А, вы о нем! — сказала она.

— Да, — требовательно сказал Госсейн. — Как его зовут?

Самообладание полностью вернулось к ней.

— Я не хочу вспоминать об этом, — заявила Тереза Кларк и тут же переменила тему разговора. — Чтобы выдержать первое испытание, мне много придется выучить?

Госсейн помедлил, не зная, стоит ли ему настаивать на ответе. В конце концов он решил, что спешить некуда.

— Нет, — сказал он. — К счастью, первый день Игр — предварительный. Нужно лишь зарегистрироваться, получить назначение я одну из кабинок и ответить на вопросы. Я изучал историю Игр за последние двадцать лет — более ранние сведения Машина не выдает — и обратил внимания, что сначала вас просто просят определить, что такое нуль-А, нуль-Н, нуль-Е.

— Независимо от того, осознаете вы или нет, невозможно жить на Земле и не иметь хотя бы общих представлений о нуль-А концепциях: ведь они развиваются в нашем сознании уже несколько сотен лет. Людям свойственно забывать определения и формулировки, — добавил он, — но если вы действительно хотите…

— Конечно, хочу, — ответила девушка.

Она вытащила из сумочки портсигар.

— Покурим?

Золото блеснуло на солнце. Бриллианты, изумруды, рубины переливались разноцветным пламенем на поверхности. Сигарета, автоматически прикуренная внутри, наполовину выскочила из отверстия. Драгоценности, конечно, могли быть из пластика, металл — подделкой, но портсигар был явно не серийным и выглядел слишком натурально. Госсейн определил его стоимость примерно в двадцать пять тысяч долларов.

— Нет, спасибо, — оправившись от изумления, ответил он. — Яне курю.

— Это — особый сорт, — продолжала настаивать девушка. — Они очень мягкие.

Госсейн покачал головой, и, пожав плечами, она вынула зажженную сигарету, с наслаждением затянулась и кинула портсигар обратно в

сумочку. Видимо, ей даже в голову не пришло, что такая безделушка может произвести впечатление.

— Давайте заниматься, — сказала она. — Когда вы мне все объясните, можно будет расстаться до вечера, а потом опять встретимся здесь. Договорились?

Манера поведения Терезы Кларк раздражала, и Госсейн никак не мог привыкнуть к ее бесцеремонности. Теперь он уже почти не сомневался, что она появилась неспроста и, возможно, имела прямое отношение к неизвестному, поставившему непонятный эксперимент с его мозгом. Он не мог позволить ей исчезнуть.

— Хорошо, — сказал он. — Не будем терять времени.

3

Жить вне общества невозможно.

С.Дж. К.

Когда Тереза Кларк вышла из автомобиля, Госсейн подал ей руку. Они быстро прошли аллею, по обеим сторонам которой высились деревья, затем арку массивных ворот, и только тогда увидели Машину. Девушка продолжала идти, не

замедляя шага, но Госсейн остановился.

Машина находилась в самом конце широкого проспекта. Большую часть площадки на вершине горы занимали цветущие сады, и надо было пройти примерно с полмили, чтобы оказаться перед сверкающим великолепием металлического шпиля, на вершине которого атомным светом сверкала звезда, затмевающая собой полуденное солнце.

Это зрелище ошеломило Госсейна. Внезапно он необычайно ясно понял, что Машина откажется сделать его участником Игр, если он не сможет назвать своего настоящего имени. Он почувствовал себя маленьким, никому не нужным. Краешком глаза он заметил, что Тереза Кларк остановилась и смотрит на него.

— Вы, наверное, первый раз видите Машину вблизи? — участливо спросила она. — Страшно, да?

В голосе ее прозвучали высокомерные, слегка пренебрежительные нотки, и Госсейн не смог сдержать улыбки. «Ох уж эти городские всезнайки!» — подумал он. Даже настроение у него несколько улучшилось, и, взяв ее под руку, он зашагал вперед. Постепенно к нему начала возвращаться былая уверенность в себе. В конце

концов, он ни в чем не виноват, ведь детектор лжи в отеле тоже сказал, что Госсейн не специально назвал вымышленное имя.

По мере продвижения вперед толпа людей становилась все больше, а огромные размеры Машины все очевиднее. У самого ее основания ярус за ярусом располагались отдельные комнаты для испытуемых. Весь первый этаж внутри тоже состоял из подобного рода помещений и ведущих к ним коридоров. Широкие клетки лестниц снаружи вели на второй, третий и четвертый этажи и опускались еще на три этажа вниз.

— Боюсь, у меня ничего не выйдет, — сказала Тереза Кларк. — Все эти люди вокруг кажутся мне такими умными!

Госсейн рассмеялся, посмотрев на выражение ее лица, но ничего не ответил. Он ни на секунду на сомневался, что выдержит испытания в течение всех тридцати дней. Сейчас его волновала лишь мысль о том, что его вообще могут не допустить до экзаменов.

Далекая и неприступная Машина возвышалась над человеческими существами, стремящимися показать всю полноту своих знаний. Ни одни из ныне живущих на Земле людей не знал, где именно расположен ее электронно-магнитный мозг.

Как и многие другие, Госсейн тоже задумывался над проблемой, стоявшей в свое время перед учеными и архитекторами. Впрочем, это не имело никакого значения. Самозаменяющая необходимые блоки, осознающая свое существование и цель. Машина была полностью неподкупна и теоретически способна предотвратить любое нападение.

«Чудовище!» — кричали слишком эмоционально настроенные, когда Машина только строилась. «Нет, — отвечали ее создатели, — механический мозг, творчески мыслящий, обладающий возможностями развития в любом разумном направлении». И в течение трехсот лет люди привыкли к тому, что Машина безошибочно определяет человека, способного по своим моральным качествам быть президентом Земли.

Госсейн прислушался к разговору между мужчиной и женщиной, которые шли рядом.

— Меня только пугает, — говорила женщина, — что целый месяц в городе не будет охраны порядка.

— Ты просто не понимаешь, — отвечал мужчина. — На Венере вообще не существует полиции, в ней нет необходимости. Если мы окажемся достойными, то будем жить на этой планете,

где каждый человек разумен в самом высоком смысле этого слова. Заодно станет ясно, какого прогресса достигли мы здесь, на Земле. Могу тебя уверить, что большие перемены произошли даже в течение моей жизни. Не бойся, все будет хорошо.

— Наверное, нам придется расстаться, — сказала Тереза Кларк. — Всем на букву «К» надо спуститься на второй подземный этаж, а «Г» — на первый. Встретимся вечером на той же стоянке, не возражаете?

— Конечно, нет.

Госсейн подождал, пока она исчезла за поворотом, затем отправился следом. Он увидел, как она спустилась вниз, быстро прошла по коридору к лестнице, ведущей на выход, и взбежала по ступенькам. Когда он протолкался сквозь толпу людей и вновь очутился на улице, ее нигде не было видно. Задумавшись, Госсейн вернулся назад. Он с самого начала учитывал ту вероятность, что она не рискнет пойти на экзамен, и поэтому стал следить за ней, но то, что его подозрения оправдались, было неприятно. Проблема Терезы Кларк становилась все сложней.

Волнуясь сильнее, чем ожидал, Госсейн вошел в свободную кабинку сектора «Г». Раздался щел-

чок автоматически закрываемой двери, и в ту же секунду голос Машины бесстрастно произнес:

— Ваше имя?

Госсейн забыл о существовании Терезы Кларк. Наступил кризис.

В кабинке стояло комфортабельное вертящееся кресло и стол с ящиками, а над ним — прозрачная пластиковая панель в стене, в которой перемигивались желтым и красным электронные трубки. Громкоговоритель, тоже из прозрачного пластика, находился в центре панели.

— Ваше имя? — повторил голос. — И пожалуйста, отвечая, положите руки на подлокотники кресла.

— Гилберт Госсейн, — тихо ответил Госсейн.

Наступило молчание. Вишнево-красные трубки неуверенно замигали.

— На первое время, — все тем же бесстрастным тоном произнесла Машина, — я принимаю это имя.

Госсейн перевел дыхание. Он почувствовал, что стоит на пороге великого открытия, и от возбуждения ему стало жарко.

— Вам известно, кто я такой на самом деле? — спросил он.

Машина ведет разговор не только с ним одним,

но одновременно с десятками тысяч людей, сидящими каждый в своей кабинке.

— Ваш мозг не содержит нужной информации? — услышал он. — Вы готовы отвечать?

— Н-но…

— Оставим этот разговор! — голос стал строже, потом смягчился. — Письменные принадлежности в одном из ящиков стола. Не торопитесь. Раньше чем через тридцать минут дверь кабинки все равно не откроется. Желаю удачи.

Вопросы были именно те, которые Госсейн ожидал: «Что такое не-Аристотелевы концепции?», «Что такое не-Ньютоновы концепции?», «Что такое не-Евклидовы концепции?».

Экзамен был не так прост, как могло показаться с первого взгляда, ведь ему предстояло не детально сформулировать определения, а показать свое понимание множественного значения слова, и при этом отметить, что каждый ответ, в свою очередь, не является однозначным. Госсейн начал с того, что всюду проставил привычные общепринятые сокращения: нуль-А, нуль-Н, нуль-Е. Он кончил писать минут через двадцать и в ожидании откинулся на спинку кресла.

— В данный момент других вопросов не имеется, — сказала Машина.

Это, видимо, должно было означать, что их разговор еще не закончен, и, действительно, к концу двадцать пятой минуты из громкоговорителя вновь послышался голос:

— Не удивляйтесь, пожалуйста, что первое испытание показалось вам столь несложным. Помните, никто не ставит перед собой задачи провалить как можно большее количество испытуемых. Наша общая цель — гармоничное развитие личности, умение правильно использовать имеющуюся в человеке сложную нервную систему. Это может быть осуществлено только в том случае, если каждый гражданин Земли выдержит тридцатидневные Игры. Что же касается сегодняшнего дня, не сдавшие экзамена уже оповещены. Им придется ждать будущего года. Желаю все остальным — к счастью, их более девяноста девяти процентов — успеха завтра.

Госсейн вложил исписанные листки в раскрывшуюся щель. Телевизионное устройство произвело быструю сверку и подтвердило правильность ответа. Через несколько минут экзамен будет держать другая группа из двадцати пяти тысяч участников.

— Вы хотели о чем-то спросить меня, Гилберт Госсейн? — произнесла Машина.

Госсейн вздрогнул.

— Да. Почти все мои представления являются ложными. Это было сделано с какой-то определенной целью?

— Безусловно.

— Кем?

— Ваш мозг не содержит нужной информации.

— Тогда откуда вы знаете?

— Полученные данные позволяют прийти лишь к одному логичному выводу. Тот факт, что ваши иллюзии имели прямое отношение к Патриции Харди, говорит о многом.

Госсейн заколебался, потом все же высказал мысль, пришедшую ему в голову.

— Многие душевнобольные были убеждены, что олицетворяют собой какие-нибудь известные личности: Я — Цезарь, Я — Наполеон, Я — Тарг, Я — муж дочери президента Земли. Относится ли моя уверенность к той же категории?

— Конечно, нет. Самое сильное убеждение может быть внушено с помощью гипноза. Например, ваше. Именно поэтому вы относительно легко избавились от чувства горя, когда поняли, что Патриция жива. Однако последствия нервного шока еще не устранены полностью. — Наступило непродолжительное молчание, потом

Машина вновь заговорила, и в ее голосе неожиданно проскользнули нотки грусти. — Я — всего лишь неподвижный мозг, и не совсем ясно представляю себе, что происходит в дальних уголках нашей планеты. Вы будете удивлены и разочарованы, но я могу лишь гадать, какие планы вынашивают те или иные люди.

— Но хоть что-нибудь вам известно? — спросил Госсейн.

— Вы играете большую роль в осуществлении этих планов, но не знаю, какую именно. Я советую вам обратиться к психиатру и сфотографировать кору головного мозга, иначе я не могу вынести никакого определения. Больше мне нечего вам сказать. До свидания, до завтра.

Раздался щелчок, и дверь автоматически открылась. Госсейн вышел в коридор, помедлил, потом направился к выходу, пробираясь сквозь толпу людей.

Он оказался на мощеном бульваре. К северу, примерно в четверти мили, в геометрическом порядке стояли здания, а дальше — дворец Президента, окруженный деревьями и клумбами цветов.

Он был невысок, и зеленый фон очень красиво оттенял его благородные архитектурные

линии. Но Госсейну было не до того. Мозг его рассчитывал, обдумывал, сопоставлял факты. Там жили президент Харди и его дочь Патриция, и их причастность к происходящему не вызывала сомнений. Но для чего внушать ему, что он женат на покойнице? Это казалось бессмысленным. Не подвернись Нордегг, все равно любой детектор лжи в отеле тут же вывел бы его на чистую воду.

Госсейн повернулся и пошел обратно в город. Он перекусят в небольшом ресторанчике у реки, попросил принести телефонный справочник и принялся листать пожелтевшие страницы. Он знал имя нужного ему человека и наткнулся на него почти сразу же.

ЭНРАЙТ, ДЭВИД ЛЕСТЕР, психолог

709 Дом Искусства Медицины

Энрайт написал насколько книг, которые рекомендовались для прочтения каждому желающему выдержать более чем десятидневное испытание Игр. Читать их было одним насаждением, и Госсейн тут же вспомнил ясность мысли, внимательное отношение к слову, широту интеллекта автора и то понимание неразрывной связи, полного единения тела и мозга, которые сквозили в каждой строчке.

Захлопнув справочник, Госсейн вышел на ули-

цу. Он чувствовал себя легко и спокойно. В нем пробудилась надежда. Он не забыл книг Энрайта, а, значит, в амнезии не было ничего страшного. Знаменитый врач вылечит его в два счета.

— Доктор Энрайт принимает только по предварительной записи, — объявил секретарь в приемной. — Приходите через три дня, в 14:00. Я могу выделить вам один час, однако вы должны заранее оплатить счет в двадцать пять долларов.

Госсейн отсчитал деньги, взял расписку и ушел. Он не огорчился: к хорошему врачу все еще трудно было попасть, так как больное человечество только-только начинало постигать мир нуль-А концепции.

Вновь очутившись на улице, он с любопытством посмотрел на один из самых мощных автомобилей, который ему когда-либо доводилось видеть. Сверкая в лучах послеполуденного солнца, огромная машина пронеслась мимо и остановилась футах в ста от поребрика. Человек в ливрее, сидевший рядом с шофером, быстро выскочил на панель и открыл заднюю дверцу.

Из автомобиля вышла Тереза Кларк. Темное вечернее платье почти не худило ее, но лицо казалось чуть полнее и не таким загорелым. Тереза Кларк! Имя, потерявшее всякий смысл на фоне

сверкающего великолепия.

— Кто это? — спросил Госсейн стоявшего рядом мужчину, заранее зная, какой последует ответ.

Тот посмотрел на него, удивленно приподняв брови.

— Патриция Харди, дочь президента. Насколько я понимаю, полная неврастеничка. Посмотрите на ее машину в форме огромного бриллианта…

Госсейн отвернулся, перестав слушать. Он совсем не хотел быть узнанным, пока не решит, как вести себя дальше. Нелепо было предполагать, что ночью она опять придет на заброшенную стоянку к совершенно незнакомому ей человеку.

Но она пришла.

Госсейн спрятался в тени, задумчиво глядя на туманную фигуру девушки. Он выбрал удачное место. Она стояла к нему спиной и даже не подозревала о его присутствии. Он допускал мысль, что попал в ловушку, хотя заранее тщательно исследовал весь квартал и не обнаружил ничего подозрительного. Но он рискнул, не колеблясь ни секунды. Эта девушка была единственной ниточкой к тайне, которую он сам не мог разгадать, Госсейн с любопытством наблюдал за ней, насколько позволяла сгущающаяся темнота.

Вначале она сидела, подоткнув под себя правую

ногу. В течение десяти минут она переменила позу пять раз. Дважды она привставала на месте, чертила на траве пальцем какие-то фигуры и одни раз вынула портсигар, но тут же бросила его назад в сумочку, так и не закурив. Время от времени она покачивала головой, как бы споря сама с собой, пожимала плечами и складывала руки на груди, вздрагивая от холода; три раза она явственно вздохнула и примерно минуту сидела, не шевелясь.

Прошлой ночью Тереза Кларк так не нервничала. Вернее, совсем не нервничала, если не считать того эпизода, когда она прикинулась испуганной преследующими ее бандитами. Ожидание, решил Госсейн. Она привыкла находиться в обществе и управлять людьми, а оставшись в одиночестве, просто потеряла терпение.

Что сказал о ней мужчина сегодня утром? Неврастеничка. Да, вне всякого сомнения. Кроме того, в детстве она явно не получила нуль-А воспитания, необходимого для развития определенных умственных навыков. Почему это могло произойти в семье такого цельного и просвещенного человека, как президент Харди, оставалось для Госсейна загадкой. Но как бы то ни было, таламус полностью контролировал ее поступки. Он бы

не удивился, узнав, что у нее бывают нервные срывы.

Стало совсем темно, но он продолжал наблюдать за ней. Через десять минут она встала, потянулась, потом вновь уселась на землю. Сняв туфли и повернувшись на бок, она легла на траву лицом к Госсейну. И увидела его.

— Все в порядке, — мягко заверил ее Госсейн. — Это я. Вы, наверное, услышали мои шаги.

Он говорил, не думая, лишь бы успокоить девушку, которая вздрогнула от неожиданности и подскочила на месте.

— Вы меня напугали, — сказала она.

Но голос ее был спокоен и тих, и он вновь подумал о том, насколько четко таламус контролирует ее эмоции. Он опустился рядом с ней на траву, вдыхая в себя ароматы ночи. Вторые сутки Игр! Трудно поверить. Издалека до него доносился городской шум: тихий, слабый, ничем не угрожающий. Куда же подевались грабители и воры? Может быть, годы и общая образовательная система уменьшили их число и от бандитов остались лишь страшные легенды да несколько изгоев, которые грабили ночами беспомощных людей? Да нет, вряд ли. Преступников, конечно, стало меньше, и когда-нибудь они вообще исчезнут, но

мозг оставшихся пока что приспосабливается к структуре изменяющейся вокруг Вселенной. И где-то строили планы насилия и приводили их в исполнение. Где-то? Может быть, здесь.

Госсейн посмотрел на девушку. Затем мягко заговорил. Он описал ей свое положение, рассказал, как его выгнали из гостиницы, об амнезии, ложной памяти, нелепой уверенности в том, что был женат на Патриции Харди. «А затем, — более резко добавит он, — выяснилось, что она не только жива, но к тому же еще и дочь президента».

— Правда ли, — спросила Патриция, — что все психологи, к одному из которых вы собираетесь обратиться, выдержали испытания Игр, отправились на Венеру, а потом вернулись практиковать обратно на Землю? И что кроме них никто другой не может быть психиатром или врачом смежной профессии?

Госсейн никогда не задумывался об этом.

— А ведь верно, — ответил он. — Учиться, конечно, может каждый, но…

Внезапно он почувствовал неистребимое желание как можно скорее попасть на прием к доктору Энрайту. Как много нового сможет он узнать! И тут же понял, что ему следует быть крайне осторожным, ведь совершенно непонят-

но, почему она, никак не отреагировав на его рассказ, вдруг задала совершенно неуместный вопрос. Выражение ее лица невозможно было разглядеть в темноте.

— Вы хотите сказать, что даже не подозреваете, кто вы такой на самом деле? — вновь прозвучал ее голос. — И не помните, как очутились в отеле?

— Я знаю, что ехал в автобусе из Кресс-Вилледж до аэропорта в Ноледи, — сказал Госсейн. — И совершенно отчетливо помню себя на борту самолета.

— Вас там чем-нибудь кормили?

Госсейн задумался. Мир, в который он сейчас пытался проникнуть, был вымышленным, не существовал более, канул в прошлое. Но хоть память — понятие абстрактное, она тесно связана с конкретными физическими действиями, и если они не производились, вывод ясен: он не завтракал и не обедал, пока не очутился в городе.

— И вы действительно не представляете себе, в чем дело? — продолжала говорить девушка. — У вас нет ни цели, ни планов. Вы просто живете, сами не зная зачем?

— Да, — ответил Госсейн.

И стал ждать.

Молчание было долгим. Слишком долгим. И

нарушила его не девушка. Кто-то навалился на него, прижимая к траве. Туманные фигуры появились из-за кустов. Ему удалось вскочить на ноги, откинуть первого из нападавших в сторону. Ужас, сдавивший горло, заставил бороться даже тогда, когда множество рук держало его с такой силой, что всякое сопротивление казалось бессмысленным.

— Порядок, — произнес мужской голос. — Сажайте их в машины и поехали отсюда.

Его кинули на заднее сиденье просторного седана, и Госсейн успел подумать, появились ли они в ответ на сигнал девушки? Или он стал жертвой обычных бандитов?

Автомобиль резко рванулся вперед, и временно это потеряло для него всякое значение.

4

Наука – не что иное, как здравый смысл и логика.

Станислав Лещинский, король Польши, 1763

Автомобили мчались по пустым улицам: два впереди, три — сзади. В одном из них была Патриция Харди, но как он ни старался, ему не удалось

увидеть ее сквозь ветровое стекло или зеркальце заднего обзора. Впрочем, сейчас это не имело значения. Присматриваясь к своим похитителям, он все больше убеждался, что они не простые бандиты.

Он задал вопрос человеку, сидящему справа. Ответа не последовало. Он повернулся налево. Прежде, чем Госсейн успел произнести хоть слово, мужчина сказал:

— Нам запрещено разговаривать с вами.

«Запрещено!» Значит, еще ничего не потеряно. Госсейн облегченно откинулся на спинку сиденья. Через некоторое время они резко свернули в тоннель и минут пять неслись с бешеной скоростью, включив фары. Неожиданно впереди забрезжил свет, и мягко выкатившись в полукруглый, закрытый со всех сторон двор, машины замедлили ход, останавливаясь у больших дверей.

Захлопали дверцы. Госсейн увидел девушку, выбравшуюся из головного автомобиля и направившуюся к нему.

— Чтобы все стало ясно, — сказала она, — меня зовут Патриция Харди.

— Да, — ответил Госсейн. — Я видел вас сегодня утром.

Глаза ее расширились.

— Глупец! — воскликнула она. — Зачем же вы пришли?

— Я должен знать, кто я такой на самом деле.

Видимо, в голосе его прозвучало отчаяние, потому что тон Патриции смягчился.

— Бедный дурачок, — сказала она. — Ведь именно сейчас они готовятся к решительному шагу, и все отели полны соглядатаев и шпионов. То, что сказал о вас детектор лжи, было доложено в ту же секунду. А они просто не могут позволить себе рисковать. — Она замолчала, потом, поколебавшись, добавила: — Вам остается лишь надеяться, что Торсон вами не заинтересуется. Мой отец пытается убедить его произвести тщательное обследование, но пока безрезультатно.

Бросив на него быстрый взгляд, она пробормотала «Простите меня» и, резко повернувшись, направилась к двери, открывшейся при прикосновении ее руки. На какое-то мгновение он увидел ярко освещенную гостиную. Прошло минут десять. Затем из входа напротив вышел огромного роста мужчина с ястребиным носом. Остановившись рядом с Госсейном, он иронически улыбнулся.

— Значит, вот кто представляет для нас гроз-

ную опасность? — сказал он.

Не обращая внимания на оскорбительный тон, Госсейн внимательно посмотрел на стоящего перед ним гиганта, и внезапно до него дошел смысл сказанного. Он был уверен, что его попросят выйти из машины. Теперь же, откинувшись на сиденье, он задумался над услышанным: его считала опасным! С какой стати? Гилберт Госсейн прошел курс нуль-А обучения, но деятельность его мозга была нарушена амнезией. Даже если он выдержит тридцатидневное испытание Игр, то отправится на Венеру в числе тысячи точно таких же людей. Чем он отличается от них?

— Ах, молчание, — протянул мужчина с ястребиным носом. — Насколько я понимаю, нуль-А пауза. В любой момент мы можем ждать, что кора вашего головного мозга начнет контролировать затруднительное положение, в котором вы очутились, и из ваших уст польются умные речи.

Госсейн с любопытством посмотрел на него. Ироническая усмешка почти исчезла, выражение лица было не таким жестоким, поза — расслаблена.

— Я могу лишь предположить, — сказал Госсейн с жалостью в голосе, — что вы провалились на Играх по всем показателям и поэтому смеетесь

над ними. Бедняжка!

Гигант рассмеялся.

— Пойдемте, — сказал он. — Вас ждет сюрприз. Кстати, меня зовут Торсон, Джим Торсон. Я не боюсь представиться, ведь у вас нет ни одного шанса рассказать кому-нибудь о нашей встрече.

— Торсон! — как эхо повторил Госсейн.

Повинуясь жесту, он молча выбрался из машины и прошел в резную дверь здания, где жили президент Харди и его дочь Патриция.

Самым серьезным образом он начал обдумывать возможность побега. Только не сейчас. Еще рано. Даже странно, что узнать правду о себе казалось ему важнее всего на свете.

Длинный мраморный коридор привел их к большой дубовой двери. Торсон толкнул ее, пропуская Госсейна вперед и чему-то улыбаясь. Стражники, следовавшие за Госсейном, остались снаружи.

В комнате было трое человек, среди них Патриция Харди. Один из мужчин, лет сорока пяти и довольно приятной наружности, сидел за столом. Внешность второго невольно привлекала к себе внимание.

С ним произошел несчастный случай, и видом своим он напоминал чудовищного монстра.

Странно было смотреть на руку и ногу из пластика, на спину в полупрозрачной оболочке. Череп казался сделанным из дымчатого стекла, даже без признаков ушных раковин. Два человеческих глаза сверкали из-под гладкого высокого купола. Если можно было так сказать, в чем-то ему повезло. От глаз и ниже он сохранил человеческие черты лица: нос, рот, подбородок, шею. Об остальном можно было лишь гадать, а в данный момент Госсейн думал о другом. Он наконец пришел к выводу, как ему следует себя вести: чем смелее, тем лучше, и, глядя прямо на инвалида, произнес:

— Какого черта?

Монстр хохотнул басом. Потом заговорил глубоким, низким голосом:

— Давайте считать меня неизвестной величиной, «Х».

Госсейн перевел взгляд на девушку. Патриция не опустила пред ним глаз, но щеки ее покрыл легкий румянец. Она успела переодеться в вечернее платье и теперь ничем уже не напоминала Терезу Кларк.

Как ни странно, ему куда неприятнее было смотреть на Майкла Харди. Мысль о том, что президент Земли является самым обычным заговорщиком, никак не укладывалась в сознании.

Намечалось преступление, иначе невозможно было объяснить поведение Патриции и Торсона, эксперимент с его мозгом. Даже Машина намекала на планы какого-то заговора, в котором замешаны Харди.

Колючий взгляд президента и его тонкие губы скрашивала улыбка человека, привыкшего нравиться публике, но умеющего отдавать приказы и четко следить за их исполнением, способного прервать или довести до конца любой самый неприятный разговор. Подняв голову, он произнес:

— Госсейн, каждый из нас был бы обречен на крайне незначительное положение в обществе, согласись он с мнением Машины и подчинись ее решению. Люди мы необычайно одаренные, способные на многое, но в самой природе нашей заложены жестокость и безжалостность, которые в обычных условиях никогда не позволили бы нам добиться значительных успехов. Девяносто девять процентов истории человечества сотворили такие, как мы, и можете не сомневаться, данный случаи — не исключение.

Госсейн смотрел на него и чувствовал, как тяжесть сдавливает ему сердце. С ним говорили слишком откровенно. Либо заговорщики готовы

были действовать, либо ему действительно угрожала смерть. Харди продолжал:

— Я сказал вам все это лишь для того, чтобы в дальнейшем вы неукоснительно выполняли мои распоряжения. Госсейн, несколько человек держат вас под прицелом, так что давайте без фокусов. Садитесь в кресло, — он махнул правой рукой, — и не сопротивляйтесь, когда на вас наденут наручники. — Он повернул голову. — Торсон, принесите необходимую аппаратуру.

Госсейн прекрасно понимал, что у него нет ни малейшего шанса на побег, пока он находится в этой комнате. Усевшись поудобнее, он протянул руки Торсону и с напряженным любопытством стал смотреть, как тот подкатил столик на колесах с небольшими, хрупкими на вид приборами. Не говоря ни слова, гигант начал прикреплять к телу Госсейна полукруглые, напоминающие маленькие чашечки, присоски; шесть — к голове и лицу, шесть — к горлу, плечам и лопаткам.

Подняв голову, Госсейн увидел, как Харди и «Х» горящими глазами наблюдают за происходящим. Девушка сидела в кресле, поджав под себя ноги, с сигаретой в руке. Она курила, не затягиваясь, нервно выпуская изо рта клубы дыма.

Единственным спокойным человеком в ком-

нате был Джим Торсон. Закончив последние подсоединения, он вопросительно посмотрел на Майкла Харди. И в эту минуту Госсейн нарушил молчание.

— Мне кажется, вы все-таки должны меня выслушать, — сказал он.

Его захлестнула горячая волна отчаяния, перехватило дыхание, сдавило горло. «Что же это происходит? — подумал он. — Как можно подвергать такому унижению человека, не нарушившего никаких законов, на Земле, давно покончившей с войнами, в году 2560-м?»

— Я чувствую себя как ребенок, попавший в сумасшедший дом, — сказал он хриплым голосом. — Во имя самой логики, скажите, чего вы добиваетесь, и я постараюсь сделать все, что в моих силах.

— Естественно, — продолжал он, — я ценю свою жизнь больше, чем ту информацию, которую вы намерены получить. Я заявляю это совершенно открыто, потому что в нуль-А мире отдельная личность не определяет судеб человечества, не является незаменимой, какими бы способностями она ни обладала. Самые гениальные изобретения никогда не нарушат равновесия сил и не помогут, например, выиграть войну,

если цивилизацию защищают отважные люди. Это доказано историей. — Он вопросительно посмотрел на Майкла Харди. — Может быть, так оно и есть? Прежде чем потерять память, я сделал какое-нибудь важное открытие?

— Нет, — басом проговорил «Х». Заинтересованно посмотрев на Госсейна, он добавил: — Любопытный случай. Ведь он действительно не знает ни своей цели, ни даже своего имени, и тем не менее его появление в данный момент исключает простое совпадение. То, что детектор лжи в отеле не смог определить, кто он такой, случай беспрецедентный.

— Но он не лжет. — Патриция Харди спустила ноги на пол, отведя в сторону руку с сигаретой. Голос ее был искренен, звучал убедительно. — Детектор лжи заявил, что мозг этого человека не содержит нужной информации.

Рука из пластика покровительственно махнула в сторону. Низкий голос прозвучал снисходительно.

— Моя милая, я ведь не спорю. Но не всякой машине можно верить. Гениальный мистер Крэнг и я… — голос его стал многозначителен, — доказали это, к удовлетворению многих, в том числе и вашего отца. — Он глубоко вздохнул. — Я

считаю, нам не следует принимать во внимание утверждения Госсейна, пока мы не произведем самого тщательного обследования.

Президент Харди кивнул.

— Он прав. Пат. Как правило, человек, убежденный в том, что женат на моей дочери, обычный шизофреник. Однако его появление именно сейчас требует проверки, а показания детектора лжи настолько необычны, что, как видите, — тут он махнул рукой, — это заинтересовало даже Торсона. Лично я считаю, что здесь не обошлось без агентов Галактической Лиги. Ну да ладно. Посмотрим. Что вы собираетесь делать, Джим?

Торсон пожал плечами.

— Пробиться сквозь заслоны памяти мозга и выяснить, кто он такой.

— Кстати, — вставил «Х», — чем меньше людей будут знать о полученной информации, тем лучше. Это к вам относится, мисс Харди.

Губы девушки сжались в тонкую линию.

— Еще чего! — сказала она, вызывающе откинув голову назад. — В конце концов, я рисковала собой.

Ей никто не ответил. Калека не отрывал от нее взгляда, который даже Госсейну показался неуловимым. Патриция Харди неуверенно заерзала в

кресле, потом посмотрела на отца, как бы ожидая поддержки. Великий человек старательно отвел глаза и заерзал в кресле.

Она встала, презрительно выпятив нижнюю губу.

— Значит, и ты теперь под каблуком, — иронически протянула она. — Только не думай, что я его боюсь. В один прекрасный день я всажу в него пулю, и ни одному хирургу в мире не удастся заделать дырку пластиком.

Она вышла из комнаты, изо всех сил хлопнув дверью.

— Не будем терять времени, — тут же произнес Харди.

Возражений не последовало, Госсейн увидел, как пальцы Торсона на какое-то мгновение замерли над пусковым устройством. Затем раздался щелчок, и послышалось низкое гудение. Тело его непроизвольно напряглось в ожидании шока, но он ничего не почувствовал. Госсейн в недоумении посмотрел на вибрирующий ящик, внутри которого перемигивались разнообразные электронные трубки. Контролировали ли они скорость невидимого движка, усиливали ли звук, занимались ли превращением энергии или выполняли еще какую-нибудь функцию из сотен

возможных, он понятия не имел.

Часть трубок торчала из полупрозрачных отверстий, остальные находились внутри, слишком чувствительные, чтобы их можно было подвергать воздействиям комнатной температуры и яркого света.

От непрерывного сверкания у него заболели глаза. Он все время моргал, пытаясь унять текущие слезы. Огромным усилием воли Госсейн заставил себя отвернуться. Видимо, движение было слишком резким. Что-то взорвалось у него в мозгу, и голова мгновенно начала раскалываться от боли.

Ему показалось, что он очутился на дне глубокого моря. Огромное давление сковало его со всех сторон. Откуда-то издалека доносился голос Торсона, спокойно объясняющего своим слушателям:

— Это очень интересный прибор. Он воспроизводит энергию, типа нервной, и с помощью импульсов передает ее через двенадцать электродов-присосок, заставляя следовать каналам человеческого тела и пути наименьшего сопротивления, преодолевая любые препятствия, не превышающие примерно одного процента отклонения от нормы.

Госсейну никак не удавалось сосредоточиться. В голове мелькали обрывки мыслей, в ушах звенел назойливый голос Торсона.

— С медицинской точки зрения создание искусственной нервной энергии примечательно тем, что ее можно сфотографировать. Через несколько минут я сделаю несколько снимков и проявлю негативы. Один из кадров при увеличении покажет, в какой именно части мозга сконцентрирован центр памяти. Природа ее давным-давно научно обоснована, и нам остается лишь выбрать группу клеток, содержащую необходимые данные, а затем с помощью того же прибора направить энергетический поток, который заставит испытуемого высказать словами то, что он вспомнит.

Он щелкнул выключателем и вытащил из камеры пленку.

— Присмотрите за ним! — бросил он и вышел из комнаты.

Последняя фраза была явно лишней. Вряд ли Госсейн сейчас удержался бы на ногах. Комната плыла у него перед глазами, как у ребенка, которого слишком долго крутили в одну сторону. Когда Торсон вернулся, он все еще никак не мог прийти в себя.

Гигант вошел неторопливо, ни на кого не глядя, и направился прямо к Госсейну. Держа в руке две фотографии, он остановился перед пленником и молча уставился на него.

— Что такое? — раздался встревоженный голос Харди.

Торсон резко отмахнулся, как бы приказывая замолчать. Жест его был просто неприличен, более того, казалось, он сделан чисто механически. Торсон стоял совершенно неподвижно, и внезапно Госсейн понял, насколько он отличается от остальных людей, как тщательно прячет свою истинную сущность. Под маской холодного презрения скрывался чудовищный комок нервов, колоссально развитый мозг, не подчиняющийся никаким приказам, самостоятельно оценивающий, уверенный в себе. Если он с чем-то соглашался, значит, так было надо. Если нет — последнее слово оставалось за ним.

«Х» медленно подкатился в кресле и осторожно взял снимок из рук Торсона. Один из них он протянул Харди. Оба склонились над фотографиями, но каждый отреагировал по-своему.

«Х» вздрогнул и выпрямился. Он был выше ростом, чем казалось Госсейну, примерно пять футов одиннадцать дюймов. Пластиковая рука

на шевелилась, намертво прикрепленная к оболочке груди. На лице, как ни странно, появилось испуганное выражение. Он проговорил хриплым шепотом:

— Хорошо, что он не попал к психиатру. Мы успели вовремя.

Майкл Харди выглядел раздраженным.

— Что вы раскудахтались? Не забывайте, я занял свой пост лишь потому, что удалось взять под контроль Игры Машины. Я никогда не понимал всю эту нуль-А ерунду о человеческом мозге, и ваша пленка ни о чем мне не говорит. Я вижу лишь какое-то яркое пятно.

На этот раз Торсон ответил. Он подошел к Харди и принялся шептать ему на ухо, указывая на снимок. Лицо президента побледнело как мел.

— Его необходимо убить, — резко сказал он. — Немедленно.

Торсон раздраженно покачал головой.

— Зачем? Что он может? Закричать на весь мир? — В голосе его вновь проскользнули профессиональные нотки. — Обратите внимание, что вокруг нет четких линий.

— Но если он поймет, как управлять этим? — спросил Харди.

— Ему потребуются месяцы упорного труда! —

громко возразил «Х». — За двадцать четыре часа невозможно научиться управлять даже мизинцем! Они вновь принялись шептаться, и в конце концов Торсон возмущенно воскликнул:

— Может, вы считаете, он сумеет сбежать из нашей тюремной камеры? Или вы просто начитались Аристотелевой фантастики, где герой всегда побеждает?

В конечном итоге не оставалось сомнений, чья именно точка зрения возьмет верх. В комнату вошли стражники и, подчиняясь приказу, снесли его на четыре этажа вниз, в помещение со стальными стенами, полом и потолком. Еще одна лестница вела в камеру, и, прочно установив кресло вместе с прикованным к нему Госсейном, они поднялись наверх. Зашумел мотор, и лестница исчезла сквозь люк в потолке в двадцати футах над его головой. Стальная крышка захлопнулась, послышался звук задвигаемых запоров. Наступила тишина.

5

Госсейн сидел в кресле не шевелясь. Сердце его сильно билось, в висках стучало, к горлу подступила тошнота. По телу потекли ручейки пота.

«Я боюсь, — подумал он. — Никогда еще мне не было так страшно».

Страх — чувство, присущее клеткам живой материи. Цветок, закрывающий лепестки на ночь, подвержен страху темноты, но у него нет нервной системы, передающей импульс, и нет таламуса, способного эмоционально отреагировать на полученный сигнал. Человеческое существо является физико-химической структурой, воспринимающей жизнь и осознающей ее с помощью сложной нервной системы. После смерти тело и сознание исчезают, личность продолжает существование лишь как серия искаженных импульсов в памяти других людей. Пройдут годы, и они начнут становиться все слабее и слабее, а за полвека исчезнут вовсе. Может быть, еще какое-то время останется его изображение на фотографической карточке.

«Ничего меня не спасет, — с ужасом подумал он. — Я умру. Умру». — И неожиданно почувствовал, что теряет контроль над собой.

На потолке вспыхнула яркая лампа, люк откинулся в сторону. Незнакомый голос произнес:

— Да, мистер Торсон. Все в порядке.

Прошло несколько минут, затем зашумел невидимый мотор и лестница поползла вниз, ударившись нижним концом о металлический

пол. Несколько рабочих внесли стол и самую разнообразную аппаратуру, среди которой находился уже знакомый ему прибор. Тщательно расставив все по местам, они быстро ушли.

Их места заняли два ретивых охранника. Они молча проверили наручники, осмотрели Госсейна со всех сторон и тоже удалились. В душной маленькой камере не было слышно ни звука.

Затем вновь раздался металлический щелчок, и люк на потолке открылся. Госсейн вжал голову в плечи, в полной уверенности, что сейчас появится Торсон. Но по ступенькам сбежала Патриция Харди. Быстро отомкнув наручники, она прошептала тихим, настойчивым голосом:

— Поднимитесь наверх и сверните в холле направо. Футах в ста, под лестницей, увидите небольшую дверь. На втором этаже расположены мои комнаты. Может, их и не будут обыскивать — не знаю. Больше я ничем не могу вам помочь. Удачи!

Она тут же повернулась и, не оборачиваясь, выбежала из камеры. Затекшее тело Госсейна отказывалось повиноваться, мускулы болели, он спотыкался на каждой ступеньке. Но указания девушки были точными. И, добравшись до ее спальни, он почувствовал себя значительно

лучше.

Легкий запах духов держался в воздухе. Завешенная пологом кровать стояла сбоку от широких окон, и Госсейн остановился и долго смотрел на сверкающий атомный маяк Машины. Он казался таким близким, что ему захотелось протянуть руку и потрогать неугасимый свет.

Госсейн не верил, что его не будут искать у Патриции Харди. К тому же лучше действовать сейчас, пока побег еще не обнаружен. Он выглянул из окна и, вздрогнув, отпрянул в сторону при виде группы вооруженных людей, прошедших внизу гуськом. Он мельком успел заметить, как двое из них притаились за кустом, видимо, заняв там наблюдательный пост.

Он решил осмотреть другие комнаты. Меньше минуты потребовалось ему, чтобы выбрать одну из них, небольшую, но с балконом, выходящим на другую сторону дома. В худшем случае можно просто спрыгнуть и постараться уйти в город, пробираясь от куста к кусту. Он тяжело опустился на красивую деревянную скамейку перед огромным, в полный рост, зеркалом. Теперь настало время подумать о странном поведении Патриции Харди.

Она рисковала головой. Причина оставалась

непонятной, хотя не вызывало сомнений, что ей неприятно было играть порученную роль, и она чувствовала себя в чем-то виноватой перед Госсейном.

Из коридора послышался звук ключа, повернувшегося в замочной скважине, и через несколько секунд он услышал ее тихий голос:

— Вы здесь, мистер Госсейн?

Он молча открыл дверь, и некоторое время они стояли, глядя друг на друга через порог. Девушка первая нарушила молчание.

— Что вы собираетесь делать?

— Добраться до Машины.

— Зачем?

Госсейн заколебался. Патриция Харди помогала ему и поэтому заслужила доверия. Но не следовало забывать, что она — неврастеничка и могла поддаться порыву, даже не понимая, чем это грозит. Невесело улыбнувшись, она вновь заговорила:

— Не глупите и не пытайтесь спасти человечество. Вы не в силах что-либо изменить. Заговор касается не просто Земли, а всей Солнечной системы. Мы — пешки, которые переставляют люди со звезд.

Госсейн уставился на нее.

— Вы с ума сошли, — сказал он.

Внезапно он почувствовал себя опустошенным, окружающий мир потерял для него всякую реальность. Он хотел что-то произнести и не смог. В ушах его звучали слова Харди о Галактической Лиге. Тогда он, по вполне понятной причине, не обратил на них никакого внимания. Сейчас… Мозг его попытался осознать услышанное и отступил, как перед непреодолимым препятствием, сконцентрировавшись лишь на одной мысли.

— Люди? — как эхо повторил он.

Девушка кивнула.

— Только не спрашивайте откуда. Я сама ничего не знаю. Хорошо еще, что — люди, а не какие-нибудь инопланетные чудовища. Уверяю вас. Машина бессильна.

— Она защитит меня.

Патриция нахмурилась.

— Кто знает? — медленно сказала она и окинула его критическим взглядом. — Я не понимаю только, при чем здесь вы. Кстати, что показали исследования?

Госсейн, как умел, передал не вполне понятный разговор и добавил:

— В этом что-то есть. Машина тоже посоветовала мне сделать снимки коры головного мозга.

Патриция Харди долгое время молчала, задумавшись.

— Может, они боятся вас не напрасно, — в конце концов сказала она и неожиданно схватила его за руку. — Шш-ш-ш, кто-то идет.

Госсейн тоже услышал музыкальный звонок в дверь. Он посмотрел на балкон.

— Нет, нет, рано, — быстро произнесла девушка. — Запритесь на ключ и уходите только в том случае, если начнется обыск. Он услышал ее удаляющиеся шаги. Через некоторое время из гостиной до него донесся мужской голос.

— Жаль, что я его не застал. Почему ты ничего мне не сказала?

Теперь даже Торсон напуган.

— Откуда мне было знать, что он не такой, как все, Элдред? — спокойно ответила Патриция Харди. — Я просто встретилась с человеком, забывшем свое прошлое.

«Элдред, — подумал Госсейн. — Надо будет запомнить это имя». — Он стал слушать дальше.

— Я бы поверил кому угодно. Пат, только не тебе, — сказал мужчина. — Мне почему-то всегда кажется, что ты преследуешь какие-то свои цели. Ради всего святого, не запутайся.

Девушка рассмеялась.

— Дорогой мой, — сказала она, — если Торсон когда-нибудь заподозрит, что Элдред Крэнг, командир местной галактической базы, и Джон Прескотт, его помощник, стали нуль-А последователями, тебе не придется долго объяснять, какие цели ты преследовал.

Человек ответил ей приглушенным, испуганным голосом:

— Пат, ты совсем сошла с ума, разве можно говорить об этом вслух. И вообще, я хотел предупредить тебя, что не могу больше полностью доверять Прескотту. Он молчит и увиливает от ответов, с тех пор, как сюда прибыл Торсон. К счастью, я никогда не был с ним до конца откровенен.

Госсейн не понял, что ответила девушка, но вслед за непродолжительным молчанием раздался звук поцелуя, затем она спросила:

— Вы с Прескоттом улетаете вместе?

Госсейна била дрожь.

«Это глупо, — подумал он. — Ведь я никогда не был женат на ней, и не могу позволить себе поддаться эмоциям, основанным на ложных представлениях».

Но чувство, которое он испытывал, ни с чем нельзя было спутать, и справиться с ним не по-

могала никакая нуль-А логика.

Музыкальный звонок прервал ход его мыслей. Входная дверь открылась, и незнакомый голос громко произнес:

— Мисс Патриция, нам приказано обыскать ваши комнаты в связи с побегом важного преступника… Прошу прощения, мистер Крэнг, я вас сразу не заметил.

— Ничего страшного, — сказал мужчина, целовавший Патрицию Харди. — Можете осмотреть помещение, но только быстро.

— Слушаюсь, сэр.

Госсейн решил не дожидаться дальнейшего развития событий. Рядом с балконом росли деревья, и ему удалось довольно легко спуститься вниз. Бросившись ничком на землю, он стал осторожно пробираться вперед, от куста к кусту, стараясь двигаться в направлении Машины.

Ему оставалось проползти футов сто, когда несколько автомобилей на полной скорости вылетели из-за деревьев и, резко затормозив, расположились полукругом. Защелкали выстрелы.

Не отрывая взгляда от сверкающего маяка, Госсейн непроизвольно воскликнул:

— Помоги мне, помоги!

Машина возвышалась над ним, далекая и

неприступная. Если верить легенде, она могла защищаться и охранять от вторжения всю территорию площадки горы. Создавалось впечатление, что сейчас она не считала нужным действовать, не подозревала о творящемся вокруг беззаконии.

Госсейн с лихорадочной поспешностью полз, прижимаясь к траве, когда в него попала случайная пуля. Он ощутил резкий удар в плечо, откатился в сторону и угодил прямо под энергетический луч лазера. Одежда загорелась в доли секунды. Его заметили, и огонь стал прицельным. Пули со свистом врезались в тело, вспыхнувшее ослепительно ярким факелом.

Самым невыносимым было то, что он не потерял сознание. Он ощущал свою горящую плоть и глухие удары пуль. Даже перестав двигаться, он чувствовал, как пламя пожирает его ноги, сердце, легкие. Последняя смутная мысль, что теперь он никогда не увидит Венеры и не постигнет ее загадок, наполнила его бесконечной грустью и печалью.

6

Странный громоподобный звук пробудил сознание Госсейна. Казалось, гремело где-то над

головой, причем все сильнее.

Госсейн открыл глаза. Он лежал в тени гигантского дерева. Неподалеку высились еще два ствола, но их размеры казались настолько неправдоподобными, что он зажмурился. Он ни о чем не думал, воспринимая окружающее только на слух, как некий неодушевленный предмет, неожиданно получивший возможность различать звуки.

Постепенно мысли его прояснились. Пока еще он не способен был к зрительному восприятию, но всем своим телом ощутил, что лежит на ровной поверхности Венеры.

Медленно пробуждающийся мозг получил толчок. Венера! Но ведь он был на Земле! Обрывки мыслей слились воедино, превращаясь в ручеек, потом в бурный поток, впадающий в бескрайнее море воспоминаний.

«Я умер, — сказал он сам себе. — Меня убили, сожгли».

Он внутренне содрогнулся, вспомнив о перенесенных страшных мучениях, и невольно прижался к твердой почве. Прошло совсем немного времени, и тело его расслабилось. Он остался жив после смерти: этот загадочный феномен не укладывался ни в какие рамки нуль-А логики.

Страх, что боль вернется, исчезал с каждой минутой. Мысли обрели ясность, от полубессознательного состояния не осталось и следа.

Он вспомнил Патрицию Харди и ее отца, мистера «Х» и невозмутимого Торсона, заговор против нуль-А мира.

Как ни странно, Госсейн чувствовал себя сильным и добрым. Он сел, открыл глаза и увидел все тот же полумрак: значит, это был не сон.

Его окружали гигантские деревья. Неудивительно, ведь именно благодаря им он понял, что находится на Венере. О ее лесах знал каждый.

Да, несомненно.

Госсейн поднялся на ноги. Отряхнулся. Вроде бы все в порядке. Не видно даже шрамов, и тело переполняет ощущение физического здоровья.

Он был одет в шорты, рубашку с открытым воротом и сандалии, Госсейн даже вздрогнул от изумления, ведь совсем недавно его гардероб составлял брюки и куртка — скромная одежда участников Игр. Он пожал плечами. Какая разница? Главное, что кому-то понадобилось восстановить его истерзанное тело и непонятно зачем перенести в этот лес, достойный Гаргантюа. Следовало оглядеться по сторонам.

Обхват каждого из трех стволов, находившихся

в поле его зрения, вряд ли уступал современным небоскребам. Госсейн вспомнил, что знаменитые венерианские деревья вырастали до трех тысяч футов в высоту. Стоя на месте, глядя вверх, он внезапно понял, что гром, разбудивший его, затих.

Удивленно покачав головой, Госсейн сделал шаг вперед, и в это время листья зашумели, и на него вылился поток воды.

Это было как бы сигналом. Со всех сторон на землю хлынул самый настоящий водопад, и дважды он едва успел увернуться от ледяного душа. Неожиданно он понял, в чем дело.

Дождь. Огромные листья, чуть свернутые по краям, приняли на себя непомерную тяжесть. Но время от времени они разгибались, не выдерживая нагрузки, и тогда вода начинала течь, как из гигантского крана. Ему еще повезло, что он не угодил под ливень на открытой местности.

Госсейн осторожно выглянул из-за дерева. В полутьме трудно было что-нибудь различить, но ему показалось, что неподалеку брезжит какой-то свет. Не задумываясь, он зашагал вперед и через две минуты вышел на открытую лужайку. Перед ним простиралась долина. Слева текла широкая, бесцветная река, справа, на вершине холма, заросшего цветущим кустарником, стоял дом.

Венерианский дом! Выстроенный из камня, красиво контрастирующего с окружающей зеленью. И что самое главное, к нему можно подобраться совсем незаметно. Может быть, Госсейна специально доставили именно сюда, ведь поблизости не было других зданий.

Высокие кусты не обманули его ожиданий. Спрятавшись среди горящих пурпуром цветов, он пригнулся и внезапно увидел каменные ступени, ведущие через сад на веранду. На самой нижней из них четко выделялись крупные буквы, и ему удалось без труда разобрать надпись:

ДЖОН И АМЕЛИЯ ПРЕСКОТТ

Госсейн вздрогнул. Он помнил это имя. Патриция Харди и Крэнг упомянули его в своем разговоре.

«Если Торсон когда-нибудь заподозрит, — сказала девушка, — что Элдред Крэнг и Джон Прескотт, командир и помощник командира галактической базы, стали нуль-А последователями, то...» А затем Крэнг ответил: «Я хотел предупредить тебя, что не могу больше полностью доверять Прескотту. Он увиливает от ответов, с тех пор, как сюда прибыл Торсон».

Теперь ясно, кто здесь живет. Джон Прескотт, который принял нуль-А концепцию умом, но

пока еще не сделал ее интегральной частью своей нервной системы. И поэтому растерялся в критической ситуации.

Хорошо все-таки, что он ничего не забыл. В его положении любые сведения неоценимы. В данном случае они помогут ему особенно не церемониться. Он начал осторожно пробираться по саду. С ним поступили безжалостно, и он тоже не будет никого щадить. Необходимо получить информацию. О себе. О Венере. Ничего сложного.

Приблизившись к дому почти вплотную, Госсейн услышал женский голос. Он замер на месте, потом осторожно выглянул из-за куста, футах в десяти от веранды.

Светловолосый мужчина сидел на ступеньках и что-то говорил в наручный диктофон. Женщина стояла в дверях.

— Я, наверное, справлюсь, — говорила она. — Пациенты прибудут только послезавтра. — Чуть поколебавшись, она добавила: — Мне бы не хотелось быть навязчивой, Джон, но тебя так часто не бывает дома, что я перестала чувствовать себя твоей женой. И месяца не прошло, как ты вернулся с Земли, и опять куда-то собираешься.

Мужчина пожал плечами, даже не подняв головы от диктофона.

— У меня беспокойный характер, Амелия, — ответил он. — Ты ведь знаешь, я не могу усидеть на одном месте. И если я не буду активно работать, то только наделаю глупостей.

Госсейн терпеливо ждал. Казалось, их разговор окончен. Женщина вернулась в дом. Мужчина некоторое время продолжал сидеть, потом встал, потянулся и сладко зевнул. Он выглядел абсолютно спокойным и, видимо, пропустил упреки жены мимо ушей. Он был примерно пяти футов десяти дюймов ростом, с поджарой фигурой и широкими плечами, но видимость силы не имела никакого значения, если, конечно, он не прошел спортивного курса нуль-А тренировок. Непосвященные имели лишь смутное представление о возможностях человеческого организма при временном отключении центров усталости мозга.

Госсейн принял решение. Женщина назвала этого человека Джоном. Пациентов не будет несколько дней. Данных вполне достаточно. Перед ним стоял Джон Прескотт, галактический агент, выдающий себя за врача.

Известие, что он вернулся с Земли всего лишь месяц назад, ошеломило Госсейна. Патриция Харди спросила Крэнга: «Вы с Прескоттом улетаете вместе?» Она, видимо, имела в виду Венеру, ведь

он жил здесь. Неужели он излечился от страшных ран всего за несколько недель? Или, может быть, Прескотт успел побывать на Земле не один раз?

«Впрочем, — подумал он, — сейчас это не имеет значения. Надо действовать, пока Прескотт, ничего не подозревая, стоит на пороге своего дома».

Итак, вперед!

Отшвыривая сандалиями комья грязи, Госсейн выскочил из-за куста. Прескотт неожиданно повернулся, увидел своего противника, и глаза его расширились от изумления. Ему даже удалось нанести первый удар. И не будь Госсейн так прекрасно физически сложен, не обладай он молниеносной реакцией, на этом их поединок и закончился бы. Но Прескотт с самого начала был обречен. Три прямых в челюсть, и Госсейн подхватил обмякшее падающее тело.

Он быстро выпрямился, держа на руках свою ношу, поднялся по ступенькам веранды и замер на месте. Ему показалось, что он слышит какие-то звуки. Все-таки драка их не была бесшумной, и женщина могла выйти полюбопытствовать, что случилось. Нет, все тихо. Прескотт зашевелился и застонал. Госсейн на всякий случай стукнул его еще раз и прошел внутрь дома.

Он очутился в огромной гостиной, всего в три

стены, переходящей в широкую террасу, за которой благоухал цветущий сад. Еще дальше, внизу, лежала долина, окутанная туманом.

С правой стороны высокая лестница уводила на второй этаж, слева — ступеньки вели в подвал. По обеим сторонам гостиной располагались двери. За одной из них громыхали кастрюли, и вскоре до него донесся запах приготовляемой пищи.

Он поднялся наверх и попал в коридор со множеством дверей. Открыв первую из них, он оказался в просторной спальне с полукруглым большим окном, из которого открывался вид на рощу гигантских деревьев. Госсейн опустил Прескотта на пол перед кроватью и, разорвав простыню на узкие полосы, крепко связал его и заткнул рот кляпом, нисколько не беспокоясь причинить вред человеку, находящемуся без сознания. Он вернулся в гостиную и прислушался. Жена Прескотта, ни о чем не подозревая, продолжала возиться на кухне. Он облегченно вздохнул и, на мгновение остановившись, решительно переступил через порог.

Она сервировала стол, расположенный в небольшой нише справа от плиты. Видимо, почувствовав в помещении присутствие постороннего человека, она повернула голову и

в изумлении уставилась на Госсейна, с ног до головы забрызганного венерианской грязью.

— О господи! — сказала она и поставила тарелку на скатерть.

Госсейн нанес всего один короткий удар и мягко подхватил падающее тело. Может быть, она ничего не знала о деятельности мужа, но риск был слишком велик. Если она тоже прошла курс нуль-А обучения, то при малейшей возможности попытается освободиться и поднять тревогу.

Когда он шел по лестнице, женщина начала слабо сопротивляться, но он успел крепко связать ее, заткнуть рот кляпом и положить рядом с мужем, прежде чем она окончательно пришла в себя.

Затем он вышел из комнаты, намереваясь осмотреть весь дом, ведь победу нельзя было считать окончательной, если в нем находился еще кто-нибудь.

7

Вывод является истинным лишь в том случае, если он сделан на основе научных фактов.
Аристотель. Этика, около 340 г. до н.э.

Это был госпиталь на пятнадцать палат, в каждой из которых стояло стандартное электронное больничное оборудование. Лаборатория и операционная находились в подвале. Госсейн переходил из комнаты в комнату. Роясь в шкафах и открывая запертые ящики столов, он решил, что постарается как можно тщательнее разведать обстановку и по возможности быстрее покинуть этот дом.

Сколько он ни искал, на глаза ему не попалось никакого оружия. Значит, он даже не сможет защититься в случае необходимости. Заторопившись, Госсейн выглянул на открытую веранду, затем прошел на заднюю террасу. «Сначала надо посмотреть, нет ли кого поблизости, — подумал он, — а потом уже расспрашивать Джона и Амелию Прескоттов».

У него накопилось так много вопросов!

Окинув взглядом окрестности, Госсейн невольно остановился. Теперь только он понял, почему долина за садом скрывалась в тумане. Госпиталь стоял не на холме, как ему показалось вначале, а на одном из пиков горы. Он видел, как плавно спускается вниз ее склон, поросший лесом, которому, казалось, не было конца и края. Больше ему ничего не удалось разглядеть.

Неутешительно. Правда, сюда можно было попасть только воздушным путем, но заговорщикам ничего не стоило посадить робоплан прямо на террасу, а на худой конец — высадиться за поляной и незаметно пробраться в дом под прикрытием кустов.

Госсейн медленно вдохнул полной грудью удивительно свежий после дождя воздух. Несмотря на грозящую опасность, ему стало легче на душе. Он постарался отвлечься от неприятных мыслей, окунуться сознанием в погожий ясный день, ощутить его всем своим телом. Трудно было сказать, какое сейчас время суток. Солнце не проглядывало из-за облаков атмосферы, толщиной более чем в тысячу миль. Тишина вокруг звенела, и было странно, но не страшно. Никогда в жизни Госсейн на видел картины более величественной. Время, казалось, остановилось.

Он вздрогнул. Пора действовать. Может быть, от его дальнейшего поведения зависит судьба всей Солнечной системы. Перед тем, как уйти, он бросил взгляд на небо. Никого. Несмотря на то, что его появление на Венере оставалось неразрешимой загадкой, он намного опередил своих преследователей и в какой-то мере чувствовал себя хозяином положения.

Пленники Госсейна лежали на кровати в полном сознании и явно заволновались, когда он вошел в комнату. Он, естественно, не собирался причинять им вреда, но пусть лучше остаются в неведении по этому вопросу. Задумчиво посмотрев на неподвижных людей, Госсейн сделал шаг вперед.

У Амелии Прескотт были прекрасные темные волосы. Короткая блузка, шорты и сандалии только подчеркивали женственность се фигуры. Когда Госсейн вынул кляп, первым дело она произнесла:

— Молодой человек, надеюсь, вы понимаете, что у меня на плите готовится обед.

— Обед? — невольно вырвалось у Госсейна. — Значит, скоро вечер?

Она нахмурилась.

— Кто вы? — спросила она. — Что вам нужно?

Госсейн вздохнул. Он и сам не отказался бы пожертвовать чем угодно, лишь бы выяснить правду о себе. Склонившись над мужем, он вынул кляп у него изо рта, пристально вглядываясь в умное волевое лицо. Проявленное Прескоттом самообладание говорило о цельности характера, но были ли его убеждения основаны на нуль-А принципах? Или он просто обладал качествами,

присущими каждому начальнику?

Он ждал, что Прескотт заговорит, и тогда станет ясно, как вести себя дальше. Но его постигло разочарование. Мужчина смотрел на него в упор, но не произнес ни слова.

Госсейн вновь обратился к Амелии Прескотт.

— Как мне вызвать робоплан? — спросил он.

Она пожала плечами.

— Позвоните на стоянку и сделайте заказ. — На лице ее появилось странное выражение. — Кажется, я начинаю понимать, — медленно сказала она. — Вы находитесь на Венере нелегально и совсем незнакомы с нашими правилами.

— Примерно так, — чуть поколебавшись, согласился Госсейн. — И мне не надо называть регистрационного номера или своего имени?

— Нет.

— Значит, достаточно одного звонка и просьбы прислать машину? Даже без адреса?

— Конечно. Все робопланы, за исключением частных, подсоединены к общей системе обслуживания. Вызываемый аппарат точно следует сигналам видеофона.

— И это все?

Она кивнула головой.

— Да.

Госсейну показалось, что она отвечает слишком охотно. Впрочем, выяснить, лжет она или нет, не составляло большого труда. Детектор лжи. Он видел его в соседней комнате. Но детектор лжи, поставленный у изголовья кровати, произнес:

— Она говорит правду.

— Спасибо! — сказал ей Госсейн. — Сколько времени лета до вашего дома?

— Около часа.

Рядом с окном, на низком столике, стоял небольшой видеофон. Госсейн сел в кресло и нашел по справочнику нужный номер. Экран даже не засветился, молчание было гробовым. Госсейн даже вздрогнул и вновь нажал на кнопки пульта. С тем же успехом.

Он встал и сбежал по ступенькам в гостиную, к основному аппарату. Сняв заднюю крышку, он заглянул внутрь. Прозрачные электронные трубки, теплые на ощупь, светились, как обычно. Видимо, обрыв линии произошел снаружи.

Госсейн медленно поднялся на второй этаж. Он очутился в полной изоляции, ему некуда было деться. С ним происходило нечто непонятное, словно он попал в призрачный мир, откуда нет возврата. Смешно считать себя хозяином положения, когда ты остался совершенно один.

Загадочная сила, забросившая его сюда, выжидала. Чего?

8

Поднявшись наверх, Госсейн остановился, пытаясь собраться с мыслями. Его план потерпел крах. Он взвесил свои возможности. Да, ему остается только тщательно допросить пленников, а потом отправиться в путь пешком. Вместе с принятым решением пришло спокойствие. Он повернулся, собираясь войти в палатку, но замер, услышав голос Прескотта.

— Не понимаю, что могло случиться с видеофоном.

— Одно из двух, — задумчиво произнесла его жена. — Либо между нашим домом и,

— Госсейн не разобрал названия, — кто-то поставил непроницаемый для волн экран, либо испортился аппарат.

— Но ведь при любой неисправности видеофон посылает автоматический сигнал. К нам давным-давно должна была прибыть ремонтная бригада.

Госсейн стоял не двигаясь, ожидая, что ответит женщина. Ему не верилось, что они находятся в том же неведении, как и он сам.

— Да, странно, — ответила Амелия Прескотт.

Госсейн подождал еще немного, но они умолкли. Тихо спустившись по лестнице, он вернулся на второй этаж, стараясь ступать как можно слышнее. Он не совсем ясно представлял себе, зачем нужно притворяться, тем более что сейчас дорога была каждая минута. Резко открыв дверь палаты, он спросил прямо с порога:

— Где у вас карты Венеры?

Прескотт промолчал, его жена пожала плечами.

— В лабораторном шкафу.

Госсейн быстро спустился в подвал и вытащил из нижнего ящика три карты. Он захватил их с собой, разостлал на полу и встал на колени.

— Вы не подскажете, где именно расположен ваш дом? — спросил он, подняв голову.

— Карта номер три, центральный горный хребет, — сказала Амелия. — Когда-то я отметила госпиталь крестиком. Приблизительно, конечно. Посмотрите внимательней.

Госсейн прикинул расстояние: до Нью-Чикаго было примерно четыреста миль к северу.

— О, вполне достаточно, — ответила она на следующий вопрос. — Пурпурные ягоды, около дюйма в диаметре, большие желтые сливы, крас-

новатые плоды, вкусом напоминающие бананы, растут буквально на каждом шагу. Всего не перечислить, но эти фрукты можно собирать круглый год, так что голодная смерть вам не грозит.

Госсейн задумчиво посмотрел на нее. Потом протянул руку и дотронулся до детектора лжи.

— Она говорит правду, — последовал ответ.

Он вновь повернулся к Амелии Прескотт.

— Вы ведь не сомневаетесь, что меня поймают? — спросил он се. — Я правильно вас понял?

— Конечно. — Лицо се оставалось бесстрастным. — На нашей планете не существует полиции, нет преступлений. И если изредка появляется необходимость в расследовании, оно ведется настолько быстро, что вы вряд ли мне поверите. Впрочем, вам очень скоро представится возможность убедиться в этом на собственном опыте, так что не забудьте расспросить венерианского нуль-А детектива о методах его работы. Они достаточно любопытны.

Госсейн, который только о том и думал, чтобы связаться с представителями власти на Венере, промолчал. Его обуревали сомнения. С одной стороны, он хотел немедленно покинуть госпиталь и очутиться в относительной безопасности гигантского леса. Но полная неосведомленность

Амелии Прескотт не давала ему покоя.

Она была невинна. И совершенно определенно не имела отношения к заговорщикам.

С другой стороны, молчание ее мужа трудно было объяснить. Внезапно Госсейн почувствовал, что бледнеет. До сих пор ему и в голову не приходило, что его могли узнать. Прескотт отсутствовал во дворце Машины, когда Госсейна взяли в плен. Но ведь ему могла показать фотографии.

Это меняло дело. С самого начал он решил, что не скажет о себе ни единого слова. Но если Прескотт все знал, такое поведение покажется ему подозрительным, а если нет — назваться Гилбертом Госсейном было верхом глупости.

Он встал, раздираемый противоречивыми чувствами. Неожиданно он понял, что не в состоянии уйти, ничего не рассказав Амелии Прескотт. Если с ним что-нибудь произойдет, она, по крайней мере, предупредит жителей Венеры. Правда, он подвергал ее жизнь опасности, но у него созрел план действий. В конце концов, ей виднее, достоин ли Джон Прескотт доверия.

Госсейн присел на краешек кровати. Приняв определенное решение, он успокоился, почувствовав уверенность в своих силах. Бесстрастным голосом он обратился к ним обоим, хотя его инте-

ресовала лишь Амелия. Примерно через минуту Прескотт перекатился на бок и внимательно посмотрел на него. Госсейн сделал вид, что ничего не заметил.

Через двадцать минут он умолк. В ярком свете, лившемся из окна, глаза Прескотта блестели.

— Надеюсь, вы понимаете, — заявил он, как бы нарушив данный им обет молчания, — что в вашем рассказе присутствует один, но весьма существенный изъян.

— Мой рассказ, — ответил Госсейн, делая вид, что не видит ничего необычного в том, что Прескотт наконец заговорил, — чистая правда, от начала и до конца. Любой детектор лжи подтвердит каждое мое слово. Если, конечно… — Он замолчал и невесело улыбнулся.

— Да? — оживился Прескотт. — Продолжайте.

— Если мои воспоминания не подобны прежним, когда я не сомневался, что женат на Патриции Харди и не могу перенести горечи утраты после ее смерти. — Он резко переменил тему разговора: — О каком изъяне вы говорите?

Ответ последовал незамедлительно, и ясность мысли Прескотта говорила о том, что он обладает полным контролем над таламусом своего мозга.

— Вы идентифицируете себя с покойным

Госсейном. Вы ясно помните момент смерти, разрывающие тело пули, энергетический луч лазера. Подумайте хорошенько. А теперь вспомните основное кредо нуль-А, которое гласит, что во Вселенной не может существовать двух идентичных предметов.

Госсейн промолчал. За окном высились деревья, уходя в голубую дымку неба; быстрая речка красовалась вечнозеленым обрамлением. Странная, гротескная обстановка для рассуждений о природе веществ органической, нейтронной и физико-химической структуре. На какое-то мгновение окружающее потеряло реальность, и ему показалось, что он вообще не принадлежит к этому миру. Удивительно. Со времени пробуждения он только и думал о несуразности, так верно подмеченной Прескоттом, ведь речь шла не о простом сходстве с убитым, а об утверждении, что они являлись одним и тем же лицом. Короче говоря, он делал подобный вывод лишь потому, что у него сохранились память и облик Гилберта Госсейна I.

Еще в глубокой древности любой студент философского факультета знал, что два одинаковых кресла отличаются друг от друга миллионами мельчайших деталей, которые невозможно раз-

личить невооруженным глазом. В человеческом мозгу количество всевозможных путей прохождения одного нервного импульса составляло десять в степени двадцать семь тысяч. Причудливые модели памяти, сложившиеся в результате жизненного опыта, невозможно было повторить искусственно даже с малой степенью точности. С аксиомами не спорят, а история неуловимо доказывала, что не существует на свете двух одинаковых животных, снежинок, камней или атомов.

Вне всякого сомнения, Прескотт попал в самую точку. Но от фактов нельзя было просто отмахнуться, они требовали тщательных исследований, бесконечных проверок.

Прескотт наблюдал за ним, чуть прищурившись.

— Надеюсь, вы не забыли, — сказал он, — что в комнате находится детектор лжи.

Госсейн посмотрел на него, как кролик на удава. Стояла ничем не нарушаемая тишина, но пульс в его висках бился, как раненая птица. У него закружилась голова, помутилось зрение, на лбу выступили крупные капли пота.

— Интересно будет узнать, — неумолимо продолжал Прескотт, — существовало второе тело на

самом деле или нет.

— Да, — с трудом выдавил из себя Госсейн. — Интересно.

Теперь он уже и сам не верил тому, что с ним произошло, и не хотел ничего выяснять, хотя давно понял, что избежать проверки не удастся. Госсейн повернулся к детектору лжи. Положив руку на металлические контакты, он произнес:

— Ты слышал все, что здесь говорилось. Твое мнение?

— Подтвердить или опровергнуть ваши слова не представляется возможным. У вас суждение основано на человеческом восприятии. У вас — память Гилберта Госсейна I, включая и сцену убийства, настолько реальную, что я не могу утверждать, что вы не умерли. В вашем мозгу по-прежнему не содержится информации, позволяющей определить, кто вы такой на самом деле.

Надо было что-то решать. Госсейн наклонился, развязал женщине ноги и помог ей встать.

— Мы уйдем вместе, — пояснил он. — Примерно через милю я вас отпущу, и вы сможете вернуться и освободить мужа.

В этом и заключался его план. Он хотел остаться с ней наедине и подробно передать слова Пат-

рисции Харди — конечно, не называя ее имени — о заговоре и Прескотте, а дальше пусть решает сама.

Он рассказал все без утайки, пока они шла последние четверть мили, потом развязал ей руки. Она так долго молчала, что он добавил:

— Джон Прескотт может помешать вам предать дело огласке. Но если он верит в нуль-А принципы, не исключено, что ему придется отказаться выполнить приказ своего начальства. Крепко подумайте, прежде чем поделиться с ним тем, что я вам сообщил.

Женщина вздохнула.

— Я понимаю, — сказала она.

— Кстати, спросил Госсейн, — каков принцип работы госпиталя? — Ему давно хотелось выяснить этот вопрос.

— Разве вы не знаете? — ответила она. — Все мы работаем только на добровольных началах. Больница зарегистрирована. Когда происходит несчастный случай и требуется госпитализация, робот обзванивает ближайшие клиники. В последнее время мы в основном отказывались принимать пациентов, потому что… — Она замолчала и посмотрела на Госсейна своим ясным взглядом. — Спасибо вам за все. Большое спаси-

бо. — Чуть поколебавшись, она добавила: — Я ничего от него не скрою, я ему верю. Но постараюсь сделать это позже, чтобы вы успели уйти.

— Желаю удачи, — только и нашел что сказать Госсейн.

Он остался стоять на месте, глядя на ее удаляющуюся фигуру. «Женщина-учитель, — подумал он, — женщина-врач, родная, все понимающая, любимая. Женщина! Не подделка, не грубая имитация мужчины. Ее поступки говорили о ней как о человеке в полном нуль-А смысле этого слова, ведь даже столкнувшись с непредвиденным и потеряв много сил, она сохранила любовь сердца и благородство души».

Он очнулся от своих мыслей и, резко повернувшись, пошел по направлению к лесу. Трава мягко пружинила под ногами и была чуть примята, как будто до него теплыми душистыми вечерами то тропинке гуляли счастливые влюбленные пары. Сладкий, необъяснимо приятный аромат висел в воздухе, омытом полуденным дождем, смешиваясь с запахом зеленой травы. Постепенно затихая, журчала речка. Он вошел в тень гигантских деревьев.

После яркого дневного света ему показалось, что он очутился в мрачной пещере. Он двигался

по коридору, все время менявшему направление, расширявшемуся в огромные холлы, сужавшемуся до такой степени, что приходилось пробираться через переплетение корней, но всегда с крышей над головой, так что неба не было видно. Он понимал, что здесь легко заблудиться. Но компас поможет держать хотя бы приблизительное направление. Все равно, другого пути нет.

Постепенно тени стали сгущаться. Наступал вечер. Он уже смирился с мыслью, что придется ночевать в глухой чаще, когда, обогнув один из стволов, вышел на большую открытую поляну. Тщательно подыскав удобное место, он совсем было собрался прилечь, но в это время робоплан, бесшумно скользнувший над невысоким холмом, приземлился футах в пятидесяти от него, подпрыгнул и, прокатившись вперед, остановился. В носовой его части вспыхнул прожектор. Описав короткую дугу, луч уперся в Госсейна, сверкая, как миниатюрное солнце. Из громкоговорителя послышался голос:

— Гилберт Госсейн, я ваш друг, но не могу ничего объяснить, пока вы не подниметесь на борт. Чтобы избежать ненужных споров и задержек, хочу обратить ваше внимание на автоматические ружья. Побег невозможен.

Госсейн посмотрел на уродливые дула, торчащие из отверстий фюзеляжа и следовавшие за каждым его движением. Вряд ли теперь имело значение, друг перед ним или враг.

Не говоря ни слова, он подошел к робоплану, забрался внутрь и уселся в одно из кресел. Дверь мгновенно захлопнулась. Прожектор погас. Летательный аппарат взвился в небо.

9

Госсейн смотрел на черную поверхность земли, постепенно теряющую очертания. Мир гигантских деревьев и высоких гор слился с ночной мглой. Робоплан без опознавательных знаков продолжал подниматься. Прошло минут пять, и постепенно они перешли в горизонтальный полет. Вспыхнул свет, и бесстрастный голос произнес:

— В течение последующих десяти минут вы можете задавать любые вопросы. Остальное я объясню перед самой посадкой.

Госсейну потребовалось несколько мгновений, чтобы понять смысл сказанного. ЛЮБЫЕ вопросы. Это было настолько неожиданно, что сначала он растерялся. Правда, первый из них не вызывал

сомнений.

— Кто ты?

— Агент Машины Игр.

Госсейн облегченно вздохнул.

— Значит, я говорю с Машиной?

— Только косвенно. Она способна получать сообщения с Венеры, но не может передавать на межпланетных волнах.

— Ты сам по себе?

— Я следую инструкциям.

Госсейн набрал полную грудь воздуха.

— Кто я такой?

Он ждал, затаив дыхание, чувствуя огромное напряжение во всем теле.

— Мне очень жаль, но вы теряете драгоценное время, — ответил робоплан. — Я не обладаю информацией о вашем прошлом и могу дать оценку лишь происходящим событиям.

Госсейн обессиленно откинулся на спинку кресла.

— Может, это знает Машина? — с надеждой в голосе спросил он.

— Все может быть, но лично мне ничего не известно.

— Но ведь я должен хоть что-то о себе знать! — в отчаянии воскликнул Госсейн. — Скажи мне хотя

бы, почему я помню, как меня убили?

— Ваше тело, — сказал робоплан, — было обезображено до неузнаваемости и почти полностью сгорело. Но я понятия не имею, как получилось, что вы еще живы. Мистер Госсейн, я самым настойчивым образом рекомендую вам задавать вопросы, касающиеся положения дел на Венере. Или, может быть, вы предпочитаете, чтобы я вкратце рассказал, что происходит перед неминуемым вторжением на эту планету?

— Но черт побери! — яростно вскричал Госсейн, и тут же оборвал себя, понимая, что спорить бессмысленно. — Да, — покорно ответил он. — Наверное, так будет лучше всего.

— Чтобы понять политическую ситуацию на Венере, — сказал голос, — вам придется попытаться представить себе практически идеальную общественную формацию. Здесь нет ни президента, ни Совета, ни правящего органа власти. Люди трудятся на добровольных началах, выбирая себе дело по душе, но не теряют при этом связи с остальными, чтобы необходимая работа выполнялась точно и в срок. Вы можете возразить: допустим, все захотят овладеть одной и той же специальностью. Этого не происходит. В каждом человеке сильно развито чувство ответственно-

сти перед обществом, и прежде чем предложить свои услуги, он тщательно проверяет, в какой именно области существует нехватка кадров.

Например, когда детектив умирает, уходит от дел или просто решает поменять профессию, он оповещает о своем намерении, а в случае смерти — объявляется конкурс. Если он жив, желающие занять его место собираются и обсуждают с ним и друг с другом свою квалификацию. Независимо ни от чего, победителем считается тот, за кого проголосует между собой большинство кандидатов.

В эту минуту Госсейн невольно отвлекся, подумав, что робоплан необычайно объективно оценивает жизнь на Венере, рисуя обнадеживающую прекрасную картину будущей цивилизации.

Голос продолжал:

— А сейчас попробуйте представить себе, что более половины соискателей, стремящихся стать детективами или судьями, — агенты заговорщиков. С помощью тщательно запланированных убийств они устранили наиболее опасных для себя людей и в настоящее время заняли ключевые позиции в детективных агентствах и судебных органах, фактически контролируя обе организации. Это произошло по прямым указаниям

Прескотта, который, естественно, подозревается в...

Госсейн не выдержал:

— Одну минутку, — перебил он, сам не понимая, как очутился на ногах. — Пожалуйста, Вы хотите сказать, что...

— Я хочу сказать, — ответил робоплан, — что вас поймают в любом случае. Теперь вы понимаете, почему мне пришлось поставить непроницаемый для волн экран, когда вы пытались позвонить во видеофону. С тех пор, как сюда прибыл Торсон, псевдодетективы добились разрешения на подслушивание разговоров всех подозрительных лиц. По мнению Торсона, таковыми являются и его собственные подчиненные. Так что не ждите помощи от Крэнга. Он должен показать себя строгим, энергичным и безжалостным командиром, если хочет сохранить свое положение.

У нас осталось совсем мало времени. Буду краток. Одно ваше существование, не говоря о загадочных потенциальных возможностях вашего мозга, заставило огромную военную машину временно притормозить, а ее генералов заняться лихорадочными поисками. Поэтому не думайте, что решение, которое я сейчас предложу, было

принято с легкостью, хотя оно является единственно разумным.

Вы должны позволить захватить себя в плен, руководствуясь тем, что им жизненно важно выяснить, чем вы отличаетесь от других людей. По меньшей мере вас не тронут в течение нескольких дней, пока не проведут детального обследования вашей нервной системы.

А теперь — слушайте внимательно.

Через несколько минут мы опустимся в лесу перед домом Элдреда Крэнга. Сделайте вид, что ничего о нем не знаете, и расскажите об угрозе нуль-А миру. Притворяйтесь до последнего, но если почувствуете опасность, сами решайте, как поступить.

Робоплан накренился и резко пошел вниз.

— Итак, — сказал голос, — есть еще вопросы?

Госсейн попытался разобраться в обстановке, но мысли все время возвращались к нависшей над ним угрозе. Он прочно уселся в кресло. Пришла пора прояснить ситуацию.

— Никуда я не выйду, — твердо заявил он. — Я не самоубийца. Ведь никто не принял мер предосторожности и не позаботился о моей безопасности. Так?

— Верно, — признался голос. — Как только

мы приземлимся, вы будете полностью предоставлены самому себе. Только напрасно вы недооцениваете возможностей человека, которого убили и который все еще жив.

— К черту, — хрипло ответил Госсейн. — Я остаюсь, и это — окончательное решение.

— У вас нет выбора, — спокойно ответил робоплан. — Если вы не выйдете по собственной воле, я наполню кабину газом. Не забывайте, что полученные вами инструкции рассчитаны на спасение вашей жизни, и вы куда больше рискуете, отказываясь им следовать. Машина тоже считает, что лучше сдаться заговорщикам добровольно, чем быть схваченным в ближайшее время. Пожалуйста, обдумайте мои слова, мистер Госсейн, и не торопитесь с выводами.

— Какой вообще смысл в том, чтобы я попал к ним в руки? — мрачно спросил Госсейн.

— Необходимо, — ответил голос, — чтобы они вблизи увидели человека, который умер у них на глазах.

Раздался толчок, робоплан покатился по траве и остановился.

— Выходите! — произнес голос. — Скорее! Я не могу оставаться здесь более минуты. Ну же!

Тон робота поразил Госсейна. И ему вовсе не хо-

телось отравиться неизвестным газом. У дверей он замешкался и повернул голову.

— Поспешите! — сказал робоплан. — Никто не должен догадаться, как вы здесь очутились. Дорога каждая секунда. Идите все время прямо, никуда не сворачивая.

Недовольно пожав плесами, Госсейн покорно ступил на землю. Мгновением позже он остался один на один с непроглядной тьмой чужой планеты.

10

Ночь была тиха и спокойна. Госсейн на ощупь пошел вперед, и ярдов через сто увидел огонек, забрезживший слева. Постепенно он становился все ярче, ярче. Вскоре легче стало различать землю и ближайшие стволы деревьев. Он с удивлением заметил, что источник света находится прямо в дереве, стоявшем на опушке леса.

Спрятавшись в тени высокого кустарника, Госсейн поднял голову и посмотрел вверх. Он еще раньше твердо решил следовать всем указаниям Машины, и сейчас молча стоял, ожидая увидеть на фоне окон силуэты людей. Напрасно. Вздохнув, Госсейн решительно вышел на осве-

щенное пространство. Справа вырезанная прямо в стволе, широкая лестница вела на открытую террасу. Поднявшись по ступенькам, он очутился перед закрытой, причудливой формы дверью. Он громко постучал.

Примерно через минуту Госсейну пришло в голову, что свет просто могли забыть выключить. Он постучал еще раз, потом взялся за ручку. Дверь бесшумно отворилась в плохо освещенный коридор, тускло блестевший отполированными покрытыми лаком стенами, с естественными рисунками, красиво выделявшимися на матовом фоне и напоминавшими пламя старинных изделий красного дерева, хотя цветом больше походил на орех.

Госсейн быстро осмотрелся по сторонам, не решаясь войти. Не хватало только, чтобы его приняли за грабителя. Он постучал еще раз и, не получив ответа, пошел вперед, направляясь к ярко освещенному проему в дальнем конце коридора. Его взору открылась большая уютная гостиная. Странно было находиться в помещении, целиком расположенном внутри ствола дерева.

Теплый цвет полированных панелей казался здесь значительно светлее — видимо, для красо-

ты интерьера использовали другой состав лака. Общий эффект комфорта и великолепия подчеркивала уютная мебель и ковер, размерами по меньшей мере девяносто на шестьдесят футов. Скорее всего свет проникал наружу из огромных фигурных окон, занимающих весь пролет стены. Гостиная служила своеобразным холлом для пяти комнат. Госсейн отправился на разведку. В кухне его поразило обилие кладовок и огромный холодильник. Каждая из спален имела свою ванную и черный ход, ведущий, к полному его изумлению, в необозримых размеров сад.

Когда он наконец закончил осмотр, стало совершенно очевидно, что Элдреда Крэнга нет дома. Он, конечно, вернется, но сейчас решение Гилберта Госсейна откладывалось на неопределенное время. С психологической точки зрения это было крайне неприятно, ведь теперь у него появилась возможность передумать. Любая неопределенность действует на нервы, изматывает, внушает сомнения, заставляет колебаться. Куда проще уговорить себя остаться на свободе и попытаться предупредить жителей Венеры о готовящемся вторжении.

Неожиданно он заметил еще одну небольшую дверь. Как и прочие, она оказалась незапер-

той, и сначала он ничего не увидел в царящей там темноте. Постепенно глаза его привыкли к полумраку, а яркий свет гостиной позволил рассмотреть длинный коридор, ведущий в какое-то подобие пещеры и теряющийся в неизведанных глубинах огромного ствола.

Он пожал плечами, зашел в одну из спален, разделся и принял ванну. Освежившись, но буквально засыпая на ходу, он улегся на чистые простыни. Вокруг стояла полная тишина. Мысли его вновь вернулись к загадке Гилберта Госсейна, убитого, но оставшегося в живых. Таким успехом трудно было похвастать и богам далекого прошлого. В старые романтические времена он бы не удивился, оказавшись заколдованным принцем, или важным правительственным агентом, или сыном богатого купца. Но в нуль-А Вселенной «особых» людей не существовало. Правда, одни считались богаче, другие — беднее, а агенты президента Харди с большой натяжкой могли называться правительственными. Но произошла переоценка ценностей. Все люди рождались равными и проходили курс нуль-А обучения, помогающий им развить способности своего мозга. На Земле не осталось ни королей, ни герцогов, ни суперменов, путешествующих инкогнито. КТО

ЖЕ ТОГДА ОН САМ?

С этой мыслью Госсейн заснул.

Проснулся он, как от толчка. Дневной свет проникал в открытую дверь спальной. Он сел на кровати. Возможно ли, что Крэнг вернулся и не заметил в доме постороннего? Направившись в ванную, он начал шумно плескаться, насвистывая какую-то мелодию и чувствуя себя достаточно глупо. Любым способом он хотел дать знать о своем присутствии, совсем не желая, чтобы его пристрелили, как обычного вора.

Помывшись, он прошел на кухню, продолжая громко свистеть, и принялся грохотать ящиками кухонного шкафа, сковородками и кастрюлями. Перебрав содержимое холодильника, он изо всех сил хлопнул дверцей, а, накрывая на стол, уронил несколько тарелок.

Он с аппетитом позавтракал беконом, тостами, чаем и свежими венерианскими фруктами, но так и остался в одиночестве. Закончив уборку, Госсейн решил еще раз тщательно осмотреть все помещение. В спальных явно никто не ночевал. Он открыл загадочную дверь, ведущую в длинный коридор, но за ней было все так же темно. На какое-то мгновение он задумался, но в конце концов пришел к выводу, что сейчас

не время заниматься исследованиями, и вернулся в гостиную, залитую дневным светом. За окном, прямо на террасе, простиралась зеленая лужайка, отведенная под аккуратно ухоженный сад, уходящий, по подсчетам Госсейна, футов на семьдесят в глубину ствола. Выглядел он просто сказочно. Невиданные кусты пестрели цветами, величиной чуть ли не с земное дерево, а яркие краски блестели настолько сильно, что лепестки, казалось, светились сами собой.

Для ботаников Венера, должно быть, являлась экспериментальным раем.

Но он недолго любовался красотами природы. Не находя себе места, Госсейн зашагал из угла в угол. Чем заняться, пока нет Крэнга? Он подошел к книжной полке. Некоторые заглавия заинтересовали его: «Аристотелева и не-Аристотелева история Венеры», «Эгоист не-Аристотелевой Венеры», «Машина и ее Создатели», «Детективы в Мире без Преступлений».

Сначала ему никак не удавалось сосредоточиться, в голову лезли всякие мысли. Но постепенно он успокоился и углубился в чтение. Во время обеда он положил книжку рядом с тарелкой. Ближе к вечеру Госсейну стало совсем уютно, и, перекусив толстым ломтем говяжьей вырезки из

необъятных запасов холодильника, он принялся за историю Венеры. В ней говорилось о первом человеке, высадившемся на планету в конце двадцатого века, о кипящем аде атмосферы, усмиренной в первой четверти двадцать первого столетия; о том, как объединенное человечество вывело на орбиту метеориты из льда, перегнав из от Юпитера; и о том, как тысячу дней и ночей шел дождь.

Метеориты из льда были самыми разными по размеру: от десяти до ста кубических миль, и когда они медленно растаяли, поверхность Венеры забушевала океанами, а в ее атмосфере появился кислород. К 2081 году Институт Общей Семантики, тогда еще только начинавший пользоваться уважением, оценил огромный нуль-А потенциал щедрого мира. В это время завезенные на Венеру деревья и другие растения росли в сотни раз быстрее, чем на Земле. Метод Машины по отбору колонистов появился лет на сто позднее, и постепенно великий план стал приводиться в действие.

Статистические данные говорили о населении Венеры в году 2560-м: мужчин — 119000038, женщин — 12143280. «Может быть, именно это несоответствие, — невольно подумал Госсейн, —

заставило Амелию выйти замуж за Прескотта?»

Он отправился спать, захватив в собой на ночь «Эгоиста не-Аристотелевой Венеры». В обращении к читателю, прямо на титульном листе, говорилось, что доктор психологии Лаурен Кэр будет практиковать на Земле, в городе Машины, с 2559 по 2564 г. Госсейн быстро просмотрел содержание и открыл страницу на главе под названием «физические травмы и их воздействия на „ego“. Один из абзацев бросился ему в глаза.

«Выявить психическую ненормальность или непомерно развитое „ego“ является практически невозможным после излечения пациента от последствий тяжелой травмы, происшедшей в результате несчастного случая, например, аварии, и повлекшей за собой физического уродство».

Госсейн задумался. Он и сам не знал, почему вдруг начал читать книгу с середины. По крайней мере прочитанное логично объясняло поведение небезызвестного мистера «Х», которого явно проморгали психиатры, обязанные пристально наблюдать за последствиями травм подобного рода.

На следующее утро Госсейн проснулся в пустом доме. Он встал в постели в полном недоумении, и в конце концов решил, что подождет Крэнга еще

сутки, а потом придумает, как себя обнаружить. Можно, например, куда-нибудь позвонить. К тому же неплохо исследовать загадочный коридор-тоннель.

День прошел без всяких приключений.

Всласть выспавшись, Госсейн быстро позавтракал и направился к видеофону. Он набрал номер дальней связи и стал ждать, не понимая, почему не додумался до этого раньше. На экране появилось лицо робота.

— С какой звездой вас соединить? — спросил бесстрастный голос.

У Госсейна пропал дар речи.

— Я передумал, — наконец выдавил он из себя и, повесив трубку, откинулся на спинку кресла, пытаясь унять дрожь в руках. Как он сразу не сообразил, что галактическая база на Венере не могла не иметь своей подстанции? «С какой ЗВЕЗДОЙ?» Эти люди понимали дальнюю связь слишком буквально!

Он внимательно посмотрел на панель видеофона и нажал кнопку с надписью «Местная». На экране вновь появился робот. В ответ на его просьбу бесстрастный голос произнес:

— Прошу прощения, но по этому аппарату я принимаю местные заказы только от мистера

Крэнга.

Щелк!

Госсейн встал. В звенящий тишине он ясно слышал свое дыхание и биение сердца. В его мозгу продолжали звучать слова: «С какой звездой вас соединить?» Сколько времени потеряно даром! Как много можно было успеть! Но прежде всего — тоннель.

В одной из кладовых кухни он разыскал фонарик на атомных батарейках и через несколько минут уже стоял перед загадочной дверью, за которой царила непроглядная тьма. Какие тайны хранило дерево в одну восьмую мили обхватом и полмили высотой? По коридору с низким потолком Госсейн отправился в глубь ствола.

11

Однообразие притупляло мысль. Тоннель стал поворачивать чаще, все явственней чувствовался наклон вниз. Не прошло и десяти минут, а он дважды разветвлялся. Покатые стены тускло блестели в луче фонаря. В течение следующего часа Госсейну встретились семь боковых коридоров, а тоннель разветвлялся еще трижды. Чтобы не заблудиться, он тщательно отмечал каждый

поворот на самодельной карте в блокноте.

— Я спустился вниз на несколько сотен футов, — сказал он сам себе, — и скорей всего нахожусь под землей, а наверху — лес.

Он никогда раньше не задумывался над тем, какой корневой системой должны обладать могучие деревья Венеры. Мощные корни переплетались самым непонятным образом, и невозможно было разобраться, где начинается один и кончается другой. Он попытался пройти в ближайший боковой коридор. Древесина желто-лимонного цвета на ощупь казалась твердой, как сталь. И сколько он ни искал, ему нигде не удалось обнаружить выключатель, потайную дверь или другие признаки человеческой деятельности.

Госсейн начал нервничать. Чтобы разгадать загадку лабиринта, а он твердо решил это сделать, потребуется много времени. Он не взял с собой никакой еды, так что лучше потерять пару часов и вернуться, пока не поздно, чем ослабеть от голода.

На обратном пути он не испытал никаких затруднений. Нарезав толстые ломти ветчины, Госсейн приготовил сэндвичи и аккуратно уложил их в бумажный пакет. Потом сел за стол переку-

сить беконом с яйцами. Внезапно двери спален одновременно распахнулись, и в гостиную ворвались трос людей, вооруженных пистолетами. Они устремились вперед, как вытолкнутые тугой пружиной катапульты. Четвертый мужчина, высокий, мускулистый, с карими глазами, появился у входа и лениво прислонился к стене.

— Поднимите руки, Госсейн, — сказал он.

Неудобно вывернув голову, боясь пошевелиться, Госсейн сделал вывод, что Элдред Крэнг, галактический агент, венерианский детектив и тайный сторонник нуль-А методов обучения, наконец-то вернулся домой.

Как ни странно, он испытал облегчение. До тех пор, пока никто не знал об опасности, угрожающий человечеству, Гилберт Госсейн во что бы то ни стало должен жить. Он попытался представить себе появление Крэнга как первый шаг в осуществлении намеченного плана. Подняв руки вверх, он встал, с любопытством глядя вокруг, обдумывая, как проще приспособиться к ситуации и выполнить поручение Машины. По правде говоря, он понятия не имел, с чего начать свой рассказ.

Один из телохранителей подошел к столу, взял бумажный пакет и небрежно разломал его по-

полам. Хлеб и мясо покатились по скатерти, два сэндвича упали на пол. Человек молча улыбнулся. Ему было лет за тридцать, и его холеное лицо, широкие плечи и коренастая фигура оставляли неприятное впечатление. Он сделают шаг к Госсейну.

— Решил смыться? — в голосе его чувствовался легкий акцент. Он опять улыбнулся. И резко ударил Госсейна по щеке тыльной стороной ладони. Все так же бесстрастно он заметил: — Не вышло, да? — И вновь замахнулся.

— Хватит, Блейни, — послышался откуда-то слева голос Крэнга.

Человек послушно опустил руку. Но ему никак не удавалось справиться с выражение лица, и в его интонациях звучали страстные нотки.

— Но, мистер Крэнг, если бы он успел удрать и не позвонил на подстанцию? Кому бы пришло в голову искать его здесь? Наш босс…

— Молчать!

Блейни неохотно повиновался. Госсейн повернулся к Крэнгу.

— На вашем месте, — заметил он, — я не стал бы доверять Блейни после того, как ему исполнится сорок.

— Что-что? — невольно вырвалось у тело-

хранителя. На лице его появилось изумленное выражение.

Крэнг вопросительно посмотрел на Госсейна.

— Любой психиатр, даже психолог, — сказал Госсейн, — с легкостью объяснит, почему у Блейни появилось желание меня ударить. Его нервная система начинает реагировать на то, что могло произойти, как если бы это произошло на самом деле. Заболевание чисто функциональное, но оно принимает формы, раздражающие больного. Постепенно от его храбрости не останется и следа. Садистские вспышки станут ширмой развивающейся трусости. К сорока годам он начнет жить в сплошном кошмаре, непрестанно думая, какой вред могли ему причинить те или иные стычки его юности.

— Он пожал плечами. — Типичный пример личности, не обладающей нуль-А гармонией.

Серые глаза Блейни сверкнули, он перевел взгляд с Госсейна на Крэнга.

— Можно мне ударить его, мистер Крэнг? — хриплым голосом спросил он.

— Нет. Вам не все равно, что он думает?

Вид у Блейни был недовольный, и Госсейн ничего не добавил к сказанному, не желая накалять обстановку. Пришло время начать свой рассказ.

К его удивлению, они слушали внимательно. Когда Госсейн закончил говорить, Крэнг вынул из портсигара сигарету и закурил. Некоторое время он задумчиво затягивался, не произнося ни слова. Госсейн воспользовался паузой, чтобы как можно тщательнее изучить стоявшего перед ним человека.

Элдред Крэнг был худощав и невелик ростом. Его карие глаза казались желто-зелеными на свету. На лице с чуть смуглой, как у жителей Востока или Средиземноморья, кожей застыло слегка недоуменное выражение. Его манера держаться говорила о большой силе воли.

Итак, перед ним стоял человек, которого любила Патриция Харди. Госсейн попытался разобраться в своих чувствах и с удивлением подумал, что не испытывает к нему никакой неприязни. Он вспомнил слова робоплана, который ясно дал понять, что от Крэнга нечего ждать помощи. Его окружали заговорщики с Земли, за ним пристально наблюдало галактическое начальство. При Торсоне ему следовало быть особенно осторожным.

Долгое молчание неожиданно прервал громкий смех Крэнга.

— Знаете, — сказал он, — ведь я чуть было вам

не поверил. Впрочем, сейчас не имеет значения, лжете вы или нет. Все равно мы решили созвать конференцию с вашим участием и обсудить возникшую проблему. С детскими играми покончено. Через час мы улетаем на Землю.

— На Землю! — повторил Госсейн.

Он печально улыбнулся. Со времени своего пребывания на Венере он успел сообщить об опасности, угрожающей Солнечной системе, только Амелии Прескотт. В лучшем случае она могла позвонить в детективное агентство, не зная, что организация находится в руках заговорщиков. Одно человеческое существо из двухсот миллионов. Крэнг снова заговорил.

— Блейни, — приказал он. — Введите Прескоттов.

Госсейн ничем не выдал своего изумления. С болью в душе он смотрел, как в гостиную вводят супружескую пару, в наручниках и с пластиковыми кляпами во рту. Амелия была явно потрясена и даже попыталась что-то сказать. Ее усилия оказалось тщетными, и она взглянула на Госсейна, безнадежно покачав головой.

Он почувствовал к ней жалость. Ее решение довериться мужу в надежде, что он останется верен нуль-А принципам, привело к печальному

исходу. Прескотт предал ее. Амелии заткнули рот именно потому, что она не принадлежала к числу заговорщиков. В противном случае ей нетрудно было бы сыграть роль невинно пострадавшей, а они могли не бояться, что она заговорит.

Кляп во рту наверняка причинял ее супругу массу неудобств но, видимо, он считал, что игра стоит свеч. И в чем бы ни заключалась цель этого форса, Гилберт Госсейн должен делать вид, что всему верит, ведь они не подозревали, что он прекрасно знал, кто такой Прескотт. Небольшое преимущество, когда партнеры играют с тобой крапленой колодой карт.

12

Черную пустоту необъятного космоса пронизывал звездолет. На его борту находились четыреста два мужчины и одна женщина. Крэнг сообщил об этом на вторые сутки полета.

— Мне приказано доставить вас на Землю любой ценой, — добавил он.

Госсейн промолчал. Он никак не мог понять Крэнга. Создавалось впечатление, что галактический агент ни в коем случае не желает рисковать своим высоким положением и готов идти на

самые неприятные компромиссы, лишь бы оказаться вне подозрений. Правда, если в конечном итоге он намеревался использовать власть на благо развивающегося по нуль-А пути человечества, временные уступки заговорщикам имели смысл.

Фигура Крэнга мелькнула и пропала за поворотом мостика, а Госсейн так и остался стоять у огромного иллюминатора, глядя в ночное пространство. Впереди сверкала яркая звезда. Завтра она примет очертания Земли, и уже вечером он окажется в резиденции президента Харди после трех дней и двух ночей межпланетного путешествия.

Приземление разочаровало Госсейна. Сплошные облака помещали разглядеть планету; густой туман скрыл город Машины. На какое-то мгновение мелькнул свет атомного маяка, которому не страшна была любая погода. А затем космический корабль опустился на площадку внутри гигантского здания ракетодрома.

Госсейна повели вниз по трапу. Свет фонарей тускло освещал улицу. Палисадник перед дворцом президента был пустынен, но не успел Госсейн и шага ступить, как неведомо откуда появившиеся охранники окружили его плотным

кольцом и провели в ярко освещенный вестибюль здания. Поднявшись на второй этаж, они остановились перед закрытой дверью.

— Вот мы и пришли, — сказал Крэнг. — Вам отведены эти апартаменты, как гостю президента. — Повернувшись к группе сопровождения, он повелительно махнул рукой.

— Все свободны.

Вежливо отступив в сторону, он пропустил Госсейна вперед и проследовал за ним в холл, не менее двадцати футов в длину и сорока в ширину.

— Спальная, ванная и черный ход, — объяснил он, поочередно указывая на три двери. — Комнаты смежные. — Чуть поколебавшись, он добавил: — Охрана не выставлена, вход к вам свободный, но не пытайтесь убежать. Уверяю вас, покинуть дворец невозможно. — Он дружелюбно посмотрел на Госсейна и улыбнулся. — Вечерний костюм в шкафу. Справитесь за час? Мне бы хотелось кое-что показать вам перед обедом.

— Постараюсь, — сказал Госсейн.

Он машинально разделся, думая о побеге. Если Крэнг не врал, и его действительно не охраняли, всегда можно найти способ незаметно исчезнуть. Хотя, с другой стороны, не исключена возмож-

ность провокации.

Из нескольких костюмов он выбрал темный, с блестками, и только собирался принять душ, как услышал шум в холле. Быстро накинув халат, он вышел из спальни. Патриция Харди осторожно закрывала дверь черного хода. Изящно повернувшись, она пошла ему навстречу.

— Глупец! — воскликнула она, не теряя времени на светские разговоры. — Зачем вы убежали, когда начался обыск? Разве вы не слышали, что я отказалась подчиниться распоряжению Торсона? — Не дожидаясь ответа, она тряхнула головой. — Ну да ладно. Не будем вспоминать прошлого. Вы убежали, вас убили, и сейчас вы вернулись. Ведь это вас убили? — Госсейн открыл рот, но она опять не дала ему сказать ни единого слова. — У меня всего минутка времени. Можете не сомневаться, после вашего побега месяц назад я первая на подозрении, и если меня здесь застукают… — Она очень убедительно задрожала плечами. — Госсейн, кто вы? Я должна знать.

С приходом девушки он перестал чувствовать себя таким одиноким, и сейчас ему невольно передалось ее возбуждение.

— Ну же! — нетерпеливо сказала она. — Говорите!

Госсейн вздохнул. Рассказ получился коротким. Очнулся на Венере, непонятно как и почему. Попал в плен. Ему нечего было скрывать. О том, что Прескотт один из заговорщиков. Патриция слышала от Крэнга, к тому же не стоило забывать о подслушивающих аппаратах. Осторожность не помещает.

Даже не дослушав до конца, Патриция опустилась в кресло, с досадой закусив нижнюю губу.

— Вы знаете не больше, чем тот, первый! — с горечью сказала она. — Вы действительно только пешка!

Госсейн остался стоять, глядя на нес сверху вниз. Он не собирался обсуждать с ней проблему двух Госсейнов, хотя у него появились кое-какие мысли на этот счет. В глубине души он понимал, что она права, но все равно обидно, когда тебя называют пешкой.

— Послушайте, — коротко спросил он, — а вы-то здесь при чем?

Взгляд ее смягчился.

— Простите, — ответила она. — Я не хотела вас обидеть. Дело в том, что ваша неосведомленность привела в недоумение все заинтересованные стороны. Торсон, личный представитель Энро, отложил вторжение на Венеру. Вот видите! Я так

и думала, что это вас заинтересует. Подождите! Не перебивайте. Я намеревалась серьезно поговорить с вами еще месяц тому назад. Вы хотите знать, кто такой «Х». Мы тоже. Этот человек обладает железной силой воли, но никто даже не подозревает, какие он преследует цели. Пока что его, кажется, интересует лишь собственное возвышение, и он высказывался по поводу того, что вас можно будет использовать. Представители Галактической Лиги тоже ничего не понимают. Они никак не могут решить, враг или союзник тот космический шахматист, который ввел вас в игру. Все бродят впотьмах, думая, что делать дальше. — Патриция умолкла. Глаза се возбужденно горели. — Друг мой, — негромко сказала она, — во всей этой неразберихе для вас открываются самые широкие возможности. Используйте их. — Голос ее стал предельно искренен. — Соглашайтесь на любое предложение и не ставьте невыполнимых условий. Оставайтесь в живых.

Она вскочила с кресла, по-дружески прикоснулась к его руке и побежала к выходу. У дверей она на мгновение остановилась.

— Желаю удачи! — сказала она и исчезла в коридоре.

Госсейн принял душ, но одна навязчивая мысль

не давала ему покоя: «Откуда ей все известно? Кто она такая?» Когда он вышел из ванной, в кресле холла сидел Майкл Харди.

При виде Госсейна лицо его просветлело. Глядя на президента, легко было представить себе спокойного, выдержанного человека с сильной волей — эталон разума и справедливости. Он посмотрел на Госсейна твердым взглядом.

— Я предоставил вам это помещение, — произнес он, — чтобы избежать прослушивания. Но у нас совсем мало времени.

— Правда? — сказал Госсейн.

Он говорил, не скрывая неприязни. Харди занял пост в результате махинаций, заговора, минуя Игры и каким-то образом обманув Машину. Преступление беспрецедентное, непростительное, и Госсейн чувствовал, что оскорбление нанесено ему лично.

На приятном лице более пожилого человека появилась легкая улыбка.

— Бросьте, — сказал Харди. — Не будьте ребенком. Вы хотите получить определенную информацию. Я тоже. Договоримся так: сначала вы задаете мне три вопроса, потом — я. — Он замолчал и, видя, что Госсейн не отвечает, резко добавил: — Прекратите! Неужели вам нечего

спросить?

Враждебность Госсейна испарилась, как дым. У него накопилось столько вопросов, что не хватило бы и целого вечера. Нельзя терять время попусту.

— Кто вы такой? — спросил он без обиняков.

Харди с сожалением покачал головой.

— Прошу прощения, — ответил он. — Либо я тот, за кого себя выдаю, либо нет. В последнем случае, если я вам откроюсь, то окажусь полностью в вашей власти. Любой детектор лжи сумеет вырвать у вас признание. Не теряйте времени, задавая вопросы, которые могут погубить меня. Поторопитесь.

— Знаете ли вы обо мне что-нибудь особенное?

— Да, — сказал президент Харди.

Видимо, он заметил выражение лица Госсейна, потому что быстро добавил:

— Честно говоря, совсем немного. Но за несколько дней до вашего появления я получил личное письмо. Оно было отправлено прямо отсюда, из города Машины. Автор недвусмысленно дал понять, что прекрасно осведомлен о величайшем секрете всей Солнечной системы — плане вторжения на Венеру. Он писал, что вы предотвратите войну и что вас можно найти в отеле

«Тропический Парк». Письмо я сжег, так как не хотел никому его показывать, и с большими сложностями доставил вас во дворец. Впрочем, остальное вы знаете. Итак, вопрос номер три.

— Два! — поправил его Госсейн.

— Три. Если вы откажетесь ответить на один из моих вопросов, он тоже будет засчитан. Справедливо?

Госсейн возразил чисто машинально. Он пытался разобраться в том, что услышал. Харди, несомненно, говорил правду. Невероятная ситуация, в которую он попал, явилась следствием чьих-то действий. Госсейна же интересовала причина.

Впервые он посмотрел на президента Земли другими глазами. Каждый из заговорщиков преследовал свою корыстную цель, но тем не менее Харди добился того, что люди, столь же безжалостные, как и он сам, согласились назначить его на самый ответственный пост. Видимо этот человек был далеко не прост.

— Госсейн, я жду!

Он совсем забыл о Харди. К тому же в нем крепла уверенность, что их разговор не имеет смысла. Вряд ли ему могли сообщить нечто существенное.

— Что со мной будет? — спросил он.

— Вам сделают предложение, но я не знаю, какое именно. Сейчас это обсуждают «Х» с Торсоном. В любом случае я советую вам согласиться. Не забывайте — у вас довольно сильная позиция. Теоретически, не существуют два одинаковых тела, но почему не быть третьему? — Он нахмурился. — Хотя, конечно, это одни догадки.

Госсейн давно пришел к выводу, что у него не могло быть двух тел. Он открыл рот, собираясь возразить, но вовремя спохватился. Глаза его сузились. Зачем они так упорно пытались заставить поверить его в нелепость? Внушали бессмыслицу? С ним произошла странная, непонятная история, но нельзя забывать, что он находился под постоянным наблюдением заговорщиков. Робоплан, заявивший, что является агентом Машины, мог лгать. И прежде чем лезть со своими мнениями, надо дождаться дальнейшего развития событий.

Он посмотрел на Харди и громко повторил:

— Да, одни догадки.

— Мой первый вопрос, — сказал Харди, — о человеке или группе людей, которые стоят за вами. Вы уже вступили в контакт?

— Определенно нет. Если вы говорите, что Ма-

шина ни при чем, я вообще ничего не понимаю.

Харди улыбнулся.

— Ваш ответ основан на отсутствии знаний, а следовательно — неверен. Вот видите, вы заставили меня высказать нуль-А утверждение. Кстати, не я один грешен. Даже планируя уничтожить нуль-А учение, мы применяем его логику. «Карта — не территория». Ваша уверенность, что вы ничего не знаете, всего лишь вывод из реальности, а не сама реальность.

Он замолчал, улыбаясь каким-то своим мыслям, затем вновь заговорил.

— Вопрос второй. Чувствуете ли вы хоть в чем-нибудь свое отличие от других людей? — Он пожал плечами. — Должен признать: мною допущена семантическая ошибка. Наше с вами восприятие, безусловно, неодинаково. Каждый человек индивидуален. Тем не менее я не могу выразиться яснее. Итак?

Вопрос показался Госсейну не только приемлемым, но и крайне интересным. Это были его собственные мысли, высказанные вслух.

— Я не чувствую ничего особенного. Видимо, вы имеете в виду открытие, сделанное Торсоном. Что он нашел в моем мозгу?

Он наклонился вперед. Его бросало в жар и в

холод. Он с трудом перевел дыхание, когда Харди ответил:

— Подождите. Мой третий вопрос. Я хочу знать, как вам удалось найти дом — тайник Крэнга.

— Я прилетел туда на робоплане, который заставил меня подняться на борт.

— Каком робоплане? — спросил Харди.

— Простите, сейчас моя очередь, — сказал Госсейн. — Может, нам лучше задавать по одному вопросу? Что он нашел в моем мозгу?

— Дополнительную мозговую ткань. Я ничего не знаю о ее природе. Торсон считает, что она не обладает особыми потенциальными возможностями.

Госсейн кивнул. Он готов был согласиться с Торсоном. С самого начала он не чувствовал никакой разницы между собой и остальными.

— Каком робоплане? — повторил Харди.

— У меня сложилось впечатление, что он агент Машины.

— Впечатление?

— Моя очередь, — ответил Госсейн.

Харди нахмурился.

— Вы отвечаете неполно. Он не представят вам никаких доказательств?

— Он сообщил факты, о которых могла знать

только Машина, но он применил по отношению ко мне силу. Я считаю это подозрительным.

Харди задумался.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Но, к сожалению, ничего определенного сказать не могу. Крэнг очень близко сошелся с Торсоном и держит всех в неведении. Боюсь, — тут он печально усмехнулся, — что я попал в немилость.

Теперь становилось понятным, почему он пришел сюда и согласился разговаривать на равных. Внезапно Госсейн ясно представлял себе группу заговорщиков-землян, которые сейчас поняли, что ими управляют, как марионетками. Прежде чем он успел заговорить, Харди резко произнес:

— Я ни о чем не жалею. Машина отказала мне в праве дальнейшего продвижения, а я отказался смириться с подобным решением.

— Чем она могла мотивировать свой отказ?

— Она сказала, что видит во мне задатки потенциального диктатора. Ее создатели учли вероятность возникновения подобной ситуации и запрограммировали Машину надлежащим образом.

— И вы решили доказать, насколько она права?

— Мне предоставилась такая возможность, и

я ею воспользовался. И сейчас поступил бы точно так же. В галактической иерархии для меня найдется место. Торсон просто страхуется. — Он перестал хмуриться и даже улыбнулся. — Мы несколько отвлеклись от темы, и…

Их прервали. В комнату вошел человек в форме и быстро закрыл за собой дверь.

— Сэр, — обратился он к Харди, — мистер Торсон поднимается по лестнице. Мне только что сообщили.

Президент Харди встал. Он был явно недоволен, но не потерял самообладания и вел себя с достоинством.

— Что ж, пора. Думаю, я узнал все, что хотел. По крайней мере, я все больше убеждаюсь в том, что вы — не последний Госсейн. До свидания, и помните, что я вам сказал. Идите на компромисс, чтобы остаться в живых.

Вместе с охранником они вышли через черный ход, которым пятнадцать минут тому назад воспользовалась Патриция. Не прошло и нескольких секунд, как раздался стук в дверь. У входа появился Торсон.

13

Он остановился на пороге, и Госсейн сразу узнал гиганта с широкими плечами, тяжелыми чертами лица и ястребиным носом. С самого начала положение его не вызывало сомнений: человек, которого все боятся, личный представитель Энро. Темные глаза сверкнули, лоб пересекли морщины.

— Вы еще не готовы! — резко сказал Торсон.

Он окинул комнату подозрительным взглядом. И внезапно Госсейн представил себя на его месте. Торсон прилетел со звезд в незнакомую и странную Солнечную систему. Здесь, на Земле, окруженный непонятными ему людьми, подчиняясь воле его пославших, он пытался выполнить приказ. Это требовало колоссального нервного напряжения, неимоверных усилий. Ни на секунду он не мог позволить себе расслабиться, поверить в преданность заговорщиков, с которыми поневоле приходилось сотрудничать.

Торсон осторожно повел носом.

— Какой странный запах у вашего одеколона, — заметил он.

— Не обращал внимания, — небрежно сказал

Госсейн. Теперь он и сам почувствовал слабый аромат духов. Патриции следует быть осторожней в мелочах. Он окинул инопланетянина бесстрастным взглядом. — Что вам угодно?

Торсон не зашел в холл. Стоя у входа, он внимательно наблюдал за Госсейном.

— Решил посмотреть на вас, — сказал он. — Просто посмотреть. — Он пожал плечами. — Вот и все.

И, повернувшись, зашагал по коридору. Госсейн моргнул. Он внутренне собрался, приготовившись к неприятному разговору, и сейчас чувствовал себя обманутым. Недоумевая, зачем Торсону понадобилось заходить к нему, он продолжал одеваться. Неожиданно он вспомнил, что скоро должен появиться Крэнг, и тут же услышал, как входная дверь открылась.

— Уже иду! — крикнул он.

Ответа не последовало. Через минуту позади него мелькнула чья-та тень. Госсейн обернулся. В спальной стоял Джон Прескотт.

— У меня совсем нет времени, — сказал он.

Несмотря на удивление, вызванное появлением Прескотта, Госсейн вздохнул. Посетители не баловали его разнообразием: все куда-то торопились, и это становилось утомительным. Но

он ничего не ответил и вопросительно поднял брови.

— Вы, должно быть, задумывались, кто я такой, — сказал Прескотт.

Госсейн перестал что-либо понимать. Прескотт начал говорить взахлеб, ничего не скрывая. Галактический агент. Тайный нуль-А последователь.

— Я просто обязан вам все рассказать, — продолжал он. — Когда вы напали на меня в то утро, я узнал вас по фотографиям, и, по правде говоря, доложил о вашем присутствии на Венере своему начальству. Разумеется, я нисколько не сомневался, что вам удастся бежать. Поверьте, я был просто поражен, когда увидел вас в доме Крэнга.

Он на мгновение остановился, переводя дыхание, и Госсейну едва удалось скрыть свое разочарование. Теперь он лишился единственного преимущества над заговорщиками, которые считали, что Прескотт вне подозрений. Глупо, конечно, рассчитывать на такую малость, но он так надеялся! Теперь остается выяснить, с какой стати Прескотт разоткровенничался и стал сыпать признаниями.

— Я боюсь Амелии, — взволнованно пояснил Прескотт. — Она невинна. Я согласился, чтобы

меня связали, лишь бы она ничего не знала. Я думал, ее отпустят сразу после вторжения на Венеру. Но несколько минут тому назад Крэнг сказал, что «Х» и Торсон хотят использовать ее, чтобы поймать вас в ловушку.

Он замолчал. Дрожащими пальцами он вынул небольшую металлическую коробочку и, сделав шаг вперед, открыл крышку. Госсейн с любопытством уставился на двенадцать белых таблеток.

— Возьмите одну, — сказал Прескотт.

Догадываясь, что последует дальше, Госсейн тем не менее послушно протянул руку.

— А теперь — глотайте.

Госсейн покачал головой. Постепенно в нем нарастало раздражение.

— Я не принимаю неизвестных лекарств.

— Ради вашей собственной безопасности. Клянусь вам. Противоядие.

— Я пока еще не отравлен, — терпеливо ответил Госсейн.

Прескотт с шумом захлопнул коробочку. Он сунул ее в карман, попятился, одновременно выхватывая бластер.

— Госсейн, — тихо произнес он, — я в безвыходном положении. Либо вы проглотите эту таблетку, либо я вас убью.

Он не испугался, опасность казалась нереальной. Посмотрев на таблетку, Госсейн перевел взгляд на Прескотта.

— В холле, — мягко сказал он, — стоит детектор лжи. Думаю, он поможет быстро разрешить существующие разногласия.

Он оказался прав. Прескотт заявил, взявшись за контакты:

— Лекарство является противоядием. Оно гарантирует безопасность Госсейна в том случае, если я буду вынужден пойти на крайние меры. Прошу твоего подтверждения, но не вдавайся в подробности.

— Это правда, — последовал незамедлительный ответ.

Госсейн проглотил таблетку и некоторое время молча стоял, ожидая, что будет дальше. Он не испытывал никаких ощущений и, глядя на Прескотта, медленно произнес:

— Надеюсь, с вашей женой ничего не произойдет.

— Спасибо, — только и ответил Прескотт.

Он быстро вышел парадным ходом и закрыл за собой дверь. Госсейн закончил одеваться и развалился в кресле, поджидая Крэнга. Он был встревожен куда больше, чем ему хотелось. Все

его посетители преследовали каждый определенную цель, но сходились в одном: уверенности, что кризис неминуемо приближается.

На Венеру готовили нападение. Кто? Какая-нибудь галактическая военная сверхдержава? Вполне возможно — кому еще могло прийти в голову поработить человеческую расу, не вышедшую за пределы Солнечной системы? Загадочные агенты, психологическая обработка, инфильтрация и, наконец, мощный удар из ниоткуда. Туманные намеки на Галактическую Лигу, якобы способную противостоять вторжению, казались необоснованными на фоне действий Торсона и полного беззакония. Убийства. Предательства. Захват власти на Земле.

— И считается, что я могу предотвратить войну? — громко сказал Госсейн.

Он коротко рассмеялся, чувствуя нелепость подобных утверждений. К счастью, скоро проблема Гилберта Госсейна разрешится. Самым трудным и опасным для него был момент, когда его чуть не убедили в существовании второго тела. Только логика не позволила ему попасться на эту удочку. Им не удастся выбить его из колеи, он останется в здравом уме и постарается с пользой провести сегодняшний вечер. Громкий стук прервал его

размышления. К своему облегчению, он увидел Крэнга.

— Готовы?

Госсейн кивнул.

— Что ж, пойдемте.

Они спустились по лестнице вниз на несколько этажей и по узкому коридору подошли к запертой двери, которую Крэнг отомкнул ключом. Взору Госсейна открылось просторное помещение с мраморным полом, заставленное шкафами, разнообразными приборами и прочим лабораторным оборудованием.

— Прошу, — сказал Крэнг. — Я останусь здесь, а вы осмотрите тело.

— Тело? — с любопытством спросил Госсейн. Внезапно он понял. ТЕЛО!

Он позабыл о Крэнге и сделал шаг вперед. В дальнем углу лаборатории на одном из многочисленных столов лежала неподвижная фигура человека, закрытая простыней. Много раз он слышал о своем втором теле и даже пытался представить его себе, но одно слышать, другое — видеть собственными глазами.

Несоответствие. Между мыслью и событием, словом и действием, жизнью и смертью; противоречие настолько страшное, что организм его

заработал в ином ритме, а нервная система, не в состоянии справиться с обилием поступающих сигналов, отказала на какую-то долю секунды.

Комната закружилась, поплыла перед глазами. Он пошатнулся. Но приступ кончился так же быстро, как начался. Разум вернулся к нему мгновенно. Он ощутил пол под ногами, вдохнул в легкие сухой, прохладный воздух. Все еще испытывая последствие шока, не помня себя, он подошел к столу, протянул руку и, осторожно откинув простыню, бросил ее на пол.

14

Госсейн ожидал увидеть перед собой сожженный до неузнаваемости труп. Отчасти он оказался прав.

Лицо не пострадало. Должно быть, им категорически запретили стрелять в голову, чтобы не повредить мозг. Тело практически отсутствовало, разорванное пополам автоматными очередями. Из груди и живота торчали раздробленные кости и куски мяса, а от колен и выше страшное обгоревшее месиво ничем не напоминало человека. Лицо осталось нетронутым.

На нем застыло безмятежное выражение, как

будто перед смертью Госсейн не испытывал ни боли, ни отчаяния, ни страха. На щеках проступал чуть заметный румянец. Несомненно, были приняты все меры предосторожности, чтобы предохранить мозг от разложения. Вглядевшись пристальней, он обратил внимание на аккуратный распил вдоль черепной коробки. Остался мозг внутри или его вынули для исследований, Госсейн на знал.

Позади него послышалось какое-то движение, и Госсейн медленно выпрямился. Состояние отрешенности, овладевшее им, постепенно проходило, и он начал воспринимать окружающее. Прошло несколько секунд, прежде чем ему удалось опознать непонятный звук. Шуршание резины по каменному полу. «Х». Он оглянулся, чувствуя в себе уверенность, готовый к любым неожиданностям.

Бесстрастным взглядом окинул он гротескное чудовище, закованное в пластик. И только потом увидел вошедших вслед на ним в лабораторию людей. Красавчика Харди. Торсона, как всегда цинично улыбающегося. И наконец. Патрицию в сопровождении двух охранников, возбужденную и с вопросительным выражением на лице.

— Что ж, — громким басом, но без тени иронии

в голосе произнес «Х». — Мне кажется, Госсейн, вы понятия не имеете, как помешать нам отправить ваше второе тело туда же, куда и первое.

«Отнюдь не блестящее высказывание, — подумал Госсейн, — но обладающее одним неоспоримым достоинством: каждое его слово — правда». Ведь он не мог быть уверен, что в случае физического уничтожения вновь обретет себя в третьем теле.

«Х» нетерпеливо помахал пластиковой рукой.

— Хватит болтовни. Приведите жену Прескотта и крепко держите Госсейна.

Четверо охранников взяли Госсейна под руки, в то время как еще трос ввели Амелию Прескотт. Ее затруднительное дыхание, растрепанные волосы, раскрасневшееся лицо и связанные за спиной руки говорили сами за себя. Увидев Госсейна, Амелия попыталась что-то сказать, беззвучно шевеля губами: видимо, ей заткнули рот прозрачным кляпом. Поняв бесплодность своих попыток, она пожала плечами и печально улыбнулась. Несмотря на довольно жалкий вид, держалась она с достоинством.

«Х», сверкая пластиковым куполом головы, не отрываясь смотрел на Госсейна.

— Выслушайте меня внимательно, — сказал

он. — Мы готовы начать войну, равной которой не знало человечество. В наше распоряжение представлены десять тысяч звездолетов, сорок миллионов солдат, гигантские заводы по выпуску боевой техники

— и все это лишь крупицы сил самой могущественной империи во Вселенной. Госсейн, МЫ НЕ МОЖЕМ ПРОИГРАТЬ! — Он перевел дыхание. — Тем не менее мы предпочитаем застраховаться. Мы бы хотели предложить вам, величине неизвестной, занять среди нас одно из самых высоких мест в иерархии, которая будет управлять Солнечной системой. — Он пожал плечами. — Но вы должны понять, что в нашей совместной деятельности нет никакого смысла, если вы не захотите реально оценить ситуацию. Мы должны убивать, Госсейн! Мы ДОЛЖНЫ быть жестокими. Ничто так не убеждает людей, как насилие.

На какое-то мгновение Госсейну показалось, что он говорит об Амелии Прескотт. Он почувствовал слабость в ногах и только потом понял, что «Х» имел в виду совсем другое.

— Убивать? — спросил он. — Кого?

— Необходимо уничтожить примерно двадцать миллионов венериан, — ответил «Х». Сидя в инвалидном кресле на колесах, он выглядел

как навозный жук из пластика, которого не увидишь и в кошмарном сне. — Как вы знаете, — продолжал он, — единственная разница между уничтожением двадцати человеческих жизней и двадцати миллионов заключается лишь в реакции оставшихся в живых. С этим легко справится пропаганда.

Госсейну казалось, что он тонет в бездонном колодце.

— А что станет с остальными двумястами двадцатью миллионами жителей Венеры?

— как бы издалека услышал он свой голос.

— Террор, — гудящим басом ответил «Х». — Безжалостный террор по отношению к тем, кто осмелится оказать сопротивление. История учит нас, что, прежде чем управлять толпой, у нее надо отрезать голову. На Венере эта голова — коллективная, а следовательно, необходимо массовое уничтожение. — Он вновь нетерпеливо помахал пластиковой рукой. — Хватит, Госсейн, — резко сказал он. — Решайте. Вы будете обладать огромной властью и сможет заняться какой хотите реорганизацией, но предоставьте нам сначала подготовить для этого почву. Итак, согласны?

Госсейн вздрогнул от неожиданности. Он только сейчас понял, что перед ним раскрыли карты

лишь для того, чтобы он, подчиняясь неизбежности, присоединился к заговору. Приведенные аргументы были выдержаны в лучших традициях нуль-А логики. Преступники исходили из необходимости массовых убийств. Он не мог представить себе такой возможности даже в кошмарном бреду. Подобные разногласия не преодолевались: каждая из сторон имела свою отправную точку зрения. Отказ, готовый сорваться с губ, восприняла нервная система, наполнив все его существо четкой, твердой, бесконечной уверенностью. Спокойным, слегка звенящим голосом он ответил:

— Нет, мистер «Х». И пусть каждый из вас горит вечным огнем в раннем христианском аду за то, что такая мысль могла прийти вам в голову.

— Торсон, — сказал «Х». — Убейте ее!

Госсейн уставился на него непонимающим взглядом.

— Что?

Затем он протащил охранников с десяток шагов, прежде чем им удалось удержать его. Когда туман перед его глазами рассеялся, он увидел, что Амелия Прескотт по-прежнему улыбается. Она, не сопротивляясь, позволила Торсону ввести содержимое шприца в мышцу руки и тут

же упала как подкошенная. Гигант с легкостью подхватил се тело.

— Вот видите, Госсейн, — заметил «Х». — Мы обладаем преимуществом перед последователями не-Аристотелевой философии. Мы не брезгливы. И играем только на выигрыш. Так что эта маленькая демонстрация должна показать вам…

Он умолк. На лице его появилось недоуменное выражение, обмякшая фигура сползла с кресла и с глухим стуком пластика о мраморный пол растянулась во весь рост. Классические черты лица Харди исказились изумлением и, рухнув на колени, он перекатился на бок. Охранники падали один за другим, и только двое попытались выхватить бластер, прежде чем потерять сознание.

Торсон осторожно опустил Амелию Прескотт и свалился рядом.

Патриция Харди распростерлась у входа.

Враги Госсейна лежали по всей комнате, словно мертвые.

Это было совершенно необъяснимо.

15

Госсейн стряхнул с себя оцепенение. Ноги плохо слушались его, но первым делом он бросился к ближайшему охраннику и выхватил его пистолет из кобуры. На мгновение остановившись и напряженно озираясь по сторонам, он принялся разоружать остальных. Он не понимал, что произошло, но дареному коню в зубы не смотрят, а в неравной борьбе необходимо использовать любой шанс. Свалив оружие в кучу, он выпрямился. Девять охранников лежали врассыпную, как шпильки, вылетевшие при неаккуратном движении женской головки. Госсейн отметил, что среди присутствующих не было Элдреда Крэнга. Он быстро окинул взглядом странную, застывшую сцену. В мозгу его мелькнула мысль: «Я что-то не то делаю. Каждую секунду сюда могут войти. Надо уходить как можно скорее».

Он остался стоять на месте. Живы они или нет? Наклонившись над «Х», он машинально прикоснулся к пластиковой оболочке и невольно отдернул руку, почувствовав гладкую теплую поверхность груди, которая не могла принадлежать ни одному человеческому существу. Ему стало

неприятно, но он заставил себя наклониться и уловил теплое ритмичное дыхание. «Х» был жив. Значит, все они живы.

Его размышления прервал звук открывающейся двери. Кинувшись на пол, выставив вперед пистолет, Госсейн громко выругался, проклиная себя за любопытство. Ему давным-давно следовало убраться отсюда как можно дальше.

Дверь открылась, и в лабораторию вошел Джон Прескотт.

Госсейн с облегчение встал, пытаясь унять дрожь в ногах. Прескотт нервно усмехнулся.

— Довольны, что приняли таблетку? — спросил он. — Я пустил по вентиляционной системе газ из порошка Дрэ, и вы — единственный человек… — Он умолк. — В чем дело? Неужели я опоздал?

Он очень быстро оценил ситуацию. Совершенно случайно взгляд Госсейна скользнул по телу Амелии Прескотт, лежавшей рядом с гигантом Торсоном. Он мгновенно вспомнил все, что произошло.

— Прескотт, — угрюмо ответил он. — Вашей жене сделали укол в руку, прежде чем остальные потеряли сознание. Ее хотели убить. Взгляните, может, вам удастся ей помочь.

Сейчас можно было не торопиться. Если газ

распространился по системе вентиляции, он усыпил всех во дворце. Госсейн молча смотрел, как Прескотт прижался ухом к груди жены, пытаясь уловить биение сердца, затем вынул из кармана небольшую ампулу с иглой на конце и резким движением воткнул ее в бедро.

— Соединение фтора, — объяснил он, подняв голову. — Если она жива, примерно через минуту губы позеленеют.

Через две минуты никаких изменений не произошло. Губы женщины оставались такими же бледными и мертвыми. Прескотт поднялся с колен, с любопытством глядя по сторонам. И что самое странное, у Госсейна не возникло никаких предчувствий. Он смотрел, как венерианин подошел к сваленному в кучу оружию и очень тщательно выбрал два пистолета. Только это и осталось в памяти Госсейна, все остальное произошло настолько внезапно, что он просто не успел вмешаться.

Прескотт подошел к «Х» и пустил ему пулю в правый глаз. Кровь фонтаном брызнула в потолок, как языки пламени разгоревшегося костра. Прескотт резко повернулся. Приставив пистолет ко лбу Харди, он вновь нажал на курок. Потом побежал к охранникам на полусогнутых ногах,

стреляя из обоих пистолетов. Он сделал шаг к Торсону и остановился. Недоуменное выражение появилось на его лице. Едва успевший прийти в себя от изумления Госсейн, бросился вперед и буквально вырвал оружие из его рук.

— Кретин! — выкрикнул он. — Вы понимаете, что наделали?

Примерно через час, когда они бросили украденный автомобиль в глухом закоулке покрытого туманом города и ночь сомкнулась вокруг них клубящейся темнотой, они услышали из ближайшего громкоговорителя внеочередное сообщение.

— Слушайте последний выпуск новостей из дворца Президента! — объявил диктор.

После короткой паузы суровый голос произнес:

— Мне вменена печальная обязанность довести до вашего сведения, что президент Майкл Харди убит сегодня вечером агентом Машины, человеком по имени Гилберт Госсейн. Раскрыт чудовищный заговор против народов Земли. Госсейну помогали так называемые детективы с Венеры, и сегодня ночью все силы будут брошены на поимку преступников. Комиссия по расследованию приказывает всем гражданам оставаться дома. Повторяю, мы не можем гарантировать

безопасность лицам, оставшимся на улице.

Только сейчас Госсейн понял, к каким страшным последствиям привели необдуманные убийства. В сообщении говорилось о заговоре, в котором участвовал он сам. Машина и венерианские детективы. Намек более чем прозрачный: первые за всю историю публичные нападки на нуль-А учение. Объявление войны.

Туман клубился вокруг. Он был настолько непроницаем, что фигура Прескотта терялась всего в двух футах. Для радара, конечно, погода не являлась помехой, но ведь прибор надо еще доставить в нужное место. Только при очень большом невезении их смогут поймать в такую ночь. Наконец-то он свободен, впервые с тех пор, как попал в водоворот непонятных событий. Разве что…

Непонятно, кто такой Прескотт и что с ним делать. Упрекать этого человека не имело смысла. Прескотт помог ему бежать. Он был кладезью информации, и его следовало как можно тщательнее расспросить. Конечно, не сейчас. Но со временем Прескотт мог стать неоценимым союзником.

Значит, он по возможности постарается не расставаться с галактическими агентами, пе-

решедшими на его сторону. Госсейн быстро объяснил свой план.

— Прежде всего мне нужен психиатр. Нет ничего важнее, чем выяснить, какие именно изменения в моем мозгу так сильно напугали Торсона.

— Но ведь любой психиатр, — возразил Прескотт, — находится под протекцией группы защиты. Игры еще не кончились.

Кромешная тьма скрыла снисходительную улыбку Госсейна. Он чувствовал себя спокойно и уверенно: знал, что у него хватит умственных и физических сил справиться с любой ситуацией.

— Прескотт, — сказал он, — слишком долго находился я в безвыходном положении и подчинялся приказам, словно ребенок. Я ведь рассказывал, как Машина убедила меня снова сдаться в плен?

— Да.

— Я пытался понять, — продолжал Госсейн, — почему я так легко слушался советов и не проявлял никакой инициативы. Теперь мне кажется, что раньше я просто неумышленно хотел снять с себя всякую ответственность или хотя бы часть ее и переложить на кого угодно другого. И мне настолько нелепой казалась мысль о своей ис-

ключительности, я так упорно гнал ее прочь, что первым делом позволил себя убить.

— По правде говоря, — заметил он после минутного молчания, — я рассчитываю на этот ваш газ Дрэ. Думаю, что он поможет нам справиться с группой защиты. Но сначала необходимо купить карту города. Затем мы узнаем адрес доктора Лаурена Кэра. Если его не окажется на месте, я соглашусь на любого психиатра, кроме Дэвида Лестера Энрайта. Когда-то я пытался попасть к нему на прием.

— Я вернусь через десять минут, — сказал Прескотт.

— Э, нет, — резко, но беззлобно ответил Госсейн. Он мягко пояснил: — Мы в одинаковом положении и не должны выпускать друг друга из виду. Пока вы будете покупать карту, я зайду за вами в аптеку и посмотрю адрес доктора в телефонном справочнике.

Уличный фонарь и два светильника над входом освещали большое белое здание, выделявшееся в ночной тьме. Видимо, психиатр был дома. Они перепрыгнули через забор, как привидения, и притаились за кустом.

— Вы уверены, что хотите поговорить именно с доктором Кэром? — прошептал Прескотт.

— Да, — сказал Госсейн. Он решил ограничиться этим коротким ответом, но, подумав, что автор «Эгоиста не-Аристотелевой Венеры» заслуживает большего, несколько нелогично добавил: — Он написал несколько книг.

Он стоял, напряженно обдумывая, что делать дальше. В резиденцию выдающегося ученого попасть было практически невозможно, а в течение Игр такая мысль не пришла бы в голову и самому искусному грабителю. Кроме того, им не следовало забывать об отступлении, если что-нибудь сорвется.

— Послушайте, — прошептал Госсейн, — ваш газ действует мгновенно?

— Да. Он распространяется по нервным окончаниям полости носа и проникает непосредственно в мозг. Достаточно одного вдоха.

Госсейн кивнул и вновь сосредоточенно принялся осматривать дом. Через несколько минут, если все пойдет гладко, великий семантик, крупнейший специалист-невропатолог, начнет опрашивать, осматривать его и поставит диагноз. Ничего на свете он не хотел так сильно, как узнать правду о себе — все остальное казалось ему мелким, незначительным.

Стараясь говорить как можно тише, Госсейн

изложил свой план. Прескотт подойдет к двери и представится как житель Венеры. Вне всякого сомнения, прежде чем впустить его, доктор Кэр даст знать о неожиданном посетителе своей группе защиты. Пусть. В случае вмешательства извне, они тут же применят усыпляющий газ.

— Какое количество порошка вам потребуется? — спросил Госсейн.

— Совсем чуть-чуть, не более щепотки. В вентиляционную систему дворца я заложил восемь капсул, примерно с чайную ложку. Нам можно не беспокоиться, действие принятых таблеток продлиться еще несколько часов.

Через полминуты Прескотт поднялся на крыльцо и нажал кнопку звонка.

Вслед за ними в прихожую ворвались клубы тумана. Договорившись заранее, они оставили дверь полуоткрытой. В случае чего, так легче будет бежать. В тому же Госсейн твердо решил застраховаться впредь от любых неожиданностей, и принятые меры предосторожности помогли ему чувствовать себя уверенней.

Доктор Кэр был высоким сухощавым мужчиной лет пятидесяти, с гладко выбритым, волевым лицом. Когда Госсейн вошел, психиатр с любопытством взглянул на него, пронизывая взглядом

серо-стальных глаз. Никогда еще Госсейну не приходилось подвергаться столь тщательному осмотру, но он терпеливо ждал, прекрасно понимая, как важно завоевать доверие этого человека. Минуты, потерянные сейчас, могли сэкономить несколько часов в будущем.

Психиатр не терял времени даром. Как только Госсейн объяснил цель своего визита, он исчез в лаборатории и почти сразу же вернулся с портативным детектором лжи в руках.

— Мистер Госсейн, — сказал он. — Ни один житель Венеры, ни один человек, серьезно изучающий нуль-А доктрины, даже на мгновение не сможет допустить, что объявление по радио и сообщение в газетах, сделанное информационными правительственными бюро относительно убийства президента Харди, являются правдой. За всю свою жизнь я еще не видел, чтобы так расчетливо возбуждались эмоции умов невежественных и недостаточно образованных. Только в далекие мрачные века делались попытки воззвать к толпе и накалить ее страсти до такой степени, что она занималась самосудом; окончательным же свидетельством их продажности является обвинение против Машины и жителей Венеры. Нет ни малейшего сомнения, что подобные обвинения

делаются с определенной целью, и одно лишь это дает вам право быть выслушанным людьми справедливыми, прежде чем они вас осудят. — Он умолк и посмотрел на Госсейна. — Вы согласны отвечать при детекторе лжи?

— Я согласен на все, сэр, — ответил Госсейн, — если только это не связано с потерей сознания. Я надеюсь, вы поймете меня правильно.

Доктор кивнул. И в течение всех последующих тестов руки и мозг Госсейна не оставались свободными ни на секунду. Тесты! Один за другим, несколько десятков. Лаборатория доктора была расположена идеально, в самом конце прихожей, и необходимую аппаратуру не составляло труда подвозить прямо к креслу, из которого Госсейн ясно видел незапертую входную дверь.

Некоторые приборы сверкали на него электронными глазами, ослепляли, захлестывали волнами горячего воздуха. Другие были холодны на ощупь, третьи — непонятно гудели и дрожали. Тест шел за тостом, а Госсейн продолжал рассказывать все, что с ним произошло.

Ему пришлось прерваться три раза: дважды, когда сверхчувствительные лучи исследовали клетки дополнительной мозговой ткани, и один раз, когда доктор Кэр воскликнул:

— Значит, это не вы их убили?

Услышав вопрос, Прескотт поднял голову.

— Нет, я. — Он угрюмо рассмеялся. — Как вы могли догадаться, мне пришлось выбирать между нуль-А и статусом помощника командира галактической базы. Если меня когда-нибудь будут судить, останется лишь сослаться на временное умопомешательство.

Доктор Кэр бросил на него быстрый взгляд.

— Суд никогда еще не принимал и не примет во внимание подобных аргументов от человека, стоящего на нуль-А пути развития. Вам придется придумать что-нибудь другое.

«Придумать!» — как молния мелькнула в мозгу Госсейна, и он посмотрел на Прескотта… впервые посмотрел на него со стороны. Чуть сощурив глаза, как бы случайно, Прескотт небрежно сунул правую руку в карман. Движение было явно бессознательным, потому что вряд ли он мог надеяться успеть выхватить пистолет, и Госсейн без труда обезоружил его.

— Я думаю, — тихо сказал Госсейн через несколько секунд, — что ваш дом окружен.

16

Структура нервной системы человека беспредельно сложна. Подсчитано, что человеческий мозг содержит примерно двенадцать миллиардов нервных клеток, или невронов, причем более половины находится в церебральной коре. Если мы представим себе только миллион нервных клеток коры головного мозга, которые объединятся в группы всего по два неврона в каждой, и вычислим количество возможных комбинаций, то число вероятностных межнейронных связей будет равно двум миллионам восьмидесяти трем тысячам в десятой степени. Для сравнения… вся наша Вселенная, возможно, содержит не больше атомов, чем шестьдесят шесть в десятой степени.

А.К.

Свет, проникающий через полуоткрытую входную дверь, на какое-то время задержит нападающих. С улицы можно разглядеть лишь освещенную прихожую, и вряд ли им придет в

голову, что произошло непредвиденное. Само собой, когда-нибудь их терпение лопнет.

Они быстро связали Прескотта по рукам и ногам, засунули кляп в рот и довольно бесцеремонно бросили на диван. Потом принялись обсуждать сложившуюся ситуацию.

— Он никуда не выходил, — резонно заметил Госсейн, — но я уверен, что ему удалось каким-то образом поддерживать связь.

— Не имеет значения, — коротко ответил доктор Кэр.

— То есть как?

Лицо психиатра было спокойным, взгляд ясным.

— Прежде всего, — сказал он, — займемся тем, что мне удалось обнаружить. Мне кажется, вы просто не понимаете своего исключительного положения, Госсейн. Вы играете настолько важную роль в текущих событиях, что я готов идти на определенный риск.

Ему потребовалось какое-то время, чтобы осознать сказанное, сконцентрироваться и заставить себя не думать об угрожающей опасности. Он даже не предполагал, что сможет одновременно выслушивать столь важную информацию и заниматься самыми обыденными вещами.

— Ваша черепная коробка, — начал психиатр, — не содержит сверхразвитого мозга в том смысле, что вы обладаете потенциально более высоким разумом. Это невозможно. Человеческий мозг, создавший Машину Игр и подобные ей электронные и механические приборы, даже теоретически не может иметь соперника во Вселенной. Многие считают, что электронный мозг превосходит человеческий. Они поражаются возможности Машины вести беседу сразу с двадцатью пятью тысячами индивидуумов, не понимая, что она просто задействует двадцать пять тысяч сложных электронных схем. Ничего особенного.

Я не хочу сказать, что Машина не способна творчески мыслить. Она построена на месте огромного рудника, целиком находящегося в ее ведении. В ее распоряжении имеются многочисленные лаборатории и роботы, заменяющие изношенные части. Она в состоянии изготовлять орудия производства и совершать сложные операции. Она располагает практически неистощимыми запасами ядерной энергии. Короче говоря. Машина полностью переведена на самообслуживание, наделена относительным разумом, но в нее встроен блок ограничений,

который строго контролирует исполнение трех основных доктрин.

Машина должна проводить Игры абсолютно беспристрастно, сообразуясь с законами, установленными Институтом Общей Семантики. Она обязана оберегать нуль-А развитие человечества всеми доступными ей средствами. Она может убить человеческое существо только в том случае, если на нее будет совершено прямое нападение.

Госсейн обыскивал Прескотта. Его чуткие пальцы исследовали каждый шов, каждую мелочь. Из карманов пиджака он вынул поочередно пистолет, два бластера, дополнительную обойму, пачку с капсулами порошка Дрэ, коробку таблеток противоядия и записную книжку. Ни в швах, и за подкладкой костюма из пластика, который обычно шел на переплавку после нескольких дней носки, он ничего больше не нашел.

Зато на внутренней стороне правого ботинка ему удалось обнаружить электронный локатор. Инструмент был изготовлен из того же материала, и его присутствие выдавал лишь едва заметный рисунок печатной схемы. Госсейн вздохнул. Теперь становилось понятным, как Патриции Харди удалось броситься в его объятия

в тот самый день, когда она сделала вид, что за ней гонятся. Раньше этот вопрос не давал ему покоя. Любое знание успокаивает, снимает напряжение, дает возможность поверить в свои силы. Внезапно он почувствовал, что ему легче стало слушать доктора Кэра.

Психиатр тоже совмещал слова с делом. С первой минуты рассказа он упаковывал кожаный саквояж. На самый низ он бросил фотографии и блокноты с записями. Потом начал доставать из приборов магнитные пленки и проволоку с результатами тестов, отснятые негативы, светочувствительную бумагу и специальные ленты с видеозвуковым изображением. Перед тем, как уложить очередной предмет, он бормотал:

— Доказательство, что дополнительный мозг не состоит из одних только невронов коры… а это… а это… а это клетки не таламического происхождения… память… ассоциации… основные каналы, которые соединяют дополнительный мозг с основным… нет сомнения, что в новообразовавшемся сером веществе пока не возникало импульсов…

В конце концов он поднял голову.

— Опыты доказывают, Госсейн, что ваш дополнительный мозг скорее играет роль солнечного

сплетения, регулирующего деятельность организма. Но только мне еще не довелось встречать столь компактной контрольной системы. Количество невронов составляет примерно одну треть от общего числа клеток. Это значит, что в вашей голове сосредоточен механизм, с помощью которого возможно управление микрокосмосом на атомном и электронном уровне, а макрокосм просто не содержит достаточного количества вещества, чтобы вашему мозгу потребовалось использовать все свои возможности.

— Существует ли хоть малейшая вероятность, — спросил он, — что я смогу научиться управлять им в течение ОДНОГО ЧАСА?

Вместо ответа Кэр покачал головой.

— Речь идет не о часе, дне или неделе. Вы когда-нибудь слышали о Джордже, потерявшемся мальчике?

— Джордж, двухлетний ребенок, заблудился в лесу за фермой своих родителей. Каким-то образом он попал в логово одичавшей собаки, только что принесшей щенят. Многие из них погибли, и несчастная сучка, грудь которой набухла молоком, вспомнила, наверное, свою молодость и накормила малыша.

— Позже она охотилась для него и приносила

пропитание, но, видимо, чувство голода никогда не покидало мальчика, потому что муравьи, черви, пчелы, все, что двигалось, шло ему в пищу, когда его наконец нашли в возрасте одиннадцати лет. Это был угрюмый, свирепый звереныш, такой же дикий, как собачья стая, вожаком которой он стал. Его привычки и образ действий ясно говорили, как он провел свои юные годы.

Рычание, оскал зубов, глухое ворчание и очень натуральный лай — другого языка он не знал. Социологи и психологи поняли, какие возможности открываются перед ними, но все попытки дать ребенку образование провалились. Через пять лет его научили складывать из алфавитных кубиков свое имя и название нескольких предметов. Поведение его на этой стадии оставалось звериным. Он часто и достаточно резво опускался на четвереньки, и даже по прошествии пяти лет острота его нюха приводила всех в изумление. Любые следы даже через несколько часов возбуждали его до такой степени, что он начинал подпрыгивать и завывать от нетерпения.

Он умер в возрасте двадцати трех лет в отведенной для него камере, так и оставшись животным, этот мальчик-старичок, которого с трудом можно было принять за человека. Вскрытие показало,

что кора головного мозга оказалось недоразвитой, но что ее вполне можно было заставить функционировать нормально.

— Сейчас, — закончил свой рассказ доктор Кэр, — мы, конечно, смогли бы помочь Джорджу, потому что знаем о мозге неизмеримо больше, чем в древние времена, но я думаю, вы согласитесь, что ваш случай очень похож на его с одной лишь разницей: ВЫ НАЧАЛИ ЖИЗНЬ КАК ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО.

Госсейн промолчал. Впервые он получил рациональное объяснение с помощью метода сравнительного анализа. До этого момента он очень туманно и несколько идеализированно представлял свои возможности и лишь тревожился, что его способности никак не проявляются. Но он никогда не терял надежды. В тяжелую минуту ему придавало силы и уверенности сознание того, что он является потенциальным спасителем человечества. И где-то в глубине души, вернее нервной системы, он испытывал гордость при мысли о том, что способен на нечто большее, чем все остальные. Это чувство, конечно, останется. Испокон веков человек гордился, когда природа щедро дарила его умственным или физическим совершенством. Что ж, придется подождать. Он

будет терпелив.

— Если такая мутация истинна, — сказал психиатр, — и является закономерной в развитии человечества, и если бы передо мной стоял выбор: спасти вас или мирную цивилизацию от нападения галактических армад, можете не сомневаться — я выбрал бы вас. А на примере оставшихся, — он усмехнулся, — неплохо проверить, выдержит ли нуль-А учение первое серьезное испытание.

— Но ведь на Венере ничего не знают, — только и нашел что ответить Госсейн.

— А следовательно, — сказал доктор Кэр, — следующий наш шаг предопределен. До рассвета вам необходимо выбраться из дома. И мне кажется, — тут он вскочил на ноги с живостью юноши, — пришла пора побеседовать с нашим общим знакомым.

Теперь Госсейну уже не так тяжело было думать о грозящей ему смертельной опасности.

17

В нервных реакциях мы копируем животных... что приводит человека к болезненной инфантильности как в частной, так и в общественной жизни... И чем выше технический уровень нации или расы, тем более жестокими, беспощадными и хищными становятся развивающиеся системы общества... только потому, что мы продолжаем огрызаться, как звери, и не даем себе труда мыслить, как человеческие существа.

А.К.

Джон Прескотт — галактический агент. Единственное, в чем они могли быть уверены. Сейчас он лежал, связанный, на диване, и следил за каждым их движением. Его светлые волосы казались до странности белыми при сильном электрическом освещении. Губы его, несмотря на кляп, кривила издевательская усмешка.

— Знаете, — с отвращением заметил Госсейн, — во всем этом есть что-то патологическое. Негодяй отправил на смерть жену, лишь бы убедить меня в своей лояльности. А я поверил, думая, что он склоняется к нуль-А учению. У меня и тени подозрения не возникло, что Харди и «Х» убиты

им не случайно. Только теперь я вспоминаю, как он остановился, прежде чем подойти к Торсону, и позволил мне вмешаться. Одним словом, он уничтожил двух землян, которых галактическая империя использовала вместо ширмы, и теперь се представители контролируют правительство Земли.

Госсейн закрыл глаза.

— Минутку, — сказал он. — Я что-то не понимаю. — Игры этого года. Разве на них не должны избрать преемника Харди? — Он встрепенулся. — У кого больше шансов? Кто впереди?

Кэр пожал плечами.

— Какой-то Торсон. — Он запнулся и недоуменно моргнул. — А ведь знаете, — медленно сказал он, — я раньше не улавливал связи… Вот вы и ответили на свой вопрос.

Госсейн промолчал. Страшная мысль, пришедшая в голову, заставила забыть о том, что Джим Торсон, личный представитель Энро, будет следующим президентом Земли. Он подумал о Машине. Если она хоть в чем-то оказалась уязвимой, ей вообще нельзя больше доверять.

Трудно было представить себе Землю без Машины Игр.

Стоявший рядом доктор Кэр мягко проговорил:

— Все это не имеет сейчас никакого значения. Давайте действовать по порядку. Я считаю, что одному из нас придется выйти наружу вместо Прескотта и попытаться выяснить, что к чему.

Очень медленно Госсейн сделал глубокий вдох и заставил себя успокоиться.

— Где ваша жена? — спросил он. — Дома? Я давно хотел вас спросить. И дети. У вас есть дети?

— Трое. Но рожденные на Венере не имеют права посещать Землю, пока им не исполнится восемнадцать лет. В настоящий момент моя жена находится с ними в Нью-Чикаго.

Они улыбнулись друг другу, доктор был доволен собой. Он имел на это право. Им обоим предстояло решить сложную задачу, но один из них был знаменитым ученым, а другой… другому еще предстояло доказать себя.

Они сразу же решили, что на встречу с агентами заговорщиков выйдет доктор Кэр. Телосложением он напоминал Прескотта, а его седые волосы могли не заметить в темноте. Ботинки-локаторы, слишком большого размера и довольно узкие, едва налезли на Кэра, но рисковать не хотелось. Подражать голосу Прескотта не составило труда для жителя Венеры, и тем более психиатра, который виртуозно владел голосовыми связками.

К тому же он только что разговаривал с Прескоттом, а Госсейн помог исправить некоторые интонации. Не прошло и трех минут, как доктор с легкостью освоил диапазоны от громкого разговора до неясного шепота.

— А сейчас, — жестко произнес Госсейн, — джентльмен сообщит нам, о чем он договорился со своими друзьями.

Он наклонился и вынул кляп. Ему не удалось скрыть отвращения, которое он испытывал к Прескотту, а, может быть, тот просто судил по себе, представив, какими методами развязал бы язык пленнику, но он начал говорить сразу же, не дожидаясь вопросов.

— Дом окружен дюжиной человек, и им приказано только следить за вами, не арестовывая. Примерно в, это время я должен выйти и дать знать, что все идет по плану. Пароль — «Венера».

Госсейн кивнул.

— Хорошо, доктор, — сказал он. — Я буду ждать вас через пять минут. Если вы не вернетесь, я преодолею брезгливость и пущу Прескотту пулю в лоб.

Кэр невесело рассмеялся.

— В таком случае мне лучше немного задержаться.

Смех его затих у выхода. Он скользнул в полуоткрытую дверь и исчез в темноте и тумане.

Госсейн посмотрел на часы.

— Сейчас десять минут пятого, — сказал он Прескотту и вынул пистолет.

Мелкие капли пота появились на висках Прескотта, стекая по щекам. Это натолкнуло Госсейна на мысль. Он вновь взглянул на часы. Секундная стрелка, стоявшая на отметке десять, приближалась к сорока пяти. Прошло тридцать пять секунд.

— Одна минута, — сказал Госсейн.

Физиологическое время — это нескончаемый поток изменений в клетках и тканях организма. Но время психологическое зависит от самых неожиданных обстоятельств, и каждый воспринимает его по-своему. В стрессовой ситуации оно меняется. Продолжительность его зависит от ощущений человека на данный полный круг. Соответственно прошла одна минута.

— Две минуты, — сказал Госсейн непреклонным тоном.

Хриплым низким голосом Прескотт проговорил:

— Если Кэр не дурак, он вернется через пять минут. Но агент, с которым я на связи, болтливый

идиот. Примите это во внимание и не будьте слишком поспешны.

Когда прошло полторы минуты, пот лился с Прескотта градом.

— Три минуты, — сказал Госсейн.

— Я говорю правду! — запротестовал Прескотт. — Зачем мне лгать? Все равно мы вас схватим, рано или поздно. Одна, две, три недели — какая разница? После слов Кэра мне стало ясно, что у вас практически нет шансов контролировать свой дополнительный мозг. Это все, что мы хотели знать.

Госсейн испытывал любопытное ощущение, слушая венерианина и одновременно рисуя перед собой картину предрассветного тумана, в котором исчез доктор Кэр. По его часам психиатр отсутствовал ровно две минуты.

— Четыре минуты! — сказал Госсейн и внутренне содрогнулся. Если Прескотт не выдержит, то очень скоро. Он возбужденно наклонился вперед, еле удерживаясь от готовых сорваться с языка вопросов.

— Есть еще одна причина, по которой я сказал правду, — продолжал бормотать Прескотт. — Теперь я уже разуверился, что даже супермен в состоянии помешать инопланетному военному

вторжению, которое вот-вот начнется. По-моему, в вашем случае мы просто перестраховались.

Часы Госсейна показывали двенадцать с половиной минут пятого. Согласно психологическому времени, которое ускорила нервная система Прескотта, пять минут, данные ему на время отсутствия доктора Кэра, прошли. «Слишком быстро», — подумал Госсейн. Заставив время течь вдвое скорее, он тем самым лишил Прескотта возможности испугаться по-настоящему. Но жалеть было поздно. Если этот человека сломается, то только сейчас.

— Пять минут прошло, — решительно заявил он и поднял пистолет. Лицо Прескотта приняло странный, синеватый оттенок. — Я даю вам еще одну минуту, Прескотт, — свирепо сказал Госсейн. — И если вы мне не ответите или Кэр не вернется, прощайтесь с жизнью. Я хочу знать, где «Х» или кто-нибудь другой из заговорщиков достали приспособление, с помощью которого им удалось испортить Машину? И где оно находится в данный момент?

Закончив говорить, он посмотрел на часы, как бы подчеркивая лимит оставшегося времени. Он удивленно вздрогнул, на какую-то долю секунды забыв о Прескотте. Четырнадцать минут пятого!

Прошло четыре минуты! Ему стало как-то не по себе, он впервые ощутил, что психиатра на самом деле нет слишком долго. Посмотрев на серое лицо Прескотта, он немного успокоился.

— Генератор Пространства находится в комнате Патриции Харди, — ответил галактический агент слабым, неровным голосом. — Он встроен прямо в стену.

Казалось, Прескотт сейчас потеряет сознание от непосильного нервного напряжения. Похоже, он говорил правду. Генератор Пространства (странное название в какой-то мере подчеркивало, что он не лжет) должен находиться рядом с Машиной и вполне естественно, подальше от нескромных взоров. Почему бы не у Патриции Харди? Госсейн подавил желание принести детектор лжи. Ведь Прескотт считал, что на карту поставлена его жизнь и любая заминка могла все испортить. Но он не отказал себе в удовольствии еще раз взглянуть на часы. 4 часа 15 минут. Госсейн посмотрел на входную дверь. Теперь время стало его врагом. Он начал понимать, что испытывал Прескотт. Усилием воли он заставил себя вновь продолжить допрос.

— Откуда вы достали Генератор Пространства? — спросил он.

— Его привез с собой Торсон. Нелегально. Лига запрещает им пользоваться, кроме как при транспортировке, и…

Скрип двери заставил его умолкнуть. Тело Прескотта обмякло, на губах появилась глупая улыбка. В комнату торопливой походкой пошел доктор Кэр.

— Нельзя терять ни минуты, — произнес он. — Светает, и туман рассеивается. Я сказал им, что мы улетаем. Пойдемте.

Он схватил кожаный саквояж, помог засунуть кляп в рот Прескотту и выпрямился.

Госсейн, успевший опомниться от неожиданности, спросил:

— Но куда?

Кэр был весел, как мальчишка, которого ожидало интересное приключение.

— Мы воспользуемся моим личным робопланом и вообще сделаем вид, что ни о чем не подозреваем. А вот куда мы летим, я надеюсь, вы не будете настаивать, чтобы я упомянул эту маленькую деталь при мистере Прескотте, верно? В особенности если учесть, что я собираюсь выкинуть его ботинки где-нибудь на окраине города.

Через пять минут они поднялись в воздух. Госсейн глядел в клубящийся туман, и в душе у него

поднималось ликование.

Им удалось бежать.

18

Усевшись поудобнее в кресле робоплана, он посмотрел на доктора Кэра. Глаза психиатра были открыты, но он явно клевал носом.

— Доктор, — спросил Госсейн, — на что похожа Венера? Ее города, я имею в виду.

Кэр наклонил голову, чтобы лучше видеть своего спутника, но не обернулся.

— О, они очень похожи на земные, разве что выстроены с учетом более мягкого климата. Из-за высоких облаков никогда не бывает слишком жарко. И дождь идет только в горах. Но каждую ночь травы равнин сгибаются под тяжестью обильной росы. И когда я говорю «обильной», можете не сомневаться, что ее вполне достаточно для орошения почвы. Вам это хотелось узнать?

— Не совсем. Меня интересуют научные достижения. Вы продвинулись дальше Земли?

— Конечно нет. Любое открытие, сделанное на Венере, немедленно становится достоянием Земли. В некоторых исследованиях Земля значительно опередила Венеру. Что тут удиви-

тельного? У вас больше людей, а специализация дает возможность даже среднему уму — или просто сумасшедшему — изобретать новое.

— Ясно. — Госсейн весь превратился в слух. — Тогда скажите мне, как можно объяснить с точки зрения научных достижений Венеры и Земли существование одной личности в двух физических телах?

— Понятия не имею, — устало ответил доктор Кэр. — Утром разберемся.

— Лучше сейчас, — настаивал Госсейн. — Может ли наука дать ответ на подобный вопрос?

— Не знаю. — Психиатр нахмурился. — И это не вопрос, Госсейн, а проблема. Вы хотите, чтобы я одним махом раскрыл все тайны бытия. Кому удалось осуществить столь радикальный процесс? Я не сомневаюсь, что в Солнечной системе проводились подобные биологические эксперименты, но не могу объяснить, как удалось одновременно создать два тела и дополнительный мозг!

— Подумайте о том, — мягко сказал Госсейн, — что обе враждующие стороны имеют определенные преимущества. Загадка моего странного бессмертия разрешена человеком, выступающим против группы, создавшей Генератор Пространства. И тем не менее, доктор, тот, кто стоит за

нами, боится. Ведь обладай он реальной силой, то давно бы выступил в открытую.

— Гм-м, в этом что-то весть.

— Доктор, — не желая прерывать разговор, продолжают Госсейн, — если бы вы могли принимать решения на самом высоком уровне, вплоть до судеб планет, как бы вы поступили, узнав, что галактическая империя собирается захватить Солнечную систему?

— Я бы поднял народ, — мгновенно ответил Кэр. — Нуль-А учение еще не проходило испытания боем, но я уверен, что он себя покажет.

Прошло несколько минут, прежде чем Госсейн вновь прервал молчание.

— Куда мы летим, доктор?

Впервые за все время полета доктор Кэр оживился.

— Три года назад я случайно оказался в небольшом домике на берегу озера, — сказал он. — Тихое, пустынное место, где я прожил несколько месяцев. Там так хорошо работалось, что я, не думая, оформил покупку. К сожалению, мне так и не довелось туда вернуться. — Он грустно улыбнулся. — Уверен, что нас там долго никто не потревожит.

— Понятно, — с трудом ответил Госсейн.

Он сидел в кресле, прикидывая, сколько времени прошло с начала полета. Примерно полчаса. Не так и плохо. Человек, который всего за тридцать минут приходит к выводу, что легкий путь ему заказан, далеко продвинулся в совершенствовании своей личности. А как приятно представить, что ты лежишь часами на песчаном пляже, ничем не занимаясь, и тренируешь свой мозг под руководством знаменитого ученого. Только этого никогда не будет.

Перед его глазами возник изолированный от всех дом доктора Кэра. Поблизости наверняка имеется деревня, ферма, может быть, рыбачий поселок. Три года назад целиком поглощенный научном работой психиатр вряд ли обращал внимание на свое окружение. Он много читал и прогуливался по пустынному берегу, а если навстречу попадался прохожий, он мог рассеянно пройти мимо или просто забыть о встрече. Но это отнюдь не означало, что сам он оставался незамеченным. И когда двое людей поселятся в доме сразу после убийства президента Харди, их появление, несомненно, покажется подозрительным.

Госсейн вздохнул. Нет, не пристало ему заниматься собой и загорать на пляжах, когда почва планет сотрясается под сапогами захватчиков.

Он искоса посмотрел на доктора. Голова Кэра была откинута на спинку кресла, глаза закрыты. Грудь регулярно опускалась и поднималась в такт дыханию. Госсейн тихо позвал:

— Доктор!

Спящий не шевельнулся.

Госсейн подождал еще минуту, затем подошел к панели управления. Развернув робоплан по широкому кругу, он включил автопилот, потом вернулся на место, вынул блокнот из кармана и написал:

«Дорогой доктор, извините, что покидаю вас так невежливо, но даже хорошо, что вы спите, иначе мы, наверное, проспорили бы до утра. Мне очень хочется пройти у вас курс обследования и научиться контролировать дополнительный мозг, но есть вещи более спешные. Читайте страничку объявлений в вечерних газетах. Я буду подписываться „Гость“. Если возникнет необходимость в ответе, подпишитесь „Небрежный“.

Он положил записку на панель управления и пристегнул лямки одного из антигравитационных парашютов. Через двадцать минут в тумане показался атомный маяк Машины. Госсейн настроил автопилот на прежний курс и, когда робоплан, описывая широкую дугу, пролетел над едва раз-

личимыми зданиями президентского дворца, нажал на кнопку двери.

В ту же секунду он летел в предрассветной мгле.

19

Лейбниц сформулировал постулат непрерывности действия как общий принцип. Закон Ньютона гласит, что сила притяжения действует на расстоянии.

Г.У.

Антигравитационный парашют был продуктом нуль-А мышления в чистом виде. Его создатель просто сел за стол и сознательно и намеренно разработал математические принципы, послужившие основой при конструировании аппарата. Его действие основывалось на законе притяжения, который гласил, что два предмета, находящиеся в пространстве, падают по направлению друг к другу, причем основное падение приходится на предмет с меньшей массой. Эту тенденцию можно изменить, только приложив силу со стороны, что являлось не просто опасным, но и требовало непомерных затрат энергии. Оставались еще последователи Аристотеля, кричащие

о возможности падения «наверх», которые путались в собственных объяснениях и абсолютно не понимали законов семантики. Неньютонова физика, наука реального мира, признавала тенденцию двух тел к встречному падению одним из законов природы и просто меняла их ядерные структуры, чтобы замедлить полет или изменить направление.

Антигравитационный парашют напоминал металлическую упряжку с кожаными подушечками в тех местах, где на тело приходилась наибольшая нагрузка. Им можно было довольно легко управлять.

Соответственно, принципиально новое устройство успешно соперничало с электрическим мотором, паровой турбиной и атомными двигателями звездолетов. Нажимая нужные кнопки, Госсейн без труда приземлился точно на балконе спальни Патриции Харди.

Ему хотелось сначала побеседовать с Машиной, но он прекрасно понимал, что любая попытка такого рода обречена на провал. Наверняка ее охраняли более ревниво, чем королевскую сокровищницу в древние времена. Но никому не придет в голову, что он осмелится вернуться в президентский дворец — по крайней мере, Гос-

сейн очень на это надеялся.

Он слегка подогнул колени, смягчая удар, потом быстро выпрямился. Парашют расстегнулся от движения его руки. Он аккуратно положил его на пол. Балконные двери распахнулись со скрипом, но Госсейн не собирался осторожничать.

Его план заключался в быстроте, неожиданности и знании расположения комнат.

Пока еще он не решил, как поступить с Патрицией Харди, и внезапно ему пришло в голову, что она наверняка считает его виновником смерти отца. Ничего не поделаешь, все равно отступать сейчас было поздно.

Подойдя к кровати, он навалился на девушку всем телом, зажимая ладонью ром. Быстро связав ее по рукам и ногам, использовав простыню вместо кляпа, он встал и включил свет.

— Извините меня за грубость, — сказал он, посмотрев на нес. Госсейн действительно чувствовал себя неловко. К тому же он рассчитывал, что, после того, как обнаружит и уничтожит Генератор Пространства, Патриция поможет ему выбраться из дворца.

Он увидел, как она неожиданно посмотрела поверх его головы, и резко повернулся. В открытых дверях стоял Элдред Крэнг.

— На вашем месте я бы не делал глупостей, — сказал он. Его карие глаза блеснули отраженным светом. Он стоял в небрежной позе, абсолютно спокойно, между двумя охранниками с бластерами в руках.

— Вы сглупили, Госсейн, решив, что робоплан сможет незаметно пролететь над дворцом сегодня ночью. Однако я приготовил вам сюрприз. Прескотта нашли и освободили, и на основании его доклада я уговорил Торсона разрешить мне поступить с вами по моему усмотрению.

Госсейн молчал, ожидая, что последует дальше, но перед ним забрезжил луч надежды. Крэнг, тайный нуль-А последователь, УГОВОРИЛ Торсона. Госсейн считал, что положение Крэнга слишком шатко, и он ничем не может помочь, боясь попасть в немилость, но сейчас…

— Нам пришла в голосу мысль, — продолжал Крэнг, — что неизвестному, который ввел вас в Игру, было безразлично, убьют вас или нет. Более того, мы уверены, что он запрограммировал это убийство, считая вашу миссию завершенной после того, как мы обнаружили дополнительный мозг. Вы немедленно появляетесь на сцене во второй раз, теперь на Венере, с тем, чтобы выполнить неведомое вам очередное ограниченное

задание. Не скажу, какое, но смею вас уверить, вы его выполнили. И вновь этот неизвестный бросает вас на произвол судьбы. Вывод напрашивается сам собой. Должно существовать третье тело Госсейна, которое появится, как только второе будет уничтожено.

Он улыбнулся. Глаза его сверкнули.

— Человеку, стоящему за вами, Госсейн, приходится нелегко. Совершенно очевидно, что он не может выпустить в свет одновременно двух одинаковых людей. С одной стороны, задача фантастически сложная; с другой — слишком велика вероятность, что каждый из вас реализует свои возможности и начнет производить дублей, не менее могущественных, чем оригинал. Это — колоссальный риск, и не мне вам говорить, к чему приведет такая тактика.

Крэнг с сожалением покачал головой.

— Торсон возражал, настаивая, что вас надо упрятать в надежную тюрьму, но я продолжаю утверждать, что смерть и тюрьма — две стороны одной медали. И то, и другое послужит сигналом к появлению Гилберта Госсейна III. Мы предпочитаем, чтобы у нашего неизвестного космического шахматиста не оставалось шансов ввести в Игру новую фигуру. Итак, руководствуясь здравым

смыслом, мы просто решили отпустить вас на свободу, не поставив никаких условий и не сомневаясь, что вы сумеете позаботиться о собственной безопасности.

Госсейн ожидал какого угодно приговора, но только не этого. Свобода! Он никогда особенно не рассчитывал на помощь Крэнга, и действительность превзошла все его ожидания. Вот только немного странно, что галактический агент, уверовавший в нуль-А путь развития, возражает против появления Госсейна III. Неожиданное заявление, благоприятное с его точки зрения, застало Госсейна врасплох.

— Что вы решили?! — переспросил он.

— Ваше дело закрыто, — коротко ответил Элдред Крэнг. — Обвинений, вам предъявленных, больше не существует, о чем оповещены все полицейские участки. Ваш недоразвитый мозг не предвещает никакой опасности, а помещать нашим планам невозможно даже теоретически. Слишком поздно. Вы можете говорить все, что угодно и кому угодно.

Он повернулся. Манеры его были непринужденны, и казалось, он начисто забыл о существовании некоего Госсейна.

— Этого человека, — сказал он охранникам, —

надо отвести в приготовленную для него комнату, накормить и выдать одежду. Он может оставаться во дворце до девяти часов утра, но если пожелает уйти раньше, не чините ему никаких препятствий.

Госсейн пошел вслед за охранниками. Он побоялся заговорить с Патрицией Харди, не осмелился поблагодарить Крэнга из страха, что Торсон может подслушивать. Когда в девять часов утра Госсейн вышел из дворца, стоял ясный, погожий день, хотя местами еще клубился туман.

20

Нервная система человека реагирует неодинаково, когда клетки организма находятся в угнетенном или возбужденном состоянии. Но если последнее давно научно обосновано, первое представляет особый интерес, поскольку процесс торможения до конца не изучен, а механизм действия ингибиторов, существование которых ни для кого не секрет, останется не вполне ясным.

К.М.К.

Оказавшись на улице, Госсейн сказал сам себе:

— За мной наверняка следят. Не может быть, чтобы Торсон так просто взял и отпустил меня на свободу.

Он был единственным человеком, севшим в автобус на остановке. Стоя у заднего стекла, он глядел, как убегает назад серый тротуар. Примерно два квартала за ними ехала то ли черная, то ли синяя легковая машина. Госсейн вздохнул, когда она свернула на боковую улицу и исчезла за поворотом. Вдалеке за дворцом показался спортивный автомобиль, который очень быстро обогнал автобус, остановившийся перед поднявшей руку женщиной. Не обращая на единственного пассажира никакого внимания, она села на переднее сидение, но Госсейн исподтишка следил за ней до тех пор, пока она не сошла через несколько остановок.

«Может быть, — решил он, — они просто знают, что мне некуда идти, кроме как в отель и к Машине».

В гостинице, где Госсейн оставил не только багаж, но и двести долларов наличными, клерк сказал, подтолкнув в нему регистрационную книгу:

— Распишитесь.

Такой возможности он не учел. Мысленно пред-

ставив, какой может оказаться тюрьма, он взял ручку и четко расписался, улыбаясь собственной смелости.

Клерк исчез за перегородкой и примерно через полминуты появился с ключом в руке.

— Вы ведь знаете дорогу, — заметил он.

Мысли Госсейна были далеко. «Даже подпись не изменилась, — подумал он и покачал головой. — Если когда-нибудь ему придется выслушивать объяснения, он позаботится о том, чтобы они были до конца ясными и понятными».

Он провел в камере хранения десять минут, копаясь в чемоданах. Больше всего его интересовали три костюма. Если ему не изменяла память, в одном из них он установят термостат на 66 градус вместо привычных 72 по Фаренгейту.

Два ртутных столбика стояли на отметке 72, третий на 66. Он быстро снял брючную пару, выданную ему во дворце, и переоделся. Костюм сидел как влитой. Госсейн вздохнул. Несмотря на свидетельство собственных глаз, ему трудно было привыкнуть к мысли, что мертвец в лаборатории дворца и он сам были одним и тем же лицом.

Он нашел деньги на месте, там, куда вложил их, между листами книги. Отсчитав семьдесят пять долларов десятками и пятерками, Госсейн запер

чемоданы, закрыл сейф и вернул ключи клерку. Оказавшись на улице, он почти сразу же услышал голос автомата по продаже газет и вспоминал те нелепые обвинения, которые были предъявлены ему вчера вечером. Как и следовало ожидать, заголовки пестрели сообщениями о смерти президента, но тон статей резко поменялся.

— Госсейн оправдан… Проводится тщательное расследование… Администрация признает, что сразу же после убийства в правительственном заявлении были допущены грубые ошибки… Джим Торсон, наиболее вероятный кандидат в президенты, требует… согласно закону…

Они больше не думали о возмездии, отказывались от своих слов. Точно рассчитанный ход людей, чувствовавших за собой неограниченную силу. Они заронили в мозг толпы искру подозрения в Венере и Машине и, когда потребуется, они раздуют из нее пламя.

В самом конце первой страницы, на второй полосе в глаза Госсейну бросился заголовок:

НИКАКИХ НОВОСТЕЙ С ВЕНЕРЫ

Радисты докладывают, что сегодня утром им не удалось наладить связь с Венерой

Заметка привела Госсейна в угнетенное состояние. Только теперь он начал понимать, что вновь

оказался на Земле, один среди пяти миллиардов ее обитателей, которые знали о текущих событиях только из газет и радиопередач. Более того, он потерял надежду что-либо изменить, ведь его лишили даже права рисковать собственной жизнью. Сколько глупостей он наделал, прямо как в мелодраме! Надо же было ему сунуться в президентский дворец именно в ночь убийства! Так мог поступить лишь умалишенный, но никак не Гилберт Госсейн, обязанный предусмотреть последствия подобного шага. И, конечно, они не подпустят его к Машине и на пушечный выстрел!

Но никто не остановил его. Он шел к сверкающему шпилю по пустынным аллеям. Ничего удивительного, после двадцати девяти дней Игр отсеялось примерно девяносто процентов соревнующихся. Зайдя в одну из экзаменационных кабинок, Госсейн прикоснулся к металлическим контактам, налаживая связь, и стал терпеливо ждать. Примерно через полминуты из громкоговорителя раздался голос:

— Ситуация ясна. Что вы намерены предпринять?

Вопрос потряс Госсейна. Как ни обидно было ему признаться в этом, он пришел получить со-

вет, выслушать очередные инструкции. Будущее представлялось ему настолько туманным, что говорить о каких-то намерениях просто не имело смысла.

— Я растерялся, — признался он. — За короткое время мне многое пришлось пережить. Я испытал страх смерти, ни на секунду не имел покоя, старался что-то предпринять на благо общества. И вдруг все это оказалось ненужным. Я волен делать, что захочу. Моей жизни ничто не грозит. Я вновь вынужден зарабатывать себе на хлеб и заниматься прочими обыденными вещами. Единственный мой план заключался в том, чтобы обратиться к ученым из Института Семантики, а потом найти доктора Кора. Жителей Венеры необходимо предупредить о грозящей, им опасности.

— Они уже знают, — сказала Машина. — Шестнадцать часов тому назад на планету было совершено нападение. В операции участвовали пять тысяч космических кораблей с двадцатью пятью миллионами солдат на борту. Они…

— ЧТО? — воскликнул Госсейн.

— В настоящий момент, — сказала Машина, — все большие города Венеры находятся в руках захватчиков. Первая стадия битвы завершена.

Руки Госсейна бессильно упали с металли-

ческих контактов. Отчаяние, охватившее его, пересилило чувство глубокого уважения, которое он питал к Машине.

— И ты не предупредила их! — вскричал он вне себя от ярости. — Чудовище!

— Насколько я понимаю, — ответил бесстрастный голос, — вы уже слышали о Генераторе Пространства. Я не в состоянии выступать публично, пока он на меня направлен.

Госсейн, готовый разразиться новыми проклятьями, умолк и стал слушать дальше.

— Электронные системы моего мозга, — продолжала Машина, — необычайно сложны и могут надежно функционировать лишь при правильном распределении потока энергии. Он должен быть прерывистым — только тогда я в состоянии управлять рабочими и нерабочими схемами в нужной последовательности. Генератор Пространства мешает возникновению очередных импульсов, блокирует определенные каналы. Таким образом он создает помехи, нарушает все мои коммуникации с внешним миром, не позволяя осуществлять контроль над фотоэлементами, тиратронами, усилителями, которые постоянно находятся под нагрузкой.

— Но ведь ты разговариваешь со мной. Значит,

это возможно!

— С отдельным человеком — да, — сказала Машина. — Использовав резервы, я могу сообщить о заговоре нескольким людям одновременно. Допустим, я так и сделаю. Допустим, они начнут кричать, что Машина обвиняет правительство в саботаже. Прежде чем им поверят, Торсон достанет еще один Генератор Пространства, и все будет кончено. Нет, мой друг, мир слишком велик, и любой преступник, имеющий доступ к радио и газетам, добьется за один час больше, чем я за год. И пока у меня не появится шанс выступить публично, я предпочитаю молчать.

— Но что же нам делать? — недоуменно спросил Госсейн.

— Лично я — бессильна.

Госсейн почувствовал какой-то подвох.

— Ты хочешь сказать, что все зависит от меня одного? — спросил он.

— Я не уверена, — ответила Машина, — понимаете вы или нет, насколько блестящий анализ дал Крэнг сложившийся ситуации.

Госсейн задумался, вспоминая разговор во дворце. Крэнг нес какую-то ахинею о причинах, по которым они не собираются его убивать, и…

— Послушай, — воскликнул он, — не хочешь ли

ты сказать, что я должен покончить с собой?

— Будь на то моя воля, — торжественно произнесла Машина, — я уничтожила бы вас в ту самую секунду, как открылась дверь. Но в мои схемы встроены ограничения, которые позволяют убить человека только в том случае, если он нападет на меня.

Госсейн, никак не ожидавший, что Машина неожиданно может стать его врагом, изумленно вздохнул.

— Я не понимаю, что происходит, — сказал он. — Ты говоришь серьезно?

— Вы выполнили свою миссию, — ответил бесстрастный голос, — и должны уступить место третьему, более совершенному Госсейну. Не исключено, что со временем вам удастся научиться пользоваться дополнительным мозгом. Но у нас нет времени, а Госсейн III получит такую возможность, как только обретет сознание.

— Но ведь это просто смешно, — нервно сказал Госсейн. — Я не могу покончить с собой. — С большим трудом он взял себя в руки. — Почему… третий Госсейн должен появиться на свет обязательно после моей смерти?

— Процесс и мне не совсем понятен, — ответила Машина. — После того, как мы виделись

с вами в последний раз, мне сообщили, что физическая смерть одного из тел воспринимается электронным устройством, которое автоматически передает сигнал в следующее тело. Механика довольно проста, что же касается биологии — мне трудно разобраться.

— Кто сообщил? — напряженно спросил Госсейн.

Наступила короткая пауза, потом из раскрывшейся щели выпали письмо.

— Я получаю инструкции по почте, — сказала Машина. — Ваше второе тело доставили на грузовике, и к нему была приложена эта записка.

Госсейн развернул небольшой лист бумаги и прочитал несколько строк, отпечатанных на машинке:

«Отправьте тело Госсейна II на Венеру и оставьте в лесу рядом с домом Прескоттов. Когда он уйдет оттуда, пошлите робоплан, который должен будет высадить его у дома-дерева Крэнга, с приказанием сдаться в плен. Проинформируйте его относительно Венеры и примите все необходимые меры предосторожности».

— Никто и никогда не проверял грузы, которые я отправляю на Венеру, — сказала Машина. — Ваша транспортировка прошла без осложнений.

Чувствуя непонятную слабость, Госсейн перечитал записку.

— И это все, что ты знаешь? — с трудом проговорил он.

Казалось, Машина колеблется.

— С тех пор я получила еще одно письмо, в котором сказано, что скоро мне будет доставлено тело Госсейна III.

Госсейн побледнел.

— Ты лжешь, — хрипло прошептал он. — Ты говоришь это только для того, чтобы я покончил с собой.

Он умолк. Получалось, что он оказался вовлеченным в идиотский спор о необходимости самоубийства. Зачем обсуждать, по какой причине он не собирается так поступать? Чушь какая-то. Не говоря ни слова, он встал, вышел из кабинки и пошел прочь от здания Машины.

Весь день он не знал, куда ему деться. Он старался ни о чем не думать, не поддаваться отчаянию. Только к вечеру его нервы постепенно стали успокаиваться. Он чувствовал себя усталым и несчастным, но уже мог здраво рассуждать. Машина даже не предложила ему попробовать уничтожить Генератор Пространства, наверное, заранее обрекая такую попытку на провал.

Обедая, он представил себе, что можно сделать. Первым делом надо позвонить Патриции и назначить ей свидание во дворце. Неужели он не сумеет убедить ее выделить ему хотя бы несколько минут наедине? Нет, он просто обязан что-то предпринять.

Он направился к видеофону, как только встал из-за стола. После короткой паузы на экране возникло се лицо. Увидев Госсейна, она просияла и тут же торопливо произнесла:

— В вашем распоряжении всего одна минута. Где мы встретимся?

Когда он ответил, она нахмурилась, покачала головой, потом задумчиво посмотрела на него.

— По-моему, это очень рискованно, — медленно сказала она, — но если вы не боитесь, я согласна. Значит, завтра, ровно в час. И не попадитесь на глаза Прескотту, Торсону или мистеру Крэнгу.

Госсейн заверил ее, что будет крайне осторожен, попрощался и повесил трубку. И, конечно же, попался на глаза Прескотту.

21

Знаменитый ученый викторианской эпохи сказал: «Следующему поколению физиков нечего делать, кроме как заняться дальнейшим измерением малых величин». В следующем поколении… Планк разработал квантовую теорию, которая впоследствии позволила Бору доказать существование атомной структуры материи… математические построения Эйнштейна основывались на измерении малых величин с максимально возможной степенью точности… Очевидно, на повестке дня сейчас гравитация. Загадка магнитного поля… Рано или поздно кому-нибудь удастся измерить очередную малую величину, и проблема будет решена.

Дж. В. К. –младший

Госсейн подошел к главному входу дворца за несколько минут до назначенного времени. Он был не один. Мужчины и женщины входили и выходили из широких дверей, и он смещался с толпой, пользуясь ею как ширмой, прячась от посторонних глаз. Естественно, прежде чем пройти внутрь, ему пришлось обратиться к охраннику,

неповоротливому и толстому, сидевшему за стеклянной перегородкой.

— Мое имя Госсейн. Мне ведено прийти к мисс Патриции Харди в час дня.

Толстяк провел пальцем по лежавшему перед ним списку имен, затем нажал кнопку. Из соседнего помещения вышел высокий молодой человек в форме. Он взял из рук Госсейна чемодан и провел его к лифту, створки которого распахнулись, выпуская трех пассажиров. Одним из них был Прескотт. Он удивленно уставился на Госсейна. Лицо его помрачнело.

— Что вам здесь надо? — спросил он.

Госсейн глубоко вздохнул. Ему просто фантастически не повезло. На всякий случай он готовился к такой встрече, но все равно сердце его ушло в пятки, когда он выдавил из себя заранее приготовленную фразу:

— Крэнг назначил мне встречу.

— Что-что? Мы с ним только что расстались, и он ни словом о вас не обмолвился.

Госсейн вспомнил, что Прескотт ничего не знает о Крэнге. Тем лучше — значит, можно не бояться выдать галактического агента, перешедшего на их сторону.

— Он согласился уделить мне несколько ми-

нут, — пояснил Госсейн. — Но, может быть, вы объясните мне, что происходит?

И Госсейн принялся рассказывать о своем посещении Машины и о том, как она посоветовала ему покончить жизнь самоубийством, чтобы уступить место Госсейну III. Он и виду не показал, что знает о вторжении на Венеру, и мрачно заявил:

— Я хочу видеть свое третье тело. Я слишком верю в нуль-А принципы, чтобы допустить существование трех Госсейнов даже после того, как мне показали второго. Подумать только, такому здравомыслящему человеку, как я, приказывают покончить с собой! — Он невольно вздрогнул. — Я должен разобраться. Я готов откровенно поговорить с Торсоном. После вчерашнего, — тут Госсейн посмотрел прямо в глаза своему собеседнику, — я как-то не подумал о вас.

Все это время Прескотт холодно и подозрительно наблюдал за ним. По нему было незаметно, что он придает значение их недавней стычке. Выслушав рассказ Госсейна, он пожал плечами и направился к выходу, но тут же остановился и резко повернулся. В глазах его засветилось любопытство.

— Как вы, вероятно, догадались, — сказал он, —

мы пытаемся найти ваши остальные тела.

Единственным желанием Госсейна было уйти отсюда как можно скорее, но, услышав столь откровенное признание, он почувствовал, что его бьет озноб.

— Где? — спросил он.

Прескотт хрипло рассмеялся.

— Сначала мы растерялись и наделали глупостей. Обыскали чуть ли не все пещеры Земли. Сейчас мы стали умнее.

— Что вы имеете в виду?

Прескотт нахмурился.

— Проблема в целом достаточно сложна, — сказал он, — и частично связана с одним из законов природы, о котором вы скорее всего никогда не слышали. Он гласит, что если две энергии совпадают по своим показателям до двадцатого десятичного знака и действуют в одном пространстве, то наибольшая из них перекроет любое расстояние, стремясь совпасть с наименьшей, но не мгновенно, а на сверхсветовых скоростях.

— Для меня это звучит абракадаброй, — заметил Госсейн.

Прескотт громко рассмеялся.

— Попробую объяснить на вашем примере, — сказал он. — Каким образом в вашем мозгу

сохранились мельчайшие подробности воспоминаний Гилберта Госсейна I? Ваши показатели должны были совпадать как минимум до двадцатого десятичного знака; теоретически — это единственно возможный способ передачи мыслей на расстоянии. Итак, Госсейна I, который жил и действовал, можно, грубо говоря, считать энергией наибольшей, а вы, находясь в инертном состоянии, воспринимали все с ним связанное независимо от удаленности в пространстве. — На мгновение он умолк. — Мы даже исследовали метеориты вплоть до колец Сатурна, полагая (как теперь выяснилось, неверно), что один из них могли выдолбить и превратить в инкубатор для Гилбертов Госсейнов в разной стадии развития. Надеюсь, теперь вы понимаете, насколько серьезно мы…

Его прервал человек в форме:

— Нас ждет машина, мистер Прескотт. Звездолет улетает на Венеру через полчаса.

— Уже иду, генерал.

Он сделал несколько шагов вслед за военным и вновь повернулся к Госсейну.

— В какой-то степени нам даже любопытно будет посмотреть на Госсейна III. Для вас наверняка не секрет, что мы намерены уничтожить его тело,

а потом уже расправиться с вами. Более того, я предполагаю, что ОБЩЕЕ количество Госсейнов тоже не бесконечно.

Он резко оборвал разговор и, не оглядываясь, направился к выходу. У подъезда его ждала машина. Через несколько минут Прескотт задумается об их встрече. И найдет время позвонить Крэнгу, которому ничего другого не останется, как немедленно арестовать Госсейна.

Стоя в лифте, он нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Его план захватить Генератор Пространства в целости и сохранности рухнул из-за неожиданной встречи, но он не стал задумываться, когда Патриция Харди пригласила его войти. Она что-то бормотала об опасности, которой он подвергается во дворце, когда он вытащил из чемодана прочный шнур.

Она пришла в полное изумление, когда он начал связывать ее по рукам и ногам, и попытался выхватить небольшой пистолет из широкого рукава платья. Госсейн без труда овладел оружием и сунул его в карман. Заткнув ей рот кляпом и уложив на постель, он сказал:

— Простите. Но если сюда войдут, вас по крайней мере ни в чем не заподозрят.

Ему не хотелось ни извиняться, ни соблюдать

правила хорошего тона. Ему хотелось успеть. Быстро вернувшись в гостиную за чемоданом, он вывалил его содержимое на кровать рядом с девушкой и, схватив атомный резак, подбежал к стене, в которой, по его мнению, находился Генератор Пространства.

Еще прошлой ночью он решил, что прибор направлен прямо на Машину, иначе его действие теряло бы свою силу пропорционально расстоянию в одну треть мили. Ведь даже мощный прожектор недостаточно ясно освещал пространство по сторонам. Вырезав квадрат со стороной восемь футов, он подтащил отвалившийся кусок стены поближе к балкону. Когда пыль осела, Госсейн увидел перед собой Генератор Пространства. Он представлял его совсем иным, более солидных размеров, чем шесть футов в высоту, четыре в длину, полтора в толщину. Обхватив прибор обеими руками

— весил он сравнительно немного, фунтов пятьдесят, — Госсейн легко поднял его, отнес к кровати и положил перед ней панелью вниз на ковер. Перед его глазами замелькали десятки маленьких прозрачных трубок. Впрочем, за несколько сотен лет развития электроники появилось неимоверное количество самой

разнообразной техники, и уследить за всеми новинками не было никакой возможности. Он вновь взялся за атомный резак, намереваясь превратить Генератор Пространства в кучу металлолома. Затем задумался и, нахмурившись, посмотрел на часы. Без двадцати минут два.

Внезапно он понял, что ему некуда спешить. Звездолет Прескотта давно улетел на Венеру, и ничего непредвиденного не произошло. Выглянув в широкое окно, он посмотрел на лужайку, поросшую кустарником, на пустынные аллеи, ведущие к зданию Машины. Несколько садовников время от времени склонялись над клумбами цветов, выполняя свои прямые обязанности. Машина сверкала и переливалась в солнечных лучах. Чтобы доставить туда Генератор Пространства, требовалось всего несколько минут.

Приняв решение, Госсейн резко повернулся, снял трубку телефона, стоявшего на столике перед кроватью и, услышав женский голос, сказал:

— Будьте любезны, соедините меня со столярной мастерской.

Через секунду ему ответил ворчливый голос. Госсейн быстро объяснил, какие работы ему требуется произвести. Он был в необычайно приподнятом настроении.

«Все будет в порядке, — подумал он. — Чем непринужденней себя вести, тем больше шансов на успех».

Он быстро вынес Генератор Пространства в гостиную. Вскоре раздался звонок, и в комнату вошли пятеро рабочих. Они молча принялись за работу. Бесшумные пилы, автоматические отвертки — Госсейн и глазом не успел моргнуть, как Генератор Пространства был надежно упакован в деревянный ящик. Двое рабочих, которые до сих пор стояли без дела, подхватили его на руки.

— Доставив к месту назначения через пять минут, — сказал один из них.

Госсейн запер дверь и вернулся в спальную. Даже не посмотрев в сторону Патриции Харди, он кинулся на балкон. Грузовик с узким деревянным ящиком в кузове ехал по мощеной дороге, примерно в четверти мили от дворца. Он направился прямо к зданию Машины и нырнул в подземный тоннель. Через две минуты он появился уже без груза.

Не говоря ни слова, Госсейн подошел к кровати и развязал девушку. Сам не зная почему, он чувствовал растущую неудовлетворенность собой, как будто его решительные действия были лишены всякого смысла.

22

Кто из нас нормален? (Quisnam igitur sanus?)

Гораций, Сатиры II, год 25-й

Патриция Харди сидела на кровати, растирая онемевшие от веревок руки. На ее губах застыла легкая улыбка, которая привела Госсейна в полное недоумение. Ему даже показалось, что она смеется над ним, как над глупым, нашкодившим мальчишкой.

— Итак, у вас ничего не вышло! — сказала девушка.

Госсейн молча уставился на нее.

— Ведь вы пришли сюда в надежде, что вас убьют, верно? — спросила она.

«Не валяйте дурака», — хотел ответить Госсейн, но тут же закрыл рот. Он вспомнил свое нервное состояние, лихорадочную поспешность, разочарование, которое испытал, добившись наконец поставленной цели. Зачем обманывать самого себя? Безжалостный голос девушки не знал пощады.

— Другой причины нет и быть не может. Вы

прекрасно понимали, что Госсейн III появится только в том случае, если вас не будет в живых. И, не сомневаясь, что ваша безумная затея обречена на провал, явились во дворец, желая погибнуть, как подобает мужчине.

Она была права. Ни один нормальный человек не покончит жизнь самоубийством и не отправится добровольно на эшафот. «Верю ли я, — подумал он, — в существование Госсейна III? Да, верю». Он ошеломленно тряхнул головой. Сколько раз он твердил себе, что это невозможно. «Могу ли я покончить с собой? Нет. Но я должен найти выход. Должен!»

Госсейн повернулся и, не говоря ни слова, направился к выходу.

— Куда же вы? — крикнула она вслед.

— В гостиницу. Если я вам понадоблюсь, звоните в любое время.

У дверей он остановился. У него совсем вылетело из головы, что своей выходкой он поставил ее в дурацкое положение.

— Не забудьте вызвать рабочих, чтобы починили стену, — сказал он. — Думаю, вы лучше меня знаете, что делать дальше. До свидания. Желаю удачи.

Он вышел из дворца и пошел по бульвару. Очу-

тившись в городе, он зашел в первую попавшуюся аптеку и купил пачку гипнотаблеток.

— Решили подготовиться к Играм будущего года? — сочувственно спросил аптекарь.

— Как сказать, — коротко ответил Госсейн.

А теперь — в студию звукозаписи.

— Мне бы хотелось взять напрокат магнитофон, — сказал он. — Примерно на неделю.

— С чистой пленкой для записи?

— Да.

— Четыре доллара пятьдесят центов.

В отеле он первым делом потребовал ключ от сейфа, достал оставшиеся деньги и вернулся в холл.

— Месяц тому назад, — сказал он, — меня выгнали из гостиницы, так как я не смог назвать своего настоящего имени. Сейчас мне нужна комната. Я заплачу вперед.

Клерк не стал колебаться. Отель был практически пуст: люди, не сдавшие экзаменов, давно покинули город. Через две минуты мальчишка-лифтер проводил Госсейна в просторный номер. Тщательно заперев за собой дверь, Госсейн быстро продиктовал в микрофон заранее подготовленные фразы, включил аппарат на повтор, принял гипнотаблетку и лег, не разде-

ваясь. «Через двадцать четыре часа, — подумал он, — действие лекарства кончится, и тогда...» Он положил сверкающий маленький пистолет, отобранный у Патриции Харди, на столик рядом с кроватью.

То, что с ним произошло потом, трудно было описать словами. Он не устал, скорее впал в прострацию, чувствуя смертельную усталость, сквозь которую пробивался высокий раздражающий звук... звук его собственного голоса:

«Я — никто. Я ничего не стою. Меня все ненавидят. Какой смысл мне оставаться в живых? У меня никогда ничего не получится. Ни одна девушки меня не полюбит. Я разорен... ни надежды... ни денег... покончи с собой... застрелись...»

На Земле жили и здравствовали миллионы людей, думающих так ежедневно. Но они не стояли на нуль-А пути развития, а Госсейн надеялся, что его сбалансированная нервная система не выдержит отчаяния, которое он пытался себе внушить. Сознательно опускаясь с сияющих высот интеграции в пропасть невежества, он не сомневался, что рука его дрогнет в нужный момент.

«Какой смысл мне оставаться в живых? Какой смысл... ни надежды... покончи с собой!»

«Меня все ненавидят... ненавидят... ненави-

дят…»

В течение первого часа в голову лезли посторонние мысли. «Это просто глупо! Мой мозг слишком стабилен, баланс невозможно нарушить… ни надежды… Меня все ненавидят… ничего не стою…»

Примерно к концу второго часа откуда-то издалека до него стал доноситься назойливый шум. Он становился все громче и громче, иногда даже заглушая высокий звук его голоса. «Пушки! Обстрел! — мелькнула в затуманенном сознании Госсейна.

— Неужели они напали на Землю?»

Ему стало страшно.

Он не помнил, как встал с постели, как очутился на полу. Он так устал! «Я ничего не стою… разорен… ни надежды… покончи с собой…»

Собрав остатки сил, он пополз к окну. И ничего не увидел, кроме соседнего здания. Но теперь он совершенно отчетливо слышал разрывы снарядов. На какое-то мгновение его захлестнуло отчаяние. Они бомбили Машину!

«Я никто… покончи с собой… Все меня ненавидят… Какой смысл мне оставаться в живых?»

Видимо, она начала трансляцию по всем радиостанциям о нападении на Венеру! А заговорщики пытались уничтожить ее.

Радио в его номере! Надо выключить… Как он устал! «Покончи с собой… ни надежды…» В конце концов ему удалось добраться до приемника и повернуть ручку громкости.

— Невероятно… негодяи… преступники…

Несмотря на оцепенение, овладевшее мозгом, Госсейн удивился. И внезапно понял, в чем дело. Пошла в ход пропаганда. Голоса плевались угрозами и обвинениями. Машина! Чудовище! Механический монстр без души, предательница! Венерианские бандиты, которые пытались навязать свою волю массе землян. Чуждая психология. Смирительные рубашки… истребить… уничтожить…

А на фоне лживых голосов грохотала орудийная канонада. Госсейна потянуло в сон. Надо добраться до кровати. Он устал. Он так сильно устал.

— ГОССЕЙН!

Все другие голоса замерли в отдалении. Радио обратилось прямо к нему.

— ГОССЕЙН, ЭТО ГОВОРИТ МАШИНА. НЕ КОНЧАЙТЕ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ.

«Покончи с собой! Я — никто. Меня все ненавидят. Какой смысл мне оставаться в живых?»

ГОССЕЙН,
НЕ КОНЧАЙТЕ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ.

ЗАГОВОРЩИКИ УНИЧТОЖИЛИ ВАШЕ ТРЕТЬЕ ТЕЛО. ГОССЕЙН, МНЕ ДОЛГО НЕ ПРОДЕРЖАТЬСЯ. ПЕРВЫЕ ПОЛЧАСА МЕНЯ ОБСТРЕЛИВАЛИ ОБЫЧНЫМИ СНАРЯДАМИ, НО СЕЙЧАС ЧЕРЕЗ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ИНТЕРВАЛЫ В МЕНЯ ЛЕТЯТ ТОРПЕДЫ С АТОМНЫМИ БОЕГОЛОВКАМИ.

— Я ЗАЩИЩЕНА ДЕВЯНОСТОФУТОВЫМ СТАЛЬНЫМ БАРЬЕРОМ. ГОССЕЙН, В НЕМ УЖЕ ПЯТЬ ПРОБОИН ОТ ТОРПЕД, НАПРАВЛЕННЫХ С ВЕНЕРЫ.

—

ГОССЕЙН,
НЕ КОНЧАЙТЕ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ. ВАШЕ ТРЕТЬЕ ТЕЛО УНИЧТОЖЕНО. ВЫ ДОЛЖНЫ НАУЧИТЬСЯ
КОНТРОЛИРОВАТЬ СВОЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МОЗГ. Я НЕ МОГУ ПОДСКАЗАТЬ ВАМ, КАК ЭТО СДЕЛАТЬ, ПОТОМУ ЧТО…

Взрыв.

После минутного молчания из громкоговорителя раздался голос:

— Леди и джентльмены. Машина только что уничтожена прямым попаданием. Ее неожиданно коварное нападение на дворец Президента…

Щелк!

Он уже давно хотел выключить этот глупый

приемник. Только раздражает. И что так болтали о… что-то о… что?

Добравшись до кровати, он улегся поудобнее и на мгновение нахмурился, стараясь уловить смысл сказанного. Что-то такое… Как он устал! «Покончи с собой. Меня все ненавидят. Я разорен. Какой мне смысл оставаться в живых? Покончи с собой».

23

Когда сознание вернулось к Госсейну, он прежде всего попытался пошевелить руками. И не смог. Как будто он лежал на них. «Какая странная поза», — подумал он. Испытывая легкое раздражение, он понял, что вряд ли сумеет рассуждать здраво, пока не проснется окончательно.

Внезапно он вспомнил, зачем ему вообще понадобилось снимать номер в отеле. Теперь только остается подождать, когда же наконец им овладеет жажда смерти. «Лучше всего просто схватить пистолет и, не думая, пустить себе пулю в лоб», — услужливо подсказал измученный мозг. Но ему абсолютно не хотелось стреляться. Наоборот, откуда-то из глубин его существа поднималась веселая уверенность в своих силах, чувство ско-

рой победы над врагами, убеждение, что ничто на свете не сможет помешать ему. Некоторое время он продолжал недоумевать, почему у него такое хорошее настроение. Правда, он вставал с кровати и слышал какой-то шум. Может быть, он тогда случайно включил магнитофон?

— Мне кажется, — прозвучал слева от него женский голос, — вам пора проснуться. Действие гипнотаблетки давно кончилось.

От неожиданности Госсейн открыл глаза, стряхивая с себя остатки оцепенения. Он действительно лежал на руках, но пошевелить ими не мог по другой причине. Рядом с ним, в кресле, дымя сигаретой, сидела Патриция Харди и задумчиво смотрела на него. Госсейн сделал попытку приподняться и бессильно откинулся на подушку. Девушка глубоко затянулась. Выпустив в потолок струю дыма, она вновь заговорила.

— Я надела на вас наручники, потому что вы человек настойчивый и можете ни перед чем не остановиться, если вам покажется, что я скрытничаю.

Она рассмеялась тихим, приятным и удивительно музыкальным смехом. Растерявшийся Госсейн даже не нашел, что ответить. Раздраженное выражение — первый признак психопатии

— исчезло и се лица. Оно оставалось таким же красивым, но в нем произошли неуловимые перемены. Патриция всегда казалась спокойной, уверенной в себе. Сейчас это впечатление усилилось во сто крат. Каким-то непонятным образом хорошенькая упрямая девчонка за одну ночь превратилась в сильную красивую женщину.

— А теперь поговорим серьезно, — сказала она. — Я пошла на риск, лишь бы повидаться с вами. Ведь вы только сыграли им на руку, отправив Генератор Пространства Машине. Необходимо что-то предпринять.

Наступившая пауза дала Госсейну возможность собраться с мыслями. «Ни перед чем не остановитесь, если вам покажется, что я скрытничаю». Почему так непонятно себя ведет? Патриция Харди наговорила ему с три короба, но ни словом не обмолвилась, какое отношение она сама имеет к нуль-А учению или галактическим агентам. Госсейн внимательно посмотрел на девушку и начал задавать вопросы. Она слушала молча, не перебивая, потом пожала плечами.

— Все равно я ничего вам не скажу, — ответила она. — Слишком опасно. К тому же время не ждет.

— Ах вот как! — воскликнул Госсейн. — Ни-

чего. Я не тороплюсь. Для начала я хочу знать, действительно ли президент Харди был вашим отцом? Итак?

Молодая женщина вздохнула и закрыла глаза.

— Кажется, мне придется запастись терпением, — сказала она. — Говорю вам. Генератор Пространства все еще находится в задании Машины. Его необходимо достать любой ценой. Это один из немногих галактических приборов, который мы можем предъявить в качестве вещественного доказательства.

— У меня сложилось настолько низкое мнение о людях, которые никого не предупредили о готовящемся вторжении, — ответил Госсейн, — что его неприлично высказывать вслух. — Неожиданно до него дошел смысл сказанного. — Какого доказательства? — переспросил он.

— Вы не должны судить слишком поспешно, — возразила Патриция Харди тихим голосом. — Мы не могли помешать вторжению. И кроме того, кого предупреждать? На Венере нет правительства. Детективные агентства, судебные органы и радиовещание контролировались заговорщиками. Поверьте, мы с Элдредом перебрали все варианты, но не нашли выхода. Он лишь предложил решение на будущее.

Необходимо создать новую Машину. Это вполне возможно. В Институте Семантики уже сконструированы приборы, которые мгновенно определяют физическое и умственное состояние человека, не проводя никаких испытаний и экзаменов. Автоматически отпадает нужда в проведении довольно тяжеловесных тридцатидневных Игр. Ведется разработка схем, способных защитить Машину от постороннего вмешательства в любой форме. — Она перевела дыхание. — Как только вы доставите мне Генератор Пространства, я вам все объясню. А сейчас слушайте! В отеле служит один молодой человек, который вам поможет. Когда я уйду, прочитайте его записку, но учтите, что он не в курсе наших дел. Я оказалась рядом с вами в критический момент, но именно он спас вам жизнь и практически совершил невозможное: ни одна живая душа не знает, что вы здесь.

— Гилберт Госсейн, — продолжала она, наклонившись и глядя на него большими голубыми глазами, — потерпите. Я знаю, с вами обошлись грубо. Мы провели примерный анализ ситуации и пришли к определенному выводу: вы появились в разгар военных приготовлений. Это неприятно удивило Торсона, но думаю, что убили вас чисто случайно. Затем вы очутились в двух

ключевых пунктах с точки зрения галактической империи: госпитале Прескотта и доме-дереве Крэнга. Вы даже представить себе не можете, как они были напуганы. Торсон стал действовать предельно осторожно. Узнав, что вы не можете контролировать свой дополнительный мозг, он позволили Элдреду Крэнгу отпустить вас на свободу. Тогда мы еще не знали, что Торсон согласился только потому, что его агенты вот-вот должны были обнаружить ваше третье тело. Для нас до сих пор загадка, где его нашли. Важно другое: после того, как Госсейна III уничтожили, вы подвергаетесь смертельной опасности. Они снова объявили ваш розыск.

— То есть как уничтожили? — спросил Госсейн.

Впервые за весь разговор на лице се появилось растерянное выражение.

— Вы хотите сказать, что ничего не знали? — воскликнула она. — Как же так? — Тон ее резко переменился: — К сожалению, мне некогда. Просмотрите газету. — Она встала с кресла. — Запомните, Генератор Пространства необходимо доставить в дом молодого человека, который работает в отеле. Мы встретимся там завтра, я потом сообщу когда. — Порывшись в сумочке,

она достала ключ и кинула его на кровать. — От наручников, — пояснила она. — До свидания. Желаю удачи.

Дверь бесшумно закрылась.

Госсейн снял с себя наручники, присел на край кровати и задумался. «О чем она говорила? Какая-то записка». Он недоуменно окинул комнату взглядом и увидел чуть сзади небольшое бюро, на котором лежала газета и лист белой бумаги. Перегнувшись через постель, он взял его в руки и, все еще удивляясь, начал читать:

«Дорогой мистер Госсейн, когда передавали последние известия, я понял, что вас будут искать, и немедленно уничтожил регистрационную карточку, а потом выписал на ваш номер, 974, другую, под первым попавшимся именем: Джон Уэнтворт.

Когда мое дежурство закончилось, я попытался предупредить вас, но так как вы не открывали, воспользовался запасным ключом. Вы лежали на кровати, не двигаясь, слушая включенную на повтор запись. Я се стер и сделал новую в надежде, что она помещает депрессивному действию первой.

Когда я заходил к сам в последний раз, я выключил магнитофон, потому что по вашему лицу

было видно, что вы полны оптимизма. Надеюсь, я добился определенного равновесия, ведь вам сейчас потребуются для борьбы все силы.

Это написано человеком, который мечтает принять участие в Играх целующего года, на которого вы можете целиком и полностью положиться и который не боится подписаться.

С пожеланием всего самого доброго Дин Литтл.

P.S. Я зайду к вам после дежурства сегодня в полночь. Прочитайте сегодняшнюю газету. Тогда вам станет более понятен смысл моей записки. Д.Л.»

Госсейн потянулся за газетой и разложил се прямо на одеяле. Крупный шрифт заголовка бросился ему в глаза:

МАШИНА ИГР УНИЧТОЖЕНА

Дрожа от возбуждения, он принялся читать, пропуская отдельные слова.

«… Открыла огонь по дворцу и… Все радиостанции одновременно сообщили о загадочном нападении на Венеру (никакого нападения не было. См. Радиоотчет, стр. 3). Принято решение… ненормальная обстановка… сразу же вслед за убийством президента Харди… является доказательством того, что Машина поддерживала связь… соответственно, уничтожена».

«… в течение часа… Машина передавала на всех

волнах… непонятное послание Гилберту Госсейну, фотография которого напечатана… странице… ранее отпущенного на свободу… Должен быть задержан до выяснений обстоятельств… Подлежит аресту, где бы ни находился…»

Читая статью, Госсейн вспоминал медленно, слово за словом, все, что сказала ему Машина. С трудом сглотнув слюну, он посмотрел на фотографию. Нечто странное почудилось ему в собственном лице. Прошло несколько секунд, прежде чем он понял, что снимок сделан с трупа Гилберта Госсейна I.

Он мрачно улыбнулся, отложил газету в сторону и перебрался в кресло. Он чувствовал сильную слабость, но в душе его нарастало возмущение Машиной, которая приказала ему покончить жизнь самоубийством. «Ваше тело уничтожено!» Тоже мне, фокусы! Она просто не имела права ничего предпринимать, если это грозило безопасности Гилберта Госсейна III. А ведь он чуть было не застрелился. Смерть стояла совсем рядом, и он еще не успел до конца оправиться от последствий нервного шока. Постепенно гнев его проходил. Вздохнув, Госсейн попытался разобраться в сложившейся ситуации. «Прежде всего, — подумал он, — необходимо завладеть Генератором Про-

странства. Потом научиться управлять своим дополнительным мозгом».

Или это невозможно? Ведь до сих пор его многочисленные попытки ни разу не увенчались успехом. Он иронически улыбнулся. «Хватит заниматься самоедством, — громко проговорил он. — Пора переходить от слов к делу».

Самое главное — не забывать о мелочах. Он отсоединил экран видеофона — кто знает, как часто меняются дежурные — и набрал номер. Ему ответил приятный мужской голос.

— Вас беспокоит Джон Уэнтворт, — сказал Госсейн.

После короткой паузы клерк ответил:

— Да, сэр. Как вы себя чувствуете? Говорит Дан Литтл. Я сейчас приду, сэр.

Госсейн остался сидеть в кресле. Он хорошо помнил худощавого невзрачного юношу с приятными чертами лица и копной черных волос, который заставил его расписаться в регистрационной книге. Когда Литтл вошел, он показался Госсейну еще более тщедушным, вряд ли пригодным для той трудной роли, которую ему отвела Патриция Харди. Однако сдержанное поведение и непринужденные манеры молодого человека ясно указывали, что он стоит на нуль-А пути

развития.

— Мне надо спешить, — сказал Литтл. — Я должен вернуться на рабочее место.

Госсейн нахмурился.

— Боюсь, — произнес он, — что пришла пора каждому из нас идти на определенный риск. Мне кажется, заговорщики первым делом попытаются полностью демонтировать Машину, чтобы и памяти о ней не осталось. Если бы передо мной стояла такая задачи, я бы опубликовал во всех местных газетах сообщение, что каждый гражданин может бесплатно забрать из здания любые приборы, оборудование и материалы.

Он увидел, как широко раскрылись глаза Дана.

— Точно! — восхищенно сказал он. — Говорят, одну восьмую часть Машины уже разобрали и… Что с вами?

Госсейну никак не удавалось справиться с охватившим его волнением. Машины больше не существовало. Час за часом ее растаскивали по деталям. Как соборы и храмы давно минувших дней, она являлась историческим памятником, осуществляла собой стремление человечества к идеалу. Ему стоило колоссальных усилий взять себя в руки.

— Нельзя терять ни минуты, — быстро прогово-

рил он. — Если Генератор Пространства все еще там, надо срочно забрать его.

— Я не могу уйти раньше полуночи, — возразил Дан Литтл. — Нам приказано оставаться на местах, и, кроме того, все отели и гостиницы города взяты под наблюдение.

— У вас есть робоплан?

— Да. Посадочная площадка на крыше, но я умоляю вас… — голос его пресекся от волнения, — не ходите туда. Я уверен, что вас немедленно арестуют.

Госсейн задумался. Прошло то время, когда он слепо выполнял указания и спрашивал советов. Но сейчас, видимо, ничего другого не оставалось. Нехотя он кивнул.

— Ладно, возвращайтесь за конторку, — спокойно сказал он. — В нашем распоряжении еще пять часов.

Так же бесшумно, как вошел. Дан Литтл выскользнул из комнаты.

24

Оставшись один, Госсейн заказал обед. Когда официант накрыл на стол, он уже примерно представлял себе, как проведет вечер. Пролистав

телефонный справочник, он снял трубку.

— Соедините меня с ближайшей фонотекой, — попросил он. — Мне нужна видеозапись… Номер…

На экране возник робот, и Госсейн вкратце объяснил, какой материал ему необходимо подобрать. Удобно усевшись в кресле, он принялся за еду, слушая голос диктора и глядя на иллюстрации к тексту. Может быть, какая-нибудь фраза натолкнет его на мысль, как научиться управлять дополнительным мозгом. Правильно или нет понял его библиотекарь, пока еще оставалось неясным. Когда речь пошла об угнетении и возбуждении нервных клеток простейших форм морской жизни, Госсейн стал слушать внимательней. Все равно ждать еще долго.

Фразы обволакивали его, проникали в сознание, отбрасывались как ненужные. Комментатор говорил о развитии нервной системы на Земле, о выработке условных рефлексов, о животных, которые учились на собственном опыте. Червь двести раз подряд натыкался на заграждение под током, прежде чем отвернуть в сторону, а во втором опыте уполз всего через шестьдесят раз. Щука, отделенная от пескаря невидимым экраном, казалось, размозжит себе голову, пытаясь

схватить его. Убедившись, что это невозможно, она полностью перестала обращать на пескаря внимание, даже после того, как экран был снят. Свинья взбесилась, когда корыто с пищей поместили в сложный лабиринт.

Картинки сменяли одна другую. Сначала червь, потом щука, бьющаяся об экран, свинья, визжащая надсадным голосом, а позже — кошка, собака, койот и обезьяна. Пока что Госсейн не узнал ничего нового.

— А сейчас, — произнес голос, — прежде чем мы перейдем к человеческому мозгу, следует обратить внимание на тот факт, что у всех животных существует одно ограничение, которое можно вновь и вновь наблюдать: они слишком узко воспринимают окружающую среду. Щука помнила только болевое ощущение и вела себя соответственно, не понимая, что экран давно снят. Койот не сумел отличить ружья от фотоаппарата в руках человека.

— Сходство обстановки говорило им о том, что изменений не произошло. История темных веков развития человеческого разума, уже понимавшего, что он стоит выше всех на эволюционной ступеньке развития — это история грубой реакции масс, основанной на том са-

мом узком восприятии окружающей среды, которую мы наблюдаем у животных. С другой стороны, нуль-А путь развития заключается в стремлении человека овладеть своим разумом и научиться различать одинаковые и тем не менее отличающиеся предметы или события в пространстве-времени. Любопытно, что все научные эксперименты нашего просветительного периода ставят перед собой задачу добиться как можно большего сходства и точности в методах, времени, даже структуре материалов. Можно даже сказать, что ученые стремятся к…

Госсейн слушал нетерпеливо, ожидая когда наконец диктор перейдет к самому главному. Внезапно он вздрогнул. «Что такое? ЧТО ОН СКАЗАЛ?»

Он заставил себя поглубже усесться в кресле, расслабиться, тщательно обдумать услышанное. И, не выдержав, возбужденно вскочил на ноги и начал мерить комнату шагами, пораженный сделанным открытием. «Наука ставит перец собой задачу добиться как можно большего сходства…» Вот оно. Самый простой способ научиться контролировать свой мозг.

Грубо говоря, идеальная память представляла собой запись на магнитофонной пленке, которую

всегда можно перемотать и прослушать заново. Но воспоминания человека, естественно, основывались лишь на его собственном восприятии окружающей среды. Если он не понимал какого-то закона природы, то не мог и отождествлять его. Значит, следовало абстрагироваться от своего восприятия и, согласно доктринам семантики, посмотреть на себя со стороны, как экспериментатор на щуку.

… Существует ли другое решение? Нет, он пришел к единственному правильному логическому выводу. Что-то будет дальше?

Как сквозь туман, он услышал далекий бой часов и радостно тряхнул головой. Пришла пора действовать.

Полночь.

25

Великое множество приткнувшихся к обочине автомобилей, двигающиеся фигуры людей, тусклый свет фонарей, неразбериха. Госсейн и Литтл вышли из машины примерно в миле от центрального прожектора и вместе с опоздавшими пошли вперед. Теперь начиналось самое сложное. Им предстояло протолкаться сквозь огромную массу

людей, которые стояли, наблюдая за происходящим. Даже человеку, овладевшему началами нуль-А логики, трудно было представить себе этот огромный человеческий барьер в виде отдельных личностей, каждая из которых обладала индивидуальностью.

Толпа колебалась волнами. Изредка кто-то вскрикивал, не выдерживая давки. Толпа напоминала снежный ком, который покатился с горы и вызвал обвал. Многие падали на землю, не сумев удержаться на ногах. Толпа, как бездушная женщина поднималась на носки, чтобы получше разглядеть тех, кто пировал на развалинах здравого смысла человечества.

Десятки робопланов, груженных добычей, неслись по небу. По дороге, включив дальний свет фар, с бешеной скоростью мчались грузовики, чиркая по краю толпы, которая испуганно подбирала юбку и отодвигалась в сторону.

Госсейн и Литтл медленно продвигались вперед. Им приходилось напрягать все силы, чтобы вовремя увернуться от грузовика или занять освободившееся пространство. Госсейн не удивлялся, что они пробираются все дальше и дальше. По какому-то необъяснимому закону психологии человек, поставивший перед собой цель, под-

вергался куда меньшей опасности, чем тот, кто не мог найти себе дело. Трус умирает много раз. Однажды им долго пришлось топтаться на месте, пропуская бесконечную вереницу ревущих грузовиков.

— Мы на окраине города! — прокричал Госсейн. — С другой стороны горы, наверное, никого нет. Возвращаться будем в обход.

Они подошли вплотную к стальному ограждению, сдерживающему натиск толпы. Неподалеку патрулировали охранники, размахивая оружием и пресекая все попытки перепрыгнуть через барьер.

Приходилось рисковать.

— Держитесь ближе к дороге! — крикнул Госсейн. — Они не посмеют стрелять в грузовики!

Как только они выбежали на открытое место, к ним сразу же кинулось двое солдат. Пистолеты угрожающе сверкнули отраженным светом. Не колеблясь, Госсейн несколько раз нажал на курок, и оба охранника свалились, как мишени на стрельбище. Он бежал вслед за Литтлом, сам не понимая, что произошло. Никогда в жизни он не мог допустить и мысли об убийстве человеческого существа, хотя в прошлом ему представлялась такая возможность. «Эти люди не более чем

символы, — холодно подумал он. — Символы разрушения. В них нет ничего человеческого, они варвары, уничтожающие беззащитных и обездоленных. О них надо забыть». Он остановился. Перед ним возвышалась Машина.

Много часов подряд Госсейн пытался убедить себя, что годы упорного труда невозможно уничтожить за одни сутки. В какой-то степени его надежды оправдались. Но здание оказалось не таким большим, как он ожидал. Основное разрушение произвели атомные торпеды. Наружные ярусы комнат прекратили свое существование. В покореженных стенах зияли чудовищные отверстия в тридцать, пятьдесят и девяносто футов диаметром. Отовсюду торчали обрывки проводов — нервная система мертвой Машины.

Впервые Госсейн подумал о ней как о живом существе, которое внезапно скончалось. В конце концов, что такое разумная жизнь, если не чувствительное восприятие нервной системы и память о пережитом? За всю историю человечества не было личности, которая обладала бы большей памятью и знаниями о человеке и человеческой природе, чем Машина. Как издалека, услышал Госсейн крик Дана Литтла:

— Скорее! Нам нельзя здесь задерживаться!

Госсейн послушно пошел вперед, двигаясь, как в тумане. Он не мог заставить себя думать о чем-нибудь другом. Машину растаскивали по деталям. Целые секции уже увезли, увозили, собирались увозить. Люди с приборами, инструментами, металлическими пластинами выбегали из темных коридоров. Госсейн замер, пораженный этим зрелищем, в очередной раз осознав, что является свидетелем конца старой эры.

Литтл потянул его за рукав, и простое движение подействовало на Госсейна лучше всяких слов. Стряхнув с себя оцепенение, он торопливо пошел вперед, стараясь не попадать в свет прожекторов.

— Нам сюда, — сказал он, огибая здание сзади и направляясь к сорванным с петель воротам, в которых исчез грузовик с Генератором Пространства. Они вбежали в тоннель. Здесь было не так шумно, хотя работа кипела вовсю.

Шипели атомные резаки, металл звякал о металл, кто-то суетился, торопясь поскорее отхватить лакомый кусочек. Они оказались в широком подвале с дюжиной грузовиков, стоявших у разгрузочной платформы. Освещение оставляло желать лучшего, и они смутно различали фигуры людей, сгибавшихся под тяжестью своей доли

добычи.

В самом конце просторного помещения стоял ящик с Генератором Пространства, как бы ожидая, когда за ним придут. На досках черными крупными буквами выделялась надпись:

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ИНСТИТУТ СЕМАНТИКИ
ПЛОЩАДЬ КОРЖИБСКОГО
ГОРОД

Госсейн задумался. Фактически Машина находилась в ведении Института, а следовательно, знала о Гилберте Госсейне меньше, чем ученые. Это следовало проверить при ближайшей возможности.

Обратный путь занял у них совсем мало времени. Постепенно шум затих в отдалении, свет прожекторов скрылся за высоким пиком горы. Вскоре они уже ехали по дороге в город, к маленькому уютному домику Дана Литтла. Госсейн смутно надеялся, что их встретит Патриция Харди, но, как выяснилось, напрасно.

Он начисто забыл о ней, когда они распаковали Генератор Пространства и осторожно положили его на пол, передней панелью вниз, молча глядя на непонятное переплетение маленьких трубок. Яркий, сверкающий неземной металл,

уничтоживший их мир! С его помощью агенты галактического тирана заняли самые высокие посты и долго, очень долго оставались нераскрытыми. То, что ему удалось захватить Генератор Пространства, только ускорило кризис, который переживал мир Нуль-А. После вторжения на Венеру побоище началось на Земле.

Плохо ли, хорошо ли, но сейчас началась или начнется ожесточенная битва между силами захватчиков и людьми, которые в состоянии противопоставить им лишь свой нуль-А путь развития. Госсейна охватило отчаяние. Если рассуждать логично, борьбу можно заранее считать проигранной. Он посмотрел на Литтла и увидел, что молодой человек еле держится на ногах. Поймав на себе взгляд Госсейна, он выпрямился.

— Я так волновался, — признался он, — что всю ночь не сомкнул глаз. Совсем вылетело из головы, что хотел купить сегодня пачку таблеток «антисон».

— Ложитесь и постарайтесь уснуть, — ответил Госсейн.

— Тогда я пропущу самое интересное. Ни за что!

Госсейн улыбнулся. Он объяснил, что исследование Генератора Пространства займет много

времени.

— Прежде всего необходимо обнаружить источник энергии, чтобы научиться включать и выключать прибор. Мне потребуются кое-какие инструменты, хотя бы самые простые, которыми вы пользовались, когда сдавали курс нуль-А физики. Где у вас мастерская? И не волнуйтесь, спите спокойно.

Через три минуты он остался один. Спешить было некуда. Пока что ему ничего не удалось добиться своей торопливостью. Мир, который он когда-то хотел спасти, рушился, рухнул у него на глазах.

Итак, с чего начать? Нужна зацепка, хоть небольшая. Ключик, который поможет раскрыть тайну генератора. Патриция говорила, что им запрещено пользоваться, кроме как для транспортировки. Не совсем понятно, ну да ладно. Он взял в руки энергосканер, подсоединил к нему датчик и посмотрел в увеличитель.

Прежде всего необходимо выявить провода под нагрузкой и попытаться найти какой-нибудь крупный узел. Ведь Генератор Пространства БЫЛ ВКЛЮЧЕН. Госсейн даже вздрогнул от изумления. Он не сомневался, что Машина первым делом выключит прибор, а потом уже начнет передавать

сообщение о вторжении на Венеру.

Прошло десять напряженных минут, а он так и не понял, где находится основной источник питания. Машина с помощью специальных приспособлений для взятия энергопроб в два счета разобралась бы, что к чему. Госсейн был лишен такой возможности. К тому же он практически обещал Литтлу, что все исследования они проделают вместе. Госсейн задумался и тоже решил лечь спать. Вполне возможно, что утром к ним придет Патриция Харди.

Когда он проснулся, было четыре часа дня. На кухонном столе лежала записка, в которой Литтл сообщал, что его автомобиль остается в полном распоряжении Госсейна. Кончалась она так:

«… по радио передавали об „оголтелых элементах“, которые саботируют „мирное производство“ и должны быть „безжалостно искоренены“ силами „охраны порядка“.

Если захотите кушать, в доме полно всякой всячины.

Буду в 12:30. Дин Литтл».

Наскоро перекусив, Госсейн вернулся в гостиную и посмотрел на лежащий на полу Генератор Пространства. Он был недоволен. «Слишком легко они могут найти меня, — подумал он. — По

крайней мере, два человека в городе знают, где я остановился».

Нельзя сказать, что он не доверял Патриции или Литтлу. До сих пор все их поступки говорили о глубокой порядочности. Но в который раз он зависел от других людей. Допустим, что-нибудь сорвется. Допустим, как раз в эту минуту Патриция Харди давала вынужденные показания о том, где Госсейн скрывается.

Он не мог выйти на улицу, пока не стемнеет. Значит, оставалось только заняться Генератором. Он нерешительно встал на колени и осторожно протянул руку, дотронулся до выступающей над остальными угловой трубки. Он сам не знал, что могло произойти, но приготовился к худшему. Трубка казалась слегка теплой на ощупь. Госсейн несколько раз провел по ней пальцами, стыдясь своей осторожности. «Если за мной придут, — подумал он, — рвану пригоршню деталей изо всех сил, чтобы захватчикам по крайней мере не досталась действующая модель».

Он сидел на корточках, исследуя прибор сканером, когда раздался телефонный звонок. Голос Лана Литтла дрожал от возбуждения.

— Я звоню из автомата. Только что в вечерней газете напечатано, что Патриция Харди

арестована полтора часа назад — это просто чудовищно! — по подозрению в убийстве своего отца. Мистер Уэнтворт, — голос Литтла прозвучал до странности робко, — сколько времени потребуется, чтобы заставить нуль-А человека заговорить?

— Кто знает, — ответил Госсейн. Его бил холодный озноб. Пока что Торсон не допустил ни одной ошибки. — Послушайте, — после короткой паузы сказал он, — решайте сами, стоит вам оставаться на работе до полуночи или нет. Если вам есть куда пойти, уходите немедленно. Если вам кажется, что вы можете вернуться домой, будьте предельно осторожны. Скорей всего я оставлю Генератор Пространства у вас. Сначала я попробую вынуть из него кое-какие детали, а затем... впрочем, неважно. Следите за объявлениями в газетах, подписанными «Гость Небрежный». И большое вам за все спасибо. Дан.

Он подождал и, не услышав никакого ответа, прервал разговор. Направившись прямо к Генератору Пространства, он наклонился, схватился рукой за угловую трубку, которая выдавалась примерно на дюйм над корпусом, и потянул ее вверх, прилагая все большее усилие. Безрезультатно.

Он толкнул ее в обратном направлении. Мо-

жет быть, она крепилась пружинками, которые сначала надо отжать. Раздался щелчок, и трубка плавно провалилась. В ту же секунду комната поплыла у него перед глазами, стала терять привычные очертания. Воздух задрожал рябью, подобно зеркальным водам озера, в которое бросили камень.

У него заболела голова. Он попытался нащупать трубку, чтобы вернуть ее в прежнее положение, но раскаленный металл обжег ему пальцы. Должно быть, на какое-то мгновение Госсейн потерял сознание, потому что очнулся от боли и понял, что падая, ударился о Генератор Пространства. Им овладело чувство легкости…

Госсейн открыл глаза. Он лежал на боку в кромешной тьме, вдыхая знакомый, не лишенный приятности, тяжелый запах растущего дерева. Вывод напрашивался сам собой, но ему стоило огромного труда убедить себя в том, что он не спит. Так пахло только в доме Крэнга.

Госсейн с трудом поднялся на ноги и чуть было не упал, споткнувшись о какой-то металлический предмет. Он протянул руку вперед и уперся в гладкую, уходящую вверх, стену. Да, сомнений не оставалось. Он находился в тоннеле, среди корней гигантского дерева Венеры.

26

Некритичный ум всегда уверен в своих знаниях, и это побуждает его питаться иллюзиями.

К.Т.К.

Прилив сил, вызванный неожиданным открытием, сменился апатией. Чувствуя слабость в ногах, он тяжело опустился на деревянный пол. Руки его дрожали.

Полная темнота действовала угнетающе, давила физически, мешала собраться с мыслями.

«Я могу, — сказал сам себе Госсейн, — две недели обходиться без пищи и три дня без воды».

Он внезапно подумал, что не считает свое положение безвыходным, несмотря на то, что очутился в запутанном лабиринте тоннелей. Вряд ли Генератор Пространства был настроен наугад. Поблизости обязательно должен находиться определенный пункт назначения, до которого легко добраться.

Он уже совсем собрался отправиться в путь, когда внезапно понял, какое необычайное происшествие с ним приключилось. Несколько минут

тому назад он был на Земле. Сейчас — на Венере.

Что говорил Прескотт? «Если энергии совпадают по своим показателям до двадцатого десятичного знака и действуют в одном пространстве, наибольшая из них перекроет расстояние между ними, хотя это произойдет не мгновенно, а на сверхсветовых скоростях».

С точки зрения Госсейна, его перемещение произошло мгновенно. Видимо, Генератор Пространства совместил высокоорганизованный пучок энергий, которым являлось его тело, с участком тоннеля в дереве, и «большее» перекрыло пространство к «меньшему».

Госсейн встал. «В конце концов я попал туда, куда хотел, на Венеру», — подумал он. Ему стало легче на душе. Он наделал кучу глупостей, но остался в живых. Ничего, на ошибках учатся. Ему удалось многое узнать, и если он будет придерживаться своего плана, то постепенно научится контролировать дополнительный мозг, срывая покровы тайн один за другим. Рано или поздно он станет новым человеком.

Небольшой отдых взбодрил его, позволил сделать необходимую нуль-А паузу, дающую возможность нервной системе приспособиться к сложившейся ситуации. Госсейн чувствовал себя

абсолютно спокойным.

Он вспомнил, что, оказавшись в тоннеле, споткнулся о какой-то предмет. Несмотря на темноту, он нащупал его за несколько секунд. Ну конечно же. Генератор Пространства. С крайней осторожностью он дотронулся до каждой из четырех угловых трубок по очереди. Одна из них так и осталась в крайнем нижнем положении. Госсейн задумался. Генератор наверняка подчинялся определенной заданной программе. С одной стороны, он препятствовал правильному функционированию Машины, с другой — служил средством транспортировки в отдаленные уголки Солнечной системы, возможно, в святая святых заговорщиков: штаб-квартиру, галактическую базу, склад атомных торпед.

Перед ним открывались самые широкие возможности. Но прежде всего необходимо выбраться из лабиринта. А там видно будет.

Он легко поднял Генератор Пространства и взвалил его на плечо.

«Пройду тысячу шагов в одном направлении, — решил он, — потом вернусь и сделаю тысячу шагов в другом. Вряд ли мне придется блуждать долго».

Примерно через триста шагов он увидел впе-

реди слабое мерцание. Круто изгибаясь, тоннель сворачивал еще трижды, но даже подойдя вплотную, он так и не понял, где находится источник света. Перед ним высилось ограждение.

Положив на пол неудобный прибор, Госсейн осторожно приблизился к металлическим прутьям. В последнюю минуту он на всякий случай опустился на колени и посмотрел вниз. Перед ним лежал гигантский котлован. Его покатые стены тускло блестели в свете атомных ламп, расположенных по всей периферии на ровном расстоянии друг от друга. Половину его занимал космический корабль.

О таком звездолете люди Земли могли только мечтать. Рассказывать о нем не имело смысла, все равно никто бы не поверил. Любой здравомыслящий человек отнесся бы к подобного рода фантазиям как к заявлению внезапно свихнувшегося инженера, который пришел домой после работы над обычным девяностофутовым межпланетным лайнером и сообщил своей жене: «А теперь, дорогая, я беру отпуск на пятьсот лет, нанимаю миллион чертежников и начинаю конструировать межзвездный корабль в две мили длиной».

Звездолет в ангаре был чуть меньших размеров.

Горбатый, как акула, он не доходил до потолка всего футов на сто. Рядом мог бы поместиться еще один корабль, но тогда они заняли бы собой все пространство в милю шириной.

Расстояние в две трети мили скрадывало детали, но Госсейн ясно видел крохотные фигурки, копошащиеся внизу под самым днищем. У него сложилось впечатление, что они занимаются погрузкой, передавая по живому конвейеру ящики, которые поступали с подземных этажей.

Неожиданно он понял, что корабль готовится к отлету Постепенно людей становилось все меньше и меньше. Затих далекий шум разговоров, прекратилось движение, наступила полная тишина. Госсейн молча ждал.

Сейчас на Венере ночь. Темнота необходима, чтобы старт остался незамеченным. Через мгновение потолок пещеры раскроется. Наверху, конечно, самая обычная лужайка, служившая неплохим камуфляжем. Все продумано до мелочей.

Ослепительно сверкающие прожекторы разом погасли. Тоже разумно. Яркий свет привлекает внимание, а чувствительные детекторы наверняка нацелены в небо, чтобы не пропустить ни одного звездолета с Земли, ни одного неопознан-

ного робоплана.

Но Госсейн ошибся. Пришел в движение не потолок пещеры, а космический корабль. Он начал светиться зеленоватым туманным сиянием, от которого слегка помутилось зрение, разболелась голова.

Госсейн вспомнил, что испытал нечто подобное, включив Генератор Пространства. «Звездолет! — подумал он. — Ну конечно же, его просто настроили на одну из галактических баз. Никаких отверстий в потолке нет». Неприятные ощущение кончились так же быстро, как начались. Гигантский корабль исчез.

В пещере зажглись четыре прожектора. Они сверкали, как миниатюрные солнца, но их белый огонь не в состоянии был проникнуть в самые отдаленные закоулки, которые оставались в полумраке.

Госсейн подобрал Генератор Пространства и пошел вдоль ограждения. Он плохо представлял себе, что делать дальше, но по крайней мере спускаться вниз он не собирался. Должен же быть какой-нибудь выход из лабиринта. Лестница, лифт — все что угодно.

Он оказался прав. Прямо на его пути возник ряд клеток шахт, но только в двух из них стояли лиф-

ты. Не думая, он схватился за ближайшую ручку. Дверь бесшумно и плавно отворилась. Госсейн смело вошел в кабинку и недоуменно уставился на панель управления, Вместо привычных кнопок он увидел перед собой двенадцать изогнутых трубочек. Госсейн побледнел. Он стоял в лифте Пространства! С его помощью можно проехать не только вверх или вниз, а попасть в самые различные пункты назначения. Даже застонав от огорчения, он посмотрел внимательней и с облегчением заметил, что каждая трубочка указывала в определенном направлении. Госсейн не стал колебаться. Приходилось рисковать. Он нажал на трубочку с заостренным вверх концом.

На этот раз он сделал попытку разобраться в своих ощущениях. У него ничего не вышло. Все его чувства временно притупились, и он не смог уловить никакого движения. Когда голова у него перестала кружиться, он огляделся по сторонам.

Он все еще находился внутри дерева, в просторном помещении с неровными стенами и куполообразным потолком. В небольшом отверстии сбоку видно было небо Венеры.

Госсейн спрятал Генератор Пространства в одном из самых темных углов и осторожно стал пробираться к источнику света. Подъем стано-

вился все круче, а естественный коридор сужался со всех сторон. Очень скоро он понял, что никогда не сможет пронести здесь Генератор Пространства. Эта мысль неприятно поразила Госсейна, но в конце концов он решил, что прежде всего необходимо связаться с жителями Венеры, а потом уже думать, как вызволить галактический прибор.

Последнюю треть пути он преодолел ползком, хватаясь за подгнившие выступы и подтягиваясь на руках. Сквозь дупло с рваными краями, наверняка не единственное в гигантском стволе, он выбрался на нижнюю ветку дерева и остановился, переводя дыхание.

Справа от него стоял венерианский лес, слева — раскинулась большая лужайка, скорей всего над космическим ангаром. Тщательно запомнив ориентиры, Госсейн пошел вперед.

Его охватило радостное возбуждение. Широкие ветки деревьев соединялись друг с другом, и, шагая по ним, как по проспекту, он испытывал ни с чем не сравнимое наслаждение. Наверное, жители Венеры часто совершали подобные прогулки. Он так и пойдет, от дерева к дереву, и миль через пять…

Кора под его ногами неожиданно провалилась.

Он упал на твердую поверхность. В ту же секунду люк над его головой захлопнулся, и он оказался в темноте. Пол, на котором он лежал, стал резко крениться вниз. Ему не за что было уцепиться, и он заскользил по плоскости, наклон которой достиг семидесяти градусов. Он попал в западню.

Госсейн не привык сдаваться без борьбы. Даже падая, он старался использовать малейшую возможность, чтобы задержаться, как-то встать, ухватиться за любую шероховатость в стене. У него ничего не вышло. Футов через тридцать его бросило в сторону, и с легким щелчком пол поднялся, превращаясь в потолок. Но и тогда он не успокоился. Присев на корточки, он изо всех сил прыгнул вверх, но ощутил под пальцами лишь пустоту. Спружинив ноги, чтобы не потерять равновесия, он заставил себя расслабиться, успокоиться, прекрасно понимая, что если выход существует, он обязан найти его именно сейчас, пока не поздно. А следовательно, необходимо сделать нуль-А паузу и начать рассуждать логично.

Не вызывало сомнений, что здесь сработала автоматика. Кора провалилась, как только он ступил на нее всей своей тяжестью. Пол накренился по той же причине. Неприятно другое: ловушка придумана людьми, а значит, подсоединена к

системе сигнализации. В его распоряжении совсем мало времени: когда начнут проверять, что случилось, отсюда будет уже не выбраться.

Он опустился на колени и осторожно пополз вперед. Буквально через несколько секунд он натолкнулся на ковер, справа от которого стояли небольшой шифоньер, столик, кресло и кровать. Спальня! Значит, здесь должен быть свет. На мгновение задумавшись, он поднялся на ноги. Выключатель на стене тихо щелкнул, и Госсейн впервые смог подробно рассмотреть свою тюрьму. С момента его падения прошло три минуты.

Не так и плохо. Две необъятных кровати занимали просторный альков розового дерева, за которым находилась гостиная, обставленная ничуть не хуже, чем в доме Крэнга. Повсюду висели картины, но Госсейн не успел их рассмотреть. Дверь медленно открылась. Выхватив пистолет, он попятился.

Перед ним стоял робот с бластером в руке. Из-за его спины прозвучал голос Торсона.

— Бросьте оружие, Госсейн, и не вздумайте сопротивляться. Это бессмысленно.

Ему оставалось только подчиниться. Солдаты тщательно обыскали его. Робот исчез, и в открытую дверь прошел Джим Торсон.

27

На металлическую площадку горы планеты Зверей приземлился космический корабль с послом Галактической Лиги на борту. Посол медленно подошел к парапету гигантского здания и печально взглянул на джунгли, простиравшиеся в четырех милях внизу.

«Видимо, от меня ждут, — подумал он, — что я приму участие в охоте с этими,

— он помедлил, пытаясь привести в порядок свои мысли, — извращенцами, которые ни в чем не знают удержу, и даже охотничьи домики строят величиной с город».

Голос за его спиной пробормотал:

— Сюда, господин посол. Охота начинается через час, и Энро согласился выслушать вас по пути.

— Передайте господину министру иностранных дел вашей империи, — твердо ответил посол, — что я только что прибыл и…

Он умолк, удержав слова отказа, готовые сорваться с губ. Успех его миссии зависел от проявленного такта, а любой представитель Лиги вряд ли добился бы цели, отклонив приглашение

императора шестидесяти тысяч звездных систем. Тихим голосом посол закончил фразу:

— … буду готов вовремя.

Это было кровожадное зрелище. Каждый охотник имел своего робота: каждого зверя стреляли из специального ружья. Роботы скользили бесшумно, не путаясь под ногами, исправно подавая людям оружие. Самых опасных животных окружали энергетическим экраном, чтобы охотники, не торопясь выбрали наиболее уязвимое место для стрельбы.

Один из зверей с мощным красивым телом, серебристой шкурой и копытами на ногах понял после первой попытки, что ему никуда не деться. Усевшись на землю, он жалобно завыл. Его убил сам Энро, попав точно в глаз. Несколько секунд зверь катался по траве, жалобно скуля и дергаясь, потом затих. Представление окончилось.

Когда они вернулись во дворец, который одновременно являлся местом сбора охотников и министерством иностранных дел, рыжеволосый гигант подошел к послу Галактической лиги.

— Прекрасный спорт, — проворчал он. — Вы не находите? Я заметил, вы почти не стреляли.

— Я первый раз на охоте, — признался посол. — Просто поразительно.

В какой-то степени он не соврал, разве что решил не договаривать. Это действительно было поразительно, ужасно, омерзительно, не поддавалось никакому описанию. Краешком глаза он заметил, что гигант иронически уставился на него.

— Представители Лиги все одинаковы, — заявил Энро. — Лига была организована девятнадцатью галактическими содружествами, которые в древности отдали дань бессмысленным войнам, ни к чему не ведущим и только уничтожающим людей. Основной закон Лиги — мир, который постепенно настолько прочно укрепился в нашем сознании, что ни один из нас не может думать иначе.

— Мне иногда кажется, — с гордостью произнес Энро, — что я предпочитаю войну, пусть самую разрушительную.

Посол промолчал, и через некоторое время Энро, глубокомысленно покусывая нижнюю губу, резко спросил:

— Итак, что вам угодно?

— Недавно мы узнали, — дипломатично ответил посол, — что ваше министерство путей сообщения несколько переусердствовало.

— Не понял?

— Я имею в виду звездную систему, которую се разумные обитатели называют Солнечной.

— Название ни о чем мне не говорит, — сухо заметил Энро.

Посол наклонил голову.

— Несомненно, сведения хранятся в вашем архиве, да и сама проблема достаточно проста. Примерно пятьсот лет тому назад ваше министерство создало там транзитную базу без разрешения Лиги. Солнечная система была открыта после подписания нами соглашений о разведке и эксплуатации новых звездных систем.

— Гм-м!

Взгляд императора стал еще более ироничен, и посол подумал: «Энро все знает!»

— Вы хотите сказать, что привезли нам разрешение оставить базу на месте? — спросил гигант.

— Ее надлежит немедленно свернуть, — твердо ответил посол Лиги, — согласно пунктам договора.

— Стоит ли ломать копья, — задумчиво произнес Энро. — Оставьте памятную записку секретарю министра, и я посмотрю, что можно сделать.

— Значит, я могу считать вопрос решенным? — спросил посол. — Вы свернете базу?

На лице Энро не дрогнул ни один мускул.

— Не обязательно. В конце концов, прошло много времени. Нам придется подбирать место для другой пересадочной станции. Если это окажется невозможным, мы обратимся к Лиге с просьбой разрешить нам пользоваться базой и впредь. Такие инциденты могут произойти где и с кем угодно — галактика велика. Мне кажется, тут надо действовать гибко и не забывать о прогрессе.

Посол, в свою очередь, иронически посмотрел на императора.

— Я уверен, что Ваше Величество первый заявил бы Лиге протест, если бы кто-нибудь другой вознамерился случайно присоединить к своим владениям еще одну звездную систему. Законы Лиги достаточно ясны. Сделавший ошибку обязан ее исправить.

Энро вспыхнул.

— Я вынесу этот вопрос на обсуждение на следующем заседании Лиги.

— Но оно состоится только через год.

Казалось, Энро не расслышал.

— Кажется, я припоминаю, — сказал он. — Маленькая система с кровожадными людишками. Сейчас там творятся какие-то беззакония — может быть, даже идет война. — Он хмуро улыб-

нулся. — Мы попросим, разрешения примирить враждующие стороны. Уверен, что делегаты Лиги одобрят столь разумный подход к делу.

28

Госсейн мрачно смотрел, как его враг входит в комнату. Лучше бы он попался Крэнгу или, на худой конец, Прескотту. Но перед ним стоял Джим Торсон — гигант с тяжелыми чертами лица, серо-зелеными глазами и ястребиным носом. Губы его слегка кривились в усмешке, ноздри раздувались при дыхании. Наклонив голову, он кивнул, приглашая Госсейна сесть в кресло, но сам остался стоять и с некоторым участием в голосе спросил:

— Вы не ушиблись при падении?

Госсейн пожал плечами.

— Нет.

— Это хорошо.

Наступило молчание, которое позволило Госсейну собраться с мыслями. Досадуя на свою неловкость, он постепенно начал успокаиваться. Ничего не поделаешь. Человек, попавший во вражеское логово, не имел преимуществ и находился в постоянной опасности. К тому же он не считал, что сделал ошибку, решив отправиться к

жителям Венеры.

Он внутренне собрался, пытаясь оценить обстановку. Как ни странно, до сих пор все его встречи с Торсоном кончались довольно благополучно. Несколько раз гигант даже принимал решения в его пользу. С самого начала он возражал против убийства Госсейна, а потом согласился отпустить его на свободу. Судя по всему, сейчас он тоже собирался сообщить нечто важное.

Торсон погладил себя по подбородку.

— Госсейн, — проговорил он, — наше наступление на Венеру находится в несколько странной стадии развития. При прочих равных условиях я бы даже сказал, что оно провалилось... Ах, я так и думал, что это вас заинтересует! Не бойтесь, у нас хватит и сил, и возможностей успешно завершить начатую операцию, но тем не менее ее окончательный исход целиком зависит от того, согласитесь вы на мое предложение или нет.

— Провалилось! — как эхо, повторил Госсейн.

Он перестал слушать дальше. «Наверное, я неправильно понял», — подумал он, никак не решаясь поверить в искренность Торсона. Сотни раз пытался он представить себе картину захвата Венеры, планеты мягкого климата и вечнозеленых деревьев, которая подверглась

решительному штурму со всех сторон. Десятки тысяч парашютистов, затмевающих небо! Миллионы венериан, захваченных врасплох обученными десантниками, владеющими всеми видами оружия! Казалось невероятным, что они могли потерпеть поражение.

— Кроме меня, никто не догадывается о неудаче, — медленно произнес Торсон. — Разве что, — он поколебался, — Крэнг. — На мгновение он нахмурился, как бы что-то обдумывая. — Госсейн, если бы вам поручили защищать Венеру от превосходящих сил противника, который теоретически обладает самым совершенным оружием уничтожения, как бы вы поступили?

Госсейн задумался. У него имелись кое-какие соображения на этот счет, но он не собирался высказывать их Торсону.

— Не знаю, — ответил он.

— Ну хорошо. Допустим, вторжение началось. Что вы предпримите?

— Убегу в ближайший лес.

— А если вы женаты? Куда вы денете жену и детей?

— Конечно, возьму их с собой.

Он начал понимать, что произошло. От волнения у него пересохло в горле.

Торсон выругался. Сжав правую руку в кулак, он что было сил ударил себя по ладони.

— Но к чему? — сердито вскричал он. — Ни один нормальный человек не лишит крова женщин и детей. Наши солдаты строго выполняли приказ не трогать мирных жителей и уничтожать только очаги сопротивления.

Госсейн кивнул, но сказать ничего не смог. В глазах его стояли слезы. Не вызывало сомнений, что агрессор поплатился за свою безумную затею. Он неуверенно спросил:

— Как им удалось достать оружие?

Торсон застонал и принялся мерить комнату шагами.

— Это — фантастика! — воскликнул он и, направившись к большому экрану, нажал на кнопку. — Вы должны знать, что произошло, прежде чем мы продолжим разговор. — Он пожал плечами.

Свет померк. Белый квадрат на стене вспыхнул. Появившееся изображение было настолько реальным, что захватывало дух. У Госсейна сложилось впечатление, что он глядит в окно и видит сцены из жизни самого обыденного дня. Окно переместилось вперед, повернулось; в нем появились гигантские деревья и поляна, на кото-

рой лежали тысячи людей в одинаковых зеленых формах из какого-то легкого материала. Казалось странным, что они легли спать засветло. Одни ворочались во сне и что-то бормотали, другие то и дело вскакивали, потирая глаза, потом опять укладывались на траву.

Между спящими ходили часовые. Воздух патрулировали небольшие робопланы, пушки которых как бы в нерешительности вертелись из стороны в сторону.

Двое солдат остановились прямо под «окном». Один из них заговорил на абсолютно незнакомом языке, не имеющем ничего общего с теми, которые Госсейну доводилось слышать. Он вздрогнул от неожиданности. Голос Торсона за его спиной мягко пояснил:

— Жители Альтаира. Мы не успели обучить их туземному языку.

Туземный язык! Госсейн промолчал. Все, что он думал о галактической империи и ее законах, неприлично было высказывать вслух.

Внезапно густая листва чуть заметно зашевелилась, и он понял, зачем Торсону понадобилось показывать ему эту любопытную сцену. Крохотные человеческие фигурки, едва различимые на фоне гигантских деревьев, подобно муравьям

спускались по коре вниз или прыгали с невысоких ветвей, как обезьяны, держа в руках короткие дубинки. Оказавшись на земле, они с дикими криками бросались вперед. Людской ручеек все тек и тек, превращаясь в речку, поток, водопад, наводнение. Венериане в коричневых рубашках и сандалиях заполнили собой весь лес, который кишел, как развороченный муравейник.

Первой отреагировала автоматика. Засверкали бластеры. Пушки добавили грохота к царившему повсюду бедламу. Сотни тел падали и больше не поднимались. Лагерь постепенно пробуждался. Солдаты с проклятьями вскакивали на ноги, хватая первое попавшееся под руку оружие. Люди с дубинками яростно кидались в бой; с каждой минутой их становилось все больше и больше. Программные устройства не справлялись с обилием поступающих сигналов: автоматические ружья практически перестали вести огонь, не получая необходимых команд. Яснее стали слышны голоса и шум битвы.

Неожиданно Госсейна осенило. Глядя на неуверенные движения и неловкие позы людей, он воскликнул:

— Боже мой, неужели они напали на лагерь ночью?

Теперь он и сам видел, что съемка шла в инфракрасных лучах, и даже удивился, что раньше не обратил внимания на разницу в освещении. Мрачный голос Торсона за его спиной произнес:

— Единственное время суток, когда никакое оружие не страшно. Приспособлением для видения в темноте тоже надо успеть воспользоваться. — Он застонал. — С ума можно сойти от этих идиотов, которых и солдатами не назовешь. Сброд какой-то. — Он ругался еще целую минуту не умолкая, потом замолчал и после короткой паузы спокойно проговорил:

— Зачем я так волнуюсь? Нападение произошло в первую же ночь и с тех пор повторялось в каждом лагере. Почти все погибли, ведь никто не ожидал, что невооруженные орды нападут на армию, владеющую самым современным оружием в галактике.

Госсейн не слушал Торсона. Как загипнотизированный, он смотрел на экран, Венериане были повсюду. Мертвые тела в три ряда лежали под деревьями. Солдаты империи практически перестали оказывать сопротивление. Ручные бластеры сверкали, но теперь они уже поменяли своих хозяев.

Через десять минут исход битвы более не вызы-

вал сомнений. Отряд целеустремленных людей с дубинками захватил современный военный лагерь со всей его техникой.

29

Когда победившие начали рыть могилы, чтобы похоронить павших, Торсон протянул руку и выключил экран. В комнате зажегся свет. Гигант посмотрел на часы.

— У меня остался примерно час до прихода Крэнга, — сказал он.

Какое-то мгновение он стоял нахмурившись, потом кивнул головой в сторону экрана, как бы продолжая прерванный разговор.

— Естественно, — сказал он, — мы немедленно послали подкрепление, а венериане не пытались захватить большие города. Они поставили перед собой цель вооружиться и добились своего. Сегодня четвертый день вторжения. Согласно утренней сводке, ими захвачено более тысячи двухсот звездолетов, другая тысяча уничтожена, военные склады разграблены, потеряно примерно два миллиона человек убитыми. Правда, их потери составляют десять миллионов — пять убитыми и пять ранеными, но, по моему мне-

нию, самое страшное для них позади, в то время как у нас, — он угрюмо улыбнулся, — настоящие неприятности только начинаются.

Торсон остановился в центре гостиной. Глаза его были непроницаемы. Он крепко закусил нижнюю губу.

— Госсейн, — сухо произнес он, — это неслыханно. За всю историю развития человечества галактика не знала подобных примеров. В завоеванных странах, на захваченных планетах и даже звездных системах люди в массе своей всегда подчинялись, смиряясь с неизбежным. Ненависть к победителю еще могла питать их умы на протяжении нескольких поколений, но наша пропаганда всегда брала свое, и очень скоро они начинали гордиться тем, что стали гражданами великой империи. — Он пожал плечами и пробормотал скорее самому себе: — Тактика, проверенная веками.

«Десять миллионов человек меньше чем за четыре дня», — в ужасе подумал Госсейн. Цифра настолько потрясла его, что он закрыл глаза. Потом медленно и сурово посмотрел на Торсона. Великая гордость и великая печаль переполняли все его существо. Правомочность нуль-А пути развития была доказана на практике, ее суще-

ствование оправдано погибшими в бою. Как один человек, жители Венеры мгновенно оценили обстановку и, ни секунды не колеблясь, стихийно поднялись на борьбу. Такая победа разума заставит задуматься не одного мыслящего человека во Вселенной.

Госсейн невольно прикинул, сколько миллиардов честных людей, ненавидящих войну, живет на порабощенных мирах галактической империи и, вздрогнув от неожиданно пришедшей в голову мысли, уставился на Торсона.

— Минутку, — медленно произнес он. — Зачем вы лжете? Как можно за такой короткий срок победить сверхдержаву, у которой солдат больше, чем людей в Солнечной системе? Почему бы им не посылать армию за армией, пока они не сотрут Венеру в порошок?

На лице Торсона появилось ироническое выражение.

— Именно это я и пытаюсь вам объяснить. — Не отрывая от Госсейна взгляда, гигант придвинул стул и уселся на него верхом, сложив руки на резной спинке. Все его поведение говорило о том, что он собирается сообщить нечто важное. — Друг мой, — сказал он мягким тоном, выдержав паузу, — попробуйте посмотреть на наши дей-

ствия со стороны. Великая Империя — кстати, это буквальный перевод на земной язык — является членом Галактической Лиги. Силы остальных содружеств превосходят наши примерно в три раза, но мы сильнее каждого из них в отдельности и обладаем мощью, равной которой не было и нет во всей Вселенной. Тем не менее мы не можем нарушать устав. Нами подписаны соглашения, которые ЗАПРЕЩАЮТ использовать Генератор Пространства, кроме как для транспортировки. Мы нарушили с его помощью ход ваших Игр. Договоры запрещают использовать атомную энергию, кроме как в мирных целях. Мы уничтожили Машину атомными торпедами. В уставе Лиги записано, что нет более тяжкого преступления во Вселенной, чем геноцид. Когда в бою погибает пять процентов населения — это война. Десять процентов — неоправданное убийство, и после вынесения Лигой приговора надлежит компенсировать пострадавшей стороне ущерб всеми доступными способами. Но уничтожение двадцати процентов или

— что все равно — двадцати миллионов человек — это геноцид. Если обвинение в геноциде доказано, какой бы силой и мощью ни обладало государство, оно будет объявлено вне закона.

Преступникам заочно выносится смертный приговор. Автоматически все члены Лиги находятся в состоянии войны с агрессором до тех пор, пока виновные не понесут наказания.

Мрачно улыбнувшись, Торсон умолк. Встав со стула, он нервно принялся мерить комнату шагами. Через минуту он остановился и посмотрел на Госсейна.

— Может быть, теперь вам станет ясно, какую проблему поставили перед нами жители Венеры. Через неделю, если мы не остановимся, каждый из нас станет отверженным либо начнется война со всей галактикой. — Улыбка его стала еще мрачнее. — Естественно, — сказал он, — я не отдам приказа об отступлении, пока не буду твердо знать, что обезопасил себя со всех сторон. А это, мой друг, зависит только от вас.

Госсейн медленно откинулся на спинку кресла. Вновь ему загадывали загадки. Он был потрясен услышанным, и эмоциональная реакция мешала ему думать. Его переполняла ненависть к галактической империи, которая рвалась к власти, переступая через человеческие жизни. Всем существом своим стремился он принять участие в битве, разделить великую жертву, которую принесли люди в борьбе с иноземными захватчи-

ками. Жажда действовать настолько захватила его, что он почти забыл, где находится.

Почти. Тренированная кора головного мозга обрела контроль над чувствами. Он мог принести куда больше пользы, сыграв предназначенную для него роль. Основой основ нуль-А принципов являлось утверждение, что на свете не существует двух одинаковых ситуаций. А следовательно, ему, Гилберту Госсейну II, человеку уникальному в силу особых обстоятельств, необходимо остаться в живых и научиться контролировать свой дополнительный мозг.

К тому же, несмотря на плен, откровенность Торсона вселяла надежду на успех. Он примет любое его предложение и попытается извлечь из него максимальную выгоду. Госсейн поднял голову.

— И все-таки я не понимаю, — медленно произнес гигант, — кто вы такой? — Взгляд его стал недоуменным. — Вы появились в критический момент, накануне сражения, очевидно, с тем, чтобы не допустить вторжения на Венеру. Я признаю, что это задержало нас, но ненадолго. В конечном итоге, вы ничем существенно нам не помешали. Даже поражение мы потерпели не благодаря вам, а из-за философии всей расы.

Он умолк. Голова его резко наклонилась набок, лицо приняло задумчивое выражение. Казалось, он целиком поглощен стоящей перед ним проблемой. Когда он вновь заговорил, его хриплый голос звучал неуверенно.

— И все же… все же должна существовать какая-то связь. Госсейн, как вы можете объяснить существование в одной ничем не примечательной Вселенной уникального нуль-А учения и уникального Гилберта Госсейна? Подождите. Не отвечайте! Позвольте мне высказать свои соображения по этому поводу. Сначала мы вас убили, но не намеренно. Просто решили, что легче списать вас со счетов, чем суетиться и устраивать мышиную возню. Это была глупость. Сама постановка вопроса показывает, насколько узко мы подошли к решению сложной проблемы. Когда Прескотт доложил, что вы появились на Венере, я сперва не поверил. Потом я приказал Крэнгу разыскать вас, а так как ваше согласие сотрудничать с нами являлось необходимым, я заставил Прескотта притвориться, что он организовал ваш побег. Заодно мы получили возможность избавиться от Лавуазье и Харди, а доктор Кэр, сам того не подозревая, выдал нам полную информацию о вашем дополнительном мозге. Приношу свои извине-

ния за несколько грубые методы работы, но нас встревожило и даже напугало ваше появление во втором теле. Бессмертие! — Он наклонился вперед. Взгляд его стал отсутствующим, как будто сама мысль о таком чуде потрясла его до глубины души. Казалось, он просто не понял, что назвал настоящее имя «Х». Лавуазье! Госсейн смутно помнил, что слышит его не в первый раз. — Кто-то раскрыл тайну человеческого бессмертия, — продолжал Торсон. — Тайну жизни, для которой не существует никаких преград. Разве что, — тут он презрительно улыбнулся, — найдется такая сила, которая уничтожит все дубли еще в зародыше.

Он умолк и посмотрел на своего собеседника исподлобья.

— Вам, безусловно, интересно, где мы нашли тело Гилберта Госсейна III. Откровенно говоря, я всегда подозрительно относился к Лавуазье. Мне казалось несерьезным, что сразу же после аварии он переметнулся на нашу сторону и стал ярым преследователем нуль-А учения. Поэтому я нанес визит в Институт Семантики на площади Коржибского и…

Он вновь умолк, как бы поддразнивая Госсейна, который невольно воскликнул:

— Вы нашли его ТАМ? — Он не стал ждать

ответа. Сотни мыслей толпились в его мозгу. — Лавуазье? — переспросил он. — Вы хотите сказать, что «Х» и Лавуазье, директор Института Семантики, одно и то же лицо.

— Два года назад газеты пестрели сообщениями об автомобильной катастрофе, — ответил Торсон. — Правда, мало кто знал, к каким страшным последствиям она привела. Впрочем, это уже пройденный этап. Важно, что в одной из лабораторий хранилось ваше третье тело. Ученые института доказывали с пеной у рта, что его доставили им всего несколько дней назад для передачи Машине. Они утверждали, что связывались с ней по своим обычным каналам, и она подтвердила, что пришлет за телом грузовик через неделю-другую. Можете мне поверить, я отнюдь не намеревался УНИЧТОЖИТЬ его, но когда мои люди попытались вскрыть прозрачный пластиковый контейнер, произошел взрыв.

Ни на секунду не отрывая взгляда от Госсейна, Торсон пододвинул к себе кресло и тяжело опустился на мягкое сиденье.

— Вот и все, друг мой, — звенящим голосом произнес он. — Уверяю вас, что Госсейн III существовал на самом деле. Я видел его собственными глазами, и он был точной вашей и Гилберта Гос-

сейна I копией. И только поэтому я согласился рискнуть всей своей карьерой.

Казалось, решившись наконец открыть свой секрет, Торсон испытал огромное облегчение. Он доверительно наклонился вперед.

— Госсейн, я думаю, что вы узнали о себе многое. Я совсем не такой дурак и прекрасно видел, как мои подчиненные снабжали вас информацией в надежде на выгодную сделку. Бог с ними. — Он махнул рукой. — Госсейн, все, что я рассказал вам о законах Лиги, абсолютная правда. Но как вы, наверное, уже догадались, они не имеют для вас принципиального значения. — Он сделал паузу с видом человека, готового поделиться сведениями чрезвычайной важности. — Мы нарушили договоры намеренно. — Он глубоко вздохнул, прочнее уселся в кресло и угрюмо произнес: — Энро надоели заповеди и наставления. Он предпочитает развязать невиданную доселе войну и передал мне инструкции, в которых приказал уничтожить всех нуль-А жителей Венеры, с тем чтобы спровоцировать галактические содружества. Госсейн, я не выполню приказ!

Госсейн не удивился. Он давно понял, к чему клонил Торсон. Все его разговоры сводились к тому, чтобы загнать Госсейна в тупик, под-

сказать ему единственно возможное решение. Парадокс заключался в другом. Торсон, сам того не подозревая, наконец-то объяснил причину, по которой на свет появились многочисленные Гилберты Госсейны. Предводитель неслыханной военной машины, полным ходом запущенной на уничтожение, отказался от намеченной цели, как только его поманили картиной бессмертия, по сравнению с которой любая, самая блестящая, карьера казалась ничтожной. Многое оставалось непонятным, но не вызывало никаких сомнений, что вторичное появление Госсейна воспрепятствовало исполнению чудовищных планов по уничтожению человечества.

— Госсейн, мы просто обязаны найти вашего космического шахматиста! — воскликнул Торсон. — Нет, я не оговорился, именно «мы». Надеюсь, вы понимаете, что не в ваших интересах остаться в стороне. Вы не могли не задумываться над тем, что являетесь всего лишь недоразвитой версией оригинала. Научитесь вы или нет контролировать свой дополнительный мозг, не играет роли, ведь скорей всего вы никогда не узнаете, какую цель преследовал человек, вас создавший. И не забывайте, что мы лишь временно остановили его, и как только он начнет… произ-

водство новых тел, вы вновь станете ненужным. Это звучит ужасно, я знаю, но с какой стати тешиться иллюзиями? Каких бы успехов вы сейчас ни добились, вас в любом случае выбросят на помойку, а после того, как мы уничтожили ваше третье тело, вряд ли в новом мозгу сохранятся воспоминания Гилберта Госсейна I.

Выражение лица гиганта, напряженное и расчетливое, читалось, как на ладони. Он продолжал говорить слегка охрипшим голосом:

— Естественно, я готов заплатить за вашу помощь. Я не уничтожу Венеру. Откажусь от применения ядерного оружия. Порву отношения с Энро или, по крайней мере, постараюсь как можно дольше держать его в неведении. Буду вести войну лишь ограниченными средствами. И все это я готов сделать в обмен на ваше согласие добровольно сотрудничать с нами. В противном случае я перестану считать себя связанным какими-либо обязательствами. Итак, мне остается спросить вас, — серо-зеленые глаза горели, как угли, — согласны вы помочь нам добровольно? Потому что все равно мы вас заставим!

Зная, о чем пойдет разговор, Госсейн заранее подготовился и обдумал последствия своего решения. Не колеблясь ни секунды, он ответил:

— Конечно, согласен. Но я надеюсь, вы понимаете, что прежде всего мне необходимо научиться контролировать дополнительный мозг? Готовы ли вы быть логичным до конца и предоставить мне такую возможность?

Торсон вскочил на ноги. Подойдя к Госсейну, он потрепал его по плечу.

— Я предусмотрел все, — сказал он звенящим голосом. — Мы наладили транспортную межпланетную связь. Через несколько минут сюда прибудут Крэнг с доктором Кэром. Прескотт вылетит завтра на обычном звездолете, чтобы наши сторонники на Земле не подумали чего лишнего. Он назначен управляющим Венерой. Но…

Раздался стук в дверь, и следом за доктором Кэром в комнату вошел Крэнг. Торсон приветливо кивнул головой, а Госсейн поднялся в кресла и молча обменялся рукопожатием с психиатром. Торсон и Крэнг о чем-то пошептались, и гигант тут же стал прощаться.

— Я оставляю вас наедине, чтобы вы не торопясь обсудили конкретный план действий. Крэнг сообщил мне, что на Земле началась мировая революция, и я срочно должен вернуться во дворец президента.

Дверь за ним закрылась.

30

— Кто кого, — сказал доктор Кэр. — Но я готов поставить на ваш дополнительный мозг.

Они проговорили больше часа, и Крэнг лишь изредка вставлял свои замечания. Госсейн, недоумевая и чувствуя себя не совсем уверенно, следил на ним краешком глаза. По словам Кэра, выходило, что именно Крэнг разыскал и арестовал его. Само собой, Крэнг должен был делать вид, что он кровожадный злодей, но слишком уж умело он притворялся. Госсейн решил пока не спрашивать его о Патриции Харди. Кэр поднялся с кресла.

— Итак, начнем, — сказал психиатр. — Насколько я понимаю, техники галактической базы подготовили для вас специальное помещение. Судя по совершенству их аппаратуры, не думаю, что ваше обучение займет много времени. — Он удивленно покачал головой. — Никак не могу поверить, что под землей дома Крэнга расположен большой город, чуть ли в несколько квадратных миль. Ладно, не будем отвлекаться. — Он нахмурился. — Ваш дополнительный мозг, — задумчиво произнес он, — является естественным

Генератором Пространства со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мне кажется, что дня через три-четыре вы уже сумеете перемещать небольшие предметы.

Но ему потребовалось всего два дня.

После эксперимента, оставшись один в темной лаборатории, Госсейн молча сидел и смотрел на деревянные кубики, расположенные на расстоянии трех сантиметров друг от друга. Он не заметил никакого движения, но внезапно их грани соприкоснулись. Сфокусированный луч света с абсолютной точностью указывал на совершившееся перемещение, хотя сам Госсейн ничего не почувствовал. Каким-то образом сила мысли его дополнительного мозга осуществила контроль над материей. Свершилась извечная мечта человечества.

Пока что он добился этого не самостоятельно. Было сделано все возможное, чтобы изготовить два одинаковых кубика. И тем не менее за два прошедших дня они изменились. Несмотря на принятые меры предосторожности, на них повлияло тепло его тела, свет, темнота, множество самых разнообразных причин. Без помощи Генератора Пространства он вообще не мог рассчитывать на успех. Прибор отождествил кубики

до девятнадцатого десятичного знака. Он почти прекратил молекулярное движение воздуха в комнате, оказав воздействие на стол, кресло, в котором сидел Госсейн, и самого Госсейна.

И тем не менее конечный импульс исходил от человека. Начало было положено.

Госсейн вышел из лаборатории и увидел Торсона, который прибыл с Земли, чтобы помочь доктору Кэру. Опыты продолжались. На фотографии появились тысячи крошечных светлых лучиков, которые тонкими нитями протянулись к его дополнительному мозгу.

Вконец измученный Госсейн едва нашел в себе силы, чтобы встать и отправиться в отведенное ему помещение. Шагая по направлению к лифту, он заметил, что, кроме обычных солдат сопровождения, над ним кружится какой-то металлический шар с массой электронных трубочек. Прескотт, назначенный начальником охраны, поймал его взгляд.

— Вибратор, — холодно пояснил он. — Крэнг не забыл слов Кэра «кто кого», а мы не собираемся рисковать. Вибратор производит незначительные изменения в атомной структуре стен, потолка, пола, земли, всех окружающих предметов. Теперь он будет сопровождать вас повсюду. —

Прескотт повысил голос. — Необходимая мера предосторожности, если учесть, что скоро вы сможете перемещаться в пространстве из своей комнаты в любое место, которое вам предварительно удалось «запомнить».

Госсейн ничего не ответил. Он никогда не пытался скрыть своей неприязни к Прескотту, и сейчас лишь молча посмотрел на него. Прескотт пожал плечами, взглянул на часы и, скривив губы в усмешке, многозначительно произнес:

— В наши намерения, Госсейн, входит застраховаться от вас всеми доступными способами. Так что вас ждет небольшой сюрприз.

Продолжая недоумевать по поводу столь загадочных слов, Госсейн принял ванну, выключил верхний свет и переоделся в пижаму. Когда он подошел к двум кроватям в алькове, одно из одеял шевельнулось. Заспанные глаза уставились на него. Несмотря на царивший полумрак, Госсейн сразу узнал знакомое лицо. Грациозным движением девушка села, подобрав под себя ноги, и зевнула.

— Я вам еще не надоела? — спросила Патриция Харди.

31

Госсейн присел на край постели. У него словно гора с плеч свалилась, но когда первое волнение улеглось, он неожиданно вспомнил Прескотта.

— Значит, если я попытаюсь убежать, вас убьют, — медленно сказал он.

Она сразу посерьезнела и кивнула в ответ.

— Идея принадлежит мистеру Крэнгу.

Госсейн уселся на кровать и молча уставился в потолок. Опять Крэнг. Видимо, Торсон хотел устранить Патрицию, и Крэнг предложил компромиссное решение, чтобы спасти се жизнь, а самому остаться вне подозрений. Он представил себе, как Крэнг убеждает Торсона, что Гилберт Госсейн считал себя когда-то мужем этой женщины, а значит, у него должны остаться в ней теплые чувства.

«Бесподобный Элдред Крэнг, — подумал Госсейн. — Единственный человек, который пока что не допустил ни одной ошибки». Чуть скосив глаза, он посмотрел на Патрицию. Она зевнула и потянулась, как довольная кошечка. Внезапно она повернулась в его сторону.

— Разве вам не о чем меня спросить? — ска-

зала она.

Он задумался. Само собой, лучше не упоминать о Крэнге. И он понятия не имел, что произошло у нес с Торсоном.

— Мне кажется, — осторожно проговорил Госсейн, — что я теперь более или менее осведомлен о создавшемся положении. Мы стили жертвой жадной галактической империи, пытающейся присоединить к своим владениям еще одну Солнечную систему, несмотря на неудовольствие так называемой Галактической Лиги. И если бы не огромное количество жертв, можно было посмеяться и посочувствовать неврастеничной цивилизации, которой не удалось разработать методов контроля над головным мозгом и научиться разграничивать животные ощущения от человеческих. Тысячи лет их технического прогресса преследовали цель захвата власти и расширения на принципах уважения и сотрудничества, как с государственными, так и с отдельными личностями. Да, картина мне ясна. Теперь остается только выяснить, какую роль в ней играют некоторые люди. Например, вы.

— Я — ваша жена, — ответила девушка.

И Госсейн почувствовал раздражение, что она может шутить в такое время.

— Вы не считаете, — с упреком в голосе сказал он, — что здесь не место для подобных заявлений. Подслушивающие аппараты…

Она мягко рассмеялась, потом ответила ему серьезным тоном:

— Друг мой, Торсона водит за нос один из самых умных людей, которых я когда-либо встречала. Элдред Крэнг. Уверяю вас, он позаботился о том, чтобы наши разговоры не прослушивались.

Госсейн промолчал. В голосе ее проскальзывали нотки явного восхищения своим любовником.

— Не знаю, — медленно проговорила Патриция, — сможет ли Элдред продержаться до конца и защитить нас в случае необходимости. Когда Торсон добьется своего, он убьет нас, не моргнув глазом, так же безжалостно, как отца и «Х». Если человек, стоящий за вами, не придет нам на выручку, можете считать, что все мы покойники.

Ее уверенность подействовала на Госсейна самым странным образом. Совершенно очевидно, она абсолютно не верила в возможности Гилберта Госсейна II. Неужели они рассчитывали только на загадочного незнакомца? Возможно ли, что Крэнг не строил никаких планов на тот случай, если Госсейн научится управлять дополнительным мозгом? Свой последний вопрос он

задал девушке.

— Нет, — ответила Патриция Харди. — Если это произойдет, вы сами должны решить, что делать.

Госсейн выключил свет.

— Патриция, — сказал он в темноту, — вы считаете, я допустил ошибку, согласившись сотрудничать с Торсоном?

— Может быть.

— Мы найдем этого неизвестного, я уверен.

Чуть поколебавшись, она ответила:

— Элдред тоже так думает.

Опять Элдред. К черту Элдреда.

— Почему Крэнг не предупредил вашего отца?

— Он сам не знал, что они затевают.

— Вы хотите сказать, что Торсон подозревает его?

— Нет. Но «Х» был человеком Крэнга. Естественно, Торсон решил, что Крэнг будет противиться его уничтожению и поэтому договорился с Прескоттом.

— «Х» был человеком Крэнга? — мягко переспросил Госсейн.

— Да.

Он всегда считал, что чудовищная эгоцентричность развилась в Лавуазье из-за страшных

последствий катастрофы. И тем не менее Торсон почуял неладное.

— Мне кажется, — мрачно сказал Госсейн после долгой паузы, — что вся оппозиция Энро строится на махинациях Элдреда Крэнга. — Он умолк. А ведь на самом деле похоже, что он недалек от истины. В мозгу Госсейна молнией блеснула мысль.

— Может быть, Крэнг и есть неизвестный космический шахматист?

Патриция ответила мгновенно:

— Нет.

— Откуда вы знаете?

— Он показывал мне свои детские фотографии.

— Подделка, — предположил Госсейн.

Она промолчала, и, выждав несколько секунд, он переменил тему разговора.

— Кем был ваш отец?

— Мой отец, — тихо ответила она, — считал, что Машина несправедливо отказала ему в продвижении, несмотря на его незаурядные знания и огромный опыт. Когда я была маленькая, я разделяла его негодование и даже решила не проходить курс нуль-А обучения. Но он зашел слишком далеко. Я начала понимать, что за необыкновенной личностью — а в этом вы вряд

ли можете ему отказать — кроется человек, который безразлично относится к последствию своих поступков, и тайно взбунтовалась. Когда полтора года назад на сцене появился Элдред, сделавший неслыханно быструю карьеру в дипломатических кругах Великой Империи, я впервые вошла в контакт с Галактической Лигой.

— Он представитель Лиги?

— Нет. — В голосе ее прозвучала гордость. — Элдред Крэнг — это Элдред Крэнг, человек уникальный. Но на Лигу я вышла через него.

— И стали ее агентом?

— В каком-то смысле да.

— Что вы имеете в виду?

— Лига, — ответила Патриция, — обладает множеством недостатков. Принятие определенных решений зависит от отношения к проблеме отдельных содружеств. Вы не представляете, как легко пожертвовать одной звездной системой ради общего спокойствия. Я никогда об этом не забывала и делала все возможное для Земли и только для Земли, пользуясь привилегиями агента Лиги. Содружествам известно наше нуль-А учение, но им не удалось привить его нигде по всей галактике. Различные правительства отождествляют его с пацифизмом и просто не

могут поверить, что на свете существует такая полная гармония мыслей, при которой человек мгновенно приспосабливается к обстановке, включая военную.

Госсейн кивнул, вспоминая рассказ Торсона. Он давно понял, почему Энро выбрал для вторжения отдаленную Солнечную систему. Уничтожение мирных жителей, в нарушение всех договоров Лиги, неизбежно приведет к межзвездной войне, о которой император давно мечтал.

— Именно Элдред, — продолжала Патриция, — обнаружил, что в результате аварии великий ученый, директор Института Семантики, превратился в кровожадного маньяка, которого вы знали под именем «Х». Он думал, что Лавуазье выздоровеет и станет неоценимым союзником, но, к сожалению, ошибся.

Опять Элдред. Госсейн вздохнул.

Молчание затянулось. С каждой минутой Госсейн мрачнел все больше. Он не строил никаких иллюзий. Жадность Торсона заставила его свернуть в сторону от намеченной цели, но это лишь спокойствие перед бурей. Получив короткую передышку, венериане успеют как следует вооружиться, а у Лиги появится несколько недель, в течение которых они могут понять, что Энро со-

бирается развязать галактическую войну. Торсон постарается как можно дольше вести двойную игру, но если только он почувствует, что его жизни грозит опасность, то мгновенно отдаст приказ и превратит Венеру в атомную пустыню.

Нет, нельзя ожидать чуда и сидеть сложа руки, полагаясь только на неизвестного. Каким бы могуществом тот ни обладал, он мог рассчитывать лишь на несведущих помощников, вроде Госсейна, которые вряд ли могли противостоять кровожадной Галактической Империи. Надо что-то предпринять.

В эту минуту в голове его созрел отчаянный план действий.

32

Еще через два дня, сидя в темной лаборатории, он совместил два луча света без помощи Генератора Пространства. Когда Госсейна попросили объяснить, что он чувствовал, ответ получился невразумительным: «Двигаешь рукой, как загипнотизированный, а кажется, что это делает за тебя кто-то другой». Его нервная система получила новый импульс; сознание расширилось.

Шло время, странные покалывания в организ-

ме становились явственней, он учился контролировать свои ощущения. Он стал различать всевозможные энергии, движение, предметы и вскоре мог назвать каждый из них с закрытыми глазами и не задумываясь. В присутствии людей тепло разливалось по всему его телу. Он реагировал на неизмеримо ничтожные импульсы, а на шестой день выделял доктора Кэра из окружающих по исходившей от него «дружелюбности». К тому же он заметил, что легко воспринимает волнение психиатра за его дальнейшую судьбу.

Поняв, что получил возможность разбираться в эмоциях, Госсейн тут же принялся за Крэнга, Торсона и Прескотта. Ненавидел его один лишь Прескотт. «Он никогда не забудет, — подумал Госсейн, — о пережитом страхе и о том, как я обманул его тогда во дворце». Торсон был самым настоящим Макиавелли, оставаясь строго нейтральным в отношении к пленнику. Крайняя осторожность сочеталась в нем с решительностью. Крэнг вообще не давал волю чувствам. Видимо, галактический агент постоянно находился в напряжении и боялся раскрыться даже перед самим собой.

Больше всех его поразила Патриция. Ничего. Вновь и вновь он пытался войти в контакт с

ее нервной системой. Безрезультатно. В конце концов Госсейн решил, что он в состоянии воспринимать лишь мужское начало.

В течение последующих дней он разработал свой план до мельчайших подробностей. Поразмыслив, он пришел к выводу, что картину создавшегося положения обрисовали ему люди, пользующиеся чисто Аристотелевыми представлениями и понятиями. Нельзя забывать, что даже Крэнг не получил в детстве воспитания, позволяющего добиться полного контроля над мозгом.

В рассуждениях Госсейна имелись неувязки, но одновременно многое становилось понятным. Загадочный незнакомец теперь уже казался ему не всемогущим волшебником, а самым обычным человеком, открывшим тайну бессмертия, который пытался по мере сил бороться с галактической империей. Не вызывайте сомнений, что его мало беспокоит, уничтожат или нет очередное тело Гилберта Госсейна. В крайнем случае он просто смирится с поражением и начнет новую разработку, исходя из сложившийся ситуации.

Ну и черт с ним!

В полдень того дня, когда проводился эксперимент с большим кубиком, Госсейн решил отключить вибратор. Его поразила сложность

схем и множество самых разнообразных волновых энергий, пульсирующих по бесконечным трубочкам. В конце концов он добился своего и, взяв прибор в руки, теперь уже попытался одновременно нейтрализовать его и запомнить атомную структуру пола, на котором стоял. У него ничего не вышло. Он мог контролировать либо вибратор, либо пол, но не то и другое вместе. И заговорщики это прекрасно знали.

На девятнадцатый день ему дали металлический стержень из сверхпрочной электронной стали, а в противоположном конце лаборатории поместили небольшой генератор. Сейчас он уже действовал осмысленно. Молния — казалось, вылетевшая из руки — полоснула по стене, потолку, энергетическому экрану, за которым стояли наблюдатели. Содрогнувшись, Госсейн прервал совпадение энергий до двадцатого десятичного знака и, не сопротивляясь, отдал стержень специально посланному за ним солдату. Только тогда Торсон вышел из-за экрана. У гиганта было явно хорошее настроение.

— Что ж, мистер Госсейн, — сказал он с уважением в голосе, — с нашей стороны просто глупо продолжать дальнейшее обучение. Не то чтобы я не доверял вам… — Он рассмеялся. — В конце кон-

цов я уверен, что теперь вам под силу разыскать нужного нам человека. — Он резко переменил тему разговора. — Мы вылетаем на Землю. Укладывайтесь. В вашем распоряжении ровно час.

Госсейн рассеянно кивнул. Через несколько минут у дверей лифта он смотрел, как трое солдат осторожно заносят внутрь вибратор. Прескотт жестом пригласил его зайти в кабинку. Солдаты столпились гурьбой в тесном пространстве; Прескотт подошел к панели управления. Резким, конвульсивным движением Госсейн обхватил его за плечи и изо всех сил ударил головой о металлическую стенку. Выхватывая бластер из кобуры, он отпустил безжизненно падающее тело и нажал первую попавшуюся трубочку.

Как всегда, сознание на мгновение помутилось. Когда он пришел в себя, из его бластера вылетела огненная струя и охранники свалились как подкошенные.

Первая стадия отчаянного плана увенчалась полным успехом.

33

Расстегнув молнию, Госсейн снял с себя комбинезон. Он подозревал, что в ткань вшиты были

различные электронные приспособления, а с помощью одного из них

— он твердо это знал — не составляло труда парализовать человека на расстоянии. Раздевшись, он почувствовал облегчение, но прежде чем начать действовать, быстро переоделся в костюм Прескотта.

Первая остановки ему требовалась только для того, чтобы избавиться от вибратора. Открыв дверцу лифта, он осторожно вытолкнул прибор, а вслед за ним довольно бесцеремонно вышвырнул четыре трупа. Самое главное — не задерживаться. Нажав на очередную трубочку, он вновь очутился в незнакомом коридоре. Как и в первом, здесь не было ни одной живой души. Госсейн «запомнил» структуру участка пола рядом с шахтой лифта и дал ему кодовое обозначение: один. Пробежав футов сто и свернув за угол, он повторил всю процедуру сначала, поменяв лишь кодовое обозначение на «А». Остановившись, он подумал: «Один!»

В ту же секунду он оказался рядом с лифтом.

Его захлестнуло радостное чувство, подобного которому он никогда раньше не испытывал. Только бы успеть! Кодовые обозначения, которые он дал участкам следующего коридора, были «2»

и «Б» соответственно… В четвертом коридоре навстречу ему попался человек. Не задумываясь, Госсейн выстрелил.

Больше он никого не встретил. И хотя он нигде не задерживался, прошло не менее получаса, прежде чем он добился поставленной перед собой цели, «запомнив» десять кодовых названий от единицы, столько же от «А» и, кроме того, все электрические розетки, обозначив их математическими символами.

Пришла пора возвращаться домой. Похоже, побег его пока остался незамеченным. Госсейн заставил себя успокоиться. Не слишком густо, но для отступления у него имелось восемнадцать разных мест, а его дополнительный мозг мог пользоваться энергией из сорока одного источника. Он заметил, что руки его слегка дрожат, а лоб покрылся испариной. Вполне естественная реакция, если учесть, сколько сил пришлось затратить. Не пройдет и тридцати минут, как ему придется дать решительный бой, начать военную кампанию, которую никогда не вел один-единственный человек. Через час станет известно, победит он или погибнет, теперь уже навсегда.

Он открыл дверь и осторожно вошел в комнату.

Патриция Харди вскочила с кресла и кинулась ему навстречу.

— О господи, — воскликнула она. — Где вы пропадали? Сюда приходил Элдред.

Не похоже было, что она догадывается о случившемся, но ее тон потряс Госсейна. Внезапно он все понял.

— Крэнг! — Ему показалось, что на него обрушился потолок.

— Он велел передать вам последние инструкции.

— О боже! — вырвалось у Госсейна.

Он почувствовал слабость в ногах. Он все время ждал, надеялся, что им наконец начнут разумно руководить. Он намеренно затягивал выполнение своего плана до самой последней минуты. А теперь… Девушка взволнованно произнесла:

— Он сказал, — голос ее упал до шепота, — чтобы вы притворились, будто вас непреодолимо тянет в Институт Семантики и вошли там в контакт с… с… — Она покачнулась, почти теряя сознание.

Госсейн подхватил ее и потряс за плечи.

— Да, да. С кем?

— С бородачом! — выдохнула она. — Дальше вы будете делать то, что он прикажет. — Она

выпрямилась. — Трудно поверить, что Элдред… все время знал о его существовании.

— Но кто он такой?

— Элдред не сказал.

Госсейн еле сдерживался, чтобы не вспылить. В душе его нарастала ярость. Его бросили на произвол судьбы, тем самым вынудив к бессмысленным действиям. Как расхлебать заварившуюся кашу? Огромным усилием воли он заставил себя собраться с мыслями. Патриция не должна подозревать, что произошло, по крайней мере до тех пор, пока всего не расскажет.

— Что задумал Крэнг?

— Торсона необходимо убрать.

— Понятно. А потом?

— Элдред, как его первый помощник, примет командование армией. — Она говорила быстро, взахлеб. — В нашем секторе галактики под началом Торсона сто миллионов солдат. Если Энро их лишится, ему потребуется не меньше года, чтобы организовать новое нападение на Солнечную систему.

Госсейн бессильно опустился на ближайшее кресло. По своей логической завершенности блестящий план Крэнга был бесподобен. Сам Госсейн тоже намеревался убить Торсона, но он заранее

предполагал, что такая попытка обречена на провал, и стремился в основном уничтожить галактическую базу. Да, ему оставалось лишь восхищаться Крэнгом. Теперь понятно, почему тот ни во что не вмешивался и не попытался предупредить жителей Венеры.

— Элдред считает, — вновь заговорила Патриция Харди, — что Торсон обезопасил себя со всех сторон, и здесь вам не удастся с ним покончить. На него следует напасть где-нибудь в другом месте.

Госсейн устало кивнул. Если разобраться, план Крэнга был не менее отчаянным, чем его собственный. И столь же неопределенным. Он поднял голову.

— Больше Элдред ничего не сказал?

— Нет.

«Не слишком ли много от меня хотят, — с горечью подумал Госсейн, — в очередной раз требуя слепого повиновения?» Допустим даже, он сумеет выполнить задание Крэнга. Для этого ему прежде всего придется сдаться в плен и хотя бы для виду оказать сопротивление. А значит, все, чего он добился, пошло насмарку. За ним установят куда более тщательное наблюдение, и ему останется лишь надеяться на неизвестного бородача, ко-

торый якобы может помешать захватчикам. Он посмотрел на девушку.

— Патриция, кто такой Крэнг?

Она не отвела взгляда.

— Неужели не догадываетесь?

— Не знаю, — ответил Госсейн. — Мне трудно понять, как ему удалось добиться столь высокого положения. Но если среди галактических цивилизаций много таких, как он, лучше нам перейти к их системе общего образования.

— Все значительно проще, — спокойно ответила девушка. — Крэнг — землянин, и пять лет тому назад, работая на Венере детективом, заподозрил своего помощника, который явно не прошел курса нуль-А обучения. Вполне естественно, ведь его подослал Прескотт. Именно тогда Элдред впервые узнал о заговоре, но решил вести себя крайне осторожно и даже никого не предупредил, прекрасно понимая, что противника нельзя недооценивать. Следующие несколько лет он провел в космосе, на службе Великой Империи, приспосабливаясь к обстановке, входя в доверие к вышестоящим, безжалостно расправляясь с конкурентами, не останавливаясь ни перед чем, чтобы занять свой высокий пост. Сам он считает, что продолжает вести расследование, которое

начал, будучи простым венерианским детективом, и…

— Расследование! — не выдержав, воскликнул Госсейн. От его сомнений не осталось и следа. Элдред Крэнг, простой венерианский нуль-А детектив, предложил план действия, располагая, несомненно, куда более полной информацией, чем Гилберт Госсейн. А следовательно, он поторопился, и теперь ему остается утешаться только тем, что скоро он узнает имя неизвестного, открывшего тайну бессмертия.

Он сделает вид, что сопротивляется, но позволит им довольно быстро захватить себя в плен. Ему придется пережить несколько неприятных минут, в особенности если его будут допрашивать с помощью детектора лжи. Ничего не поделаешь. К счастью, прибор лишь подтверждал правильность ответов, не выдавая иной информации.

В течение последующей баталии Госсейн появился в девяти закодированных цифрами местах, оставив буквенные про запас на тот случай, если придется отвечать на неприятные вопросы. Он был уверен, что в сумятице и неразберихе у них не останется времени на тщательное расследование.

В коридоре под кодовым названием «7», когда

нападающие убедилась, что приперли его к стенке, Госсейн устроил короткое замыкание и сдался на милость победителя.

Он испытал огромное облегчение, увидев, что его привели в гостиную Крэнга. Допрос продолжался долго, но вопросы задавали настолько осторожно, что ни разу не удалось детектору лжи поймать его на даче ложных показаний. Закончив, Крэнг наклонился к микрофону и произнес:

— Я думаю, мистер Торсон, что вы можете спокойно отправляться с ним на Землю. Я останусь и наведу здесь порядок.

Госсейн недоумевал, куда подевался Торсон. Естественно, он постарается свести риск к минимуму, но ведь рано или поздно им придется отправиться на поиски вместе. В этом и заключалась вся прелесть ситуации. Тайну бессмертия нельзя было доверить подчиненным, которые тоже могли забыть о своих прямых обязанностях.

Гигант ждал у лифта.

— Так я думал, — сказал он, снисходительно глядя на Госсейна. — Ваш дополнительный мозг достаточно ограничен. Впрочем, теперь понятно, почему на сцене сразу не появился Гилберт Госсейн III. Он никак не мог помещать нашему вторжению на Венеру. Видимо, один

человек всегда уязвим, даже когда он обладает относительным бессмертием. Ведь достаточно сбросить атомную бомбу в предполагаемый район его нахождения, и наш герой глазом не успеет моргнуть, как превратится в пыль. — Торсон помахал рукой. — Забудем о Прескотте. Я даже доволен, что так получилось, невелика потеря. Хотя, судя по вашему поведению, вы абсолютно неправильно истолковали мои намерения. — Он пожал плечами. — Я никого не собираюсь убивать, Госсейн. Меня интересует лишь сделанное открытие.

Госсейн промолчал, но он знал, что Торсон лжет. История доказывала, что борьба за власть, убийство слабых, эксплуатация беззащитных были заложены в самой природе Аристотелевой личности, не умеющей контролировать мозг и жить в гармонии с природой. Юлий Цезарь и Помпой, Наполеон, выступивший сначала как защитник родины и превратившийся впоследствии в неуемного агрессора, являлись духовными наставниками Энро, который мечтал завоевать всю галактику.

Даже сейчас, отрицая свое тщеславие, Торсон наверняка строил грандиозные планы, представляя себя в роли какого-нибудь сверхчеловека.

Гигант прервал его размышления.

— Пойдемте, — произнес он. — Мы и так потеряли много времени.

34

«Дав предмету название, вы поступили неверно…» Кресло – не просто кресло. Это – структура необычайно сложная: химическая, атомная, электронная и т.д. Следовательно, если вы думаете о нем как о кресле, вы ограничиваете свою нервную систему – как на то указал Коржибский – одним определением. Общая сумма таких определений по отношению к разным предметам делает человека нестабильным, неврастеничным, а иногда сводит с ума.

Аноним

Город Машины изменился до неузнаваемости. Здесь шла битва, и повсюду стояли разрушенные строения. Когда они очутились во дворце, Госсейн понял, почему последние несколько дней Торсон провел на Венере.

От здания осталась лишь пустая коробка. Госсейн шел по полуобвалившимся коридорам,

входил в комнаты без потолка и испытывал ностальгию по добрым старым временам, когда беда еще не обрушилась на цивилизацию. Непрекращающиеся выстрелы со стороны далеких улиц как бы служили фоном мрачной картине опустошения, раздражали, вызывали неприятные воспоминания.

— Здесь не лучше, чем на Венере, — резко ответил на его вопрос Торсон. — Они сопротивляются, как дикие безмозглые животные.

— Один из нуль-А законов, — бесстрастно заметил Госсейн, — необходимость полного приспособления окружающей среде.

— А-а! — раздраженно протянул Торсон и тут же переменил тему разговора. — Вы что-нибудь чувствуете?

Госсейн покачал головой.

— Ничего, — честно признался он.

Они вошли в комнату Патриции. Огромная дыра зияла в стене, где раньше находился Генератор Пространства. Куски выбитых стекол валялись на полу. Сквозь пустые рамы Госсейн посмотрел вперед, вспоминая Машину, которая сверкала, подобно бриллианту чистой воды в короне пламени. Огромную площадку на вершине горы закидали тысячами тонн свежей земли

— видимо, чтобы даже память стереть о символе человечества, боровшегося за разум. Ни никто не разровнял неровные кучи: у захватчиков хватало других забот.

Никого не обнаружив, процессия людей и автомобилей отправилась в домик Дана Литтла. Он остался нетронутым. Скорей всего уборку производили автоматы — в комнатах было светло и чисто. Ящик из-под Генератора Пространства стоял в углу гостиной. Адрес: «Институт Семантики», куда Машина собиралась его отправить, выделялся черными буквами на стороне, обращенной к ним лицом. Госсейн всплеснул руками, как бы пораженный мыслью, пришедшей в голову.

— Может быть, там?

До зубов вооруженная армия двинулась по широкому проспекту бывшего города Машины. Флотилии робопланов затмили собой небо. Над ними, подобно коршунам, висели космические корабли, готовые открыть огонь по первому сигналу. Робопланы неслись по параллельным улицам. Отряды охраны со всех сторон окружили знаменитую площадь и кинулись внутрь здания через многочисленные двери. Остановившись перед центральным входом, Торсон указал рукой на надпись, выбитую в мраморе. Чувствуя торже-

ственность минуты, Госсейн прочитал древнее изречение:

СОМНЕНИЕ — ПИК ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА

Ему показалось, что из глубины веков до него донесся тихий вздох. Эта фраза говорила о реальности окружающего мира. Бесчисленные миллионы людей жили и умирали, даже не подозревая, что слепая вера мешает им видеть жизнь такой, какой она является на самом деле.

К Торсону подбежали несколько солдат. Один из них заговорил с ним на языке, состоящем почти из одних гласных. Гигант повернулся к Госсейну.

— Там никого нет, — сказал он.

Госсейн не ответил. «Никого нет», — эхом отдалось в мозгу, впрочем, он заранее мог предположить, что ни один ученый не останется в стороне, когда человечеству грозит опасность.

Торсон сделал знак охраннику, который нес вибратор, и Госсейн неожиданно почувствовал, как к ему потянулись нити энергии. Торсон посмотрел на него.

— Простая мера предосторожности, — сказал он. — Мы выключим прибор, когда войдем в здание.

Госсейн встрепенулся.

— Вы хотите войти?

— Я разнесу дворец на мелкие кусочки, — ответил Торсон. — В нем могут быть потайные комнаты.

Он повысил голос, отдавая какие-то распоряжения. Началась суматоха. Люди поочередно подбегали к нему с докладами. Они говорили все на том же непонятном языке, и Госсейн представления не имел, что происходит, пока Торсон не повернулся к нему, хмуро улыбаясь.

— В одной из лабораторий работает какой-то старик, — объяснил он. — Непонятно, как мы не заметили его раньше, но… — Он нетерпеливо махнул рукой. — Я приказал не трогать его, вплоть до моих дальнейших распоряжений.

Госсейн не усомнился в правильности перевода. Торсон был бледен. Гигант стоял молча, что-то обдумывая и мрачнея с каждой минутой.

— Риск слишком велик, — пробормотал он. — Мы, конечно, войдем, но…

По массивным золотым ступеням они поднялись к платиновым в драгоценных камнях дверям и прошли в просторный холл. Каждый дюйм стен и куполообразного потолка помещения сверкал, усыпанный миллионами бриллиантов. Эффект создавался потрясающий, и Госсейн подумал, что

архитекторы несколько переусердствовали. Дворец строился в то время, когда необходимо было убедить человечество, что так называемые драгоценные камни и металлы, ранее служившие признаком богатства, не более чем обыкновенные редкие минералы. С тех пор прошло сто лет.

Они пересекли комнату, выложенную рубинами, поднялись по изумрудной лестнице, и очутившись в зале со стенами из чистого серебра, остановились перед коридором, широко известным своим пластиком, который ничем не отличался от опала. Повсюду сновали солдаты, и Госсейном овладело отчаяние. Торсон указал рукой на дверь в конце коридора.

— Он там.

Госсейну показалось, что все это происходит с ним во сне. Он открыл рот, собираясь спросить: «А у него есть борода?», но не смог издать ни звука. «Что же мне делать?» — в отчаянии подумал он.

Торсон кивнул.

— Его охраняют мои люди. Сейчас все зависит от вас одного. Пойдите и скажите ему, что здание окружено, а наши приборы не регистрируют наличие атомной энергии, так что он бессилен. Сопротивление бесполезно. — Вытянувшись во весь рост, он посмотрел на своего пленника

сверху вниз. — Госсейн, — проревел он, — я вас предупреждаю, ни одного лишнего движения. Я уничтожу и Землю, и Венеру, если произойдет что-нибудь непредвиденное.

Звериная ярость угрозы вызвала у Госсейна ответную реакцию, помогла избавиться от охватившего его оцепенения. Они с ненавистью уставились друг на друга. Торсон первым нарушил молчание и рассмеялся, разряжая обстановку.

— Ну ладно, ладно, — произнес он. — Считайте, что оба мы погорячились. Слишком много поставлено на карту. Но помните, это вопрос жизни и смерти. — Он скрипнул зубами. — Не теряйте времени!

Госсейн почувствовал леденящий холод внутри — ощущение, которое могло возникнуть только в результате неправильной работы нервной системы. Его мускулы непроизвольно напряглись. Он пошел вперед.

«Госсейн, когда ты подойдешь к алькову рядом с дверью, сделай шаг в сторону. Там ты будешь в безопасности.»

Госсейн вздрогнул, как от удара. Он не слышал ни одного слова, но мысль, возникшая в мозгу, прозвучала так ясно, как будто была его собственная.

«Госсейн, вдоль стен стоят металлические ящики, к которым подведена электрическая энергия в тысячу вольт. Воспользуйся ею при необходимости.»

Теперь уже не оставалось никаких сомнений. Видимо, Прескотт оказался не прав, считая, что телепатия возможна только в том случае, когда два мозга совпадают по своим показателям как минимум до двадцатого десятичного знака, ведь он спокойно воспринимал чьи-то чужие мысли.

Пораженный тем, что развязка наступила так неожиданно, Госсейн застыл на месте. Он смутно подумал: «Я не должен останавливаться! Надо идти!»

«Госсейн, зайди в альков и попытайся нейтрализовать вибратор!»

Он уже прошел большую половину пути. Альков находился всего в десяти футах от него, потом в пяти, потом…

— Госсейн, что вы задумали? — проревел голос Торсона. Выходите немедленно!

«Нейтрализуй вибратор!»

Он старался изо всех сил, зрение его помутилось от напряжения. Он увидел, как сверкнувшая молния пронеслась мимо и ударила прямо в Торсона. Гигант рухнул как подкошенный, а ог-

ненная струя закружилась по залу. Послышались крики и стоны гибнувших солдат. Огненный шар плавно опустился с потолка, обволакивая вибратор. Раздался взрыв, и прибор разлетелся на мелкие кусочки, уничтожив столпившихся вокруг техников.

В то же мгновение нервная система Госсейна освободилась из плена энергетических пульсаций.

«Госсейн, скорее! Не дай им опомниться. Они могут успеть передать на космические корабли приказ о бомбежке. Я ничего не могу сделать. Очисти здание, потом возвращайся. Поторопись! Я тяжело ранен.»

Ранен! Чувствуя необъяснимое волнение, Госсейн представил себе человека, который умрет, так и не успев ничего ему рассказать. Он заставил себя сконцентрироваться и, подсоединив дополнительный мозг к источникам энергии, через десять минут превратил в развалины остальную часть задания и площадь. Поток пламени разлился по коридорам. Стены рушились, заживо погребая захватчиков. Танки дымились и вспыхивали яркими факелами. «Ни один человек, — ярче молнии сверкнула мысль, — ни один человек из особой охраны Торсона не должен

уйти отсюда живым».

Живым не ушел никто. Совсем недавно целый полк солдат и боевой техники заполняли собой всю площадь. Сейчас — повсюду лежали обуглившиеся тела да кое-где дымились куски металла. Робопланы висели в воздухе на высоте тысячи футов. Без приказа Торсона они не решатся на прямое вмешательство, а, может быть, Крэнг уже принял командование.

Госсейн не стал тратить времени на ненужные размышления. Он кинулся обратно в здание, торопливо пробегая комнату за комнатой. Возвратившись в лабораторию, он остановился как вкопанный. В кресле у стола полулежал старик с густой бородой. Он посмотрел на Госсейна остекленевшим взглядом, с трудом улыбнулся и произнес:

— Полный порядок!

У старика был глубокий, сильный и очень знакомый голос. Госсейн непонимающе уставился на него, вспоминая, где мог слышать этот бас раньше. Вздрогнув от неожиданности, он сделал шаг вперед.

— «Х»! — громко сказал он.

35

Я представляю семью. Пусть плоть умирает навек, В чертах остальных живу, Безвременный человек, То ту я, то там брожу, Забвенье людей презрев.

Т.Х.

Старик закашлялся. Это был неприятный звук, и лицо его исказилось мукой. Тело в судороге, и сползшая повязка обнажила обожженную кожу и огромную рану величиной с кулак в правом боку. Из нее вытекали темные капли крови.

— Ничего, — пробормотал он. — Я хорошо держу боль, только бы не кашлять. Самовнушение — великая вещь. — Он медленно выпрямился. — «Х», — повторил он. — Что ж, если хочешь, пусть будет так. Мне удалось добиться для него высокого положения среди заговорщиков. Ведь он, сам того не подозревая, снабжал меня информацией. В этом и заключается вся прелесть системы бессмертия, которую я, кстати, значительно усовершенствовал. Мысли человека активного телепатически воспринимаются мозгом… гм-м… пассивным. Естественно, когда появился он,

пришлось исчезнуть мне. Трудно, видишь ли, объяснить наличие сразу двух Лавуазье. — Он осторожно откинулся на спинку кресла и облегченно вздохнул. — Мне просто необходим был осведомитель, мысли которого я мог бы читать без задержки. Признаюсь, что именно я подстроил аварию и ускорил течение некоторых жизненных процессов в его организме. Жестокое решение, не спорю, но в остальном он оставался совершенно независимым негодяем, вольным в своих поступках.

Голова его склонилась на грудь, глаза закрылись, и Госсейну показалось, что старик потерял сознание. Его захлестнула волна отчаяния. Неизвестный умирал, а Госсейну так ничего и удалось выяснить. «Я должен знать, кто я такой», — тоскливо подумал он и, наклонившись, потряс Лавуазье за плечо.

— Проснитесь! — крикнул он.

Тело не шевельнулось. Усталые глаза открылись и задумчиво посмотрели на него.

— Я пытался, — сказал низкий голос, — покончить с собой. Не хватило сил подключить дополнительный мозг к источнику энергии. Ничего не вышло… Видишь ли, я давно решил, что умру вместе с Торсоном… Думал, меня убьют

солдаты… они плохо стреляли. — Он покачал головой. — Все логично. Сначала пробуждается тело, потом кора головного мозга, потом… — Глаза его загорелись. — Может быть, ты дашь мне пистолет? Я чувствую, мне все труднее бороться с болью.

Обуреваемый противоречивыми чувствами, Госсейн поднял с пола бластер. «Неужели я могу заставить беспомощного старика страдать и отвечать на вопросы?» Душевная борьба измотала его, но в конце концов он убедил себя, что у него нет другого выхода. Когда Лавуазье протянул руку, Госсейн отрицательно покачал головой. Старик бросил на него быстрый взгляд.

— Вот оно что! — он рассмеялся каким-то странным, удивленным смехом. — Ну хорошо, что ты хочешь узнать?

— Мои тела. Как…

Его прервали на полуслове.

— Секрет бессмертия, — сказал старик, — заключается, отчасти, в умении разграничивать потенциальные возможности, которые ребенок унаследовал от каждого из своих родителей. К примеру, можно взять близнецов или двух похожих друг на друга братьев. Теоретически сходство может быть достигнуто непосредственно при

рождении. Но в действительности это возможно лишь в лабораторных условиях, когда тела находятся в инкубаторе. Бессознательное состояние исключает появление у них собственных мыслей, их массируют автоматы, они получают искусственное питание и, следовательно, практически не отличаются от оригинала. Но мозг меняется лишь согласно восприятию, полученному от своего alter ego, который живет в миру. На практике данный процесс требует контроля Генератора Пространства и прибора типа детектора лжи, который настроен таким образом, чтобы убирать ненужные впечатления. В твоем случае я стер почти всю память — тебе незачем было много знать. Но именно такое совпадение мыслей обеспечивает бессмертие личности, несмотря на то, что тело за телом могут подвергаться уничтожению или гибели.

Львиная голова склонилась на грудь.

— Вот и все. Остальное ты уже знаешь от Крэнга. Мы должны были как-то отсрочить нападение.

— А мой дополнительный мозг? — спросил Госсейн.

Старик вздохнул.

— Он существует в зародыше у каждого из нас, но не может развиться из-за нервных перегрузок,

которые организм испытывает в течение жизни. Вспомни кору головного мозга Джорджа, мальчика-зверя, так и не сумевшего начать правильно функционировать. Дополнительный мозг просто не выдерживает активного существования на ранних стадиях развития… Его, конечно, можно…

Он умолк, и Госсейн дал ему минутный отдых, пытаясь разобраться в услышанном. Потенциальные возможности, унаследованные от каждого из родителей. Искусственное оплодотворение — наука пользовалась подобными методами сотни лет назад, а инкубаторами еще раньше. Теперь самое главное: где хранятся тела?

Он задал вопрос срывающимся голосом и, не получив ответа, потряс старика за плечо. Тело Лавуазье безжизненно упало вперед. Вздрогнув, он осторожно опустил его на пол и, встав на колени, приложил ухо к груди. Сердце не билось. Госсейн медленно поднялся на ноги. Губы его беззвучно шептали: «Но ведь ты ничего мне не сказал. Я все еще ничего не знаю».

Постепенно он успокоился. Такова жизнь, и нельзя ожидать, что все в ней будет ясным и понятным. Наклонившись, он обыскал куртку и брюки старика, надеясь найти хоть какую-нибудь

улику. Карманы были пусты. Он уже собирался встать, когда услышал:

«О боже, дай мне пистолет!»

Госсейн замер, потрясенный до глубины души, и тут же понял, что не услышал ни звука, просто поймал мысль покойника. Сначала нерешительно, потом все увереннее, он начал осторожно трясти его за плечо. Клетки человеческого мозга погибали не сразу после того, как сердце перестало биться. Если он услышал одну мысль, значит, есть и другие. Шли минуты. «Умирание — сложный процесс», — подумал Госсейн. К тому же сходство между нами наверняка частично нарушено.

«Поживи еще немного, Госсейн. Следующая партия тел — в возрасте восемнадцати лет. Подожди, пока им исполнится тридцать… да, тридцать…»

Мысль оборвалась, но Госсейн задрожал от возбуждения. Видимо, ему удалось стимулировать небольшую группу клеток. Прошло еще несколько минут, и вновь:

«… Память обладает изумительными свойствами… Но между твоей и моей группами нарушилось непрерывность. Несчастный случай, со мной происшедший, не укладывался в

рамки процесса. Жаль, конечно, но теперь к тебе пришел уже жизненный опыт, и ты сможешь завершить…»

На этот раз пауза была совсем недолгой, и снова в его мозгу зазвучал голос:

«Раньше я задумывался — может, меня тоже кто-нибудь создал? Я отводил себе роль королевы в шахматной партии, а ты был пешкой в седьмом ряду, которой оставалась одна клеточка, чтобы прорваться в ферзи. Но ведь королева — всего лишь фигура, хоть и важная. Кто же тогда игрок? Когда все началось?… Опять… (неразборчиво)… круг замыкается, и мы продвинулись вперед не дальше…»

Госсейн напряг все силы, пытаясь удержать мысль, но она исчезла. Стоя на коленях, напряженно прислушиваясь, он внезапно понял, насколько фантастично то, что здесь происходит. И вновь контакт.

«… Госсейн, более чем пятьсот лет тому назад… я начал разрабатывать нуль-А теорию, выдвинутую не помню кем еще раньше. Я подыскал место, мне казалось, что не-Аристотелев человек… именно тот путь развития… Тайна бессмертия не должна попасть в руки таким, как Торсон, готовым использовать знания для достижения

неограниченной власти…»

Молчание. Становилось очевидно, что кора головного мозга погибает, клетки теряют однородность. Он поймал туманные обрывки фраз, потом:

«Я обнаружил галактическую базу, побывал во всей Вселенной. Я вернулся и разработал проект Машины… И это я выбрал Венеру, чтобы люди могли быть счастливы. А затем, несмотря на потерю памяти в результате несчастного случая, я начал выращивать тела, правда не своего поколе… ле…»

Шли минуты, но умирающий мозг старика безмолвствовал. Госсейн поднялся на ноги. Его охватило радостное волнение человека, которому удалось восторжествовать над самой смертью. Внезапно он вспомнил слова, на которые раньше не обратил внимания: «Между твоей и моей группами нарушилась непрерывность».

Ну конечно же! Только ненависть к «Х» помешала ему понять, что между ними существует какая-то связь. Но непрерывность могла относиться только к… памяти. Да и кем еще он мог быть?

Он кинулся искать пасту для бритья. Тюбик лежал на полке в ванной комнате. Дрожащими

руками он выдавил содержимое на бороду покойного.

Волосы легко сошли в полотенце. Госсейн встал на колени и молча уставился на человека лет семидесяти пяти или восьмидесяти — старше, чем он думал. Больше ему никого не придется искать. Лицо было его собственным.